

"М+Ж. А черт с ним, с этим платьем!"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

Андрей Жвалевский, Евгения Пастернак

М+Ж. А черт с ним, с этим платьем!

Любые совпадения с реальными людьми, государствами и климатическими явлениями случайны. При написании книги ни одно нэцкэ не пострадало. Мнение одного автора может не совпадать с мнением другого автора.

Попытка первая

Метро, книги и китайские блюда

Почему в вагонах метро всегда такая тоска? Почему все ветки как ветки, а эта, серая, какая-то особенно нескончаемая? И почему, особенно вечером, так остро чувствуешь себя не дома? Вроде бы метро во всех городах одинаковое, и люди везде одинаковые, а едешь тут одна, и вокруг все чужие. Почему-то кажется, что за тобой следят, кто-то хочет вытащить из сумки кошелек, а вся милиция города существует для того, чтобы проверять паспорт. У меня.

А ведь все было хорошо, никто меня не трогал, но стоило одному менту прицепиться, и теперь в каждом я вижу врага. А они это чувствуют! При виде милиции я инстинктивно втягиваю голову в плечи и пытаюсь сделать вид, что меня нет, но именно меня всегда выдергивают из толпы. Можно, конечно, льстить себе: это потому, что я такая неотразимая... Да, лучше думать, что не заметить меня просто невозможно. И тот мужик так смотрит не потому что убить в подворотне хочет, а потому что любит.

Господи, да что же это такое! Такое ощущение, что последние сто лет я провела в этом вагоне метро. Еще четыре остановки, потом можно расслабиться. Нужно думать о хорошем. Сейчас я приеду к Наташке, она накормит меня чем-нибудь... Нет, сначала мы пойдем в «Перекресток» и это «что-нибудь» купим. Вот интересно, почему если рядом Наташка, то город совершенно не чужой, а, наоборот, родной и знакомый?

Уф, вроде бы тот мужик, что так на меня пялился, собрался выходить. Я, конечно, все понимаю, но без него дышать как-то легче стало. О! Следующая «Чертановская», уже совсем близко. Значит так, сейчас приеду, выйду из метро и позвоню Наташке. Она так часто меняет съемные квартиры, что я адреса не успеваю запоминать. Позвоню, она расскажет, куда идти, и уже через десять минут буду сидеть у нее на кухне, будет мне хорошо и уютно...

Все, «Южная» следующая. Еще пару остановок - и точно клаустрофобия началась бы, я стала бы кричать, головой об стенку биться, меня отсюда на «скорой» увезли бы... Нет, нужно о хорошем думать, тем более что я уже приехала.

Ну почему, почему, когда я в вагоне - так давка, а как на станции - так никого нет, кроме вон того милиционера? И тут уж себя ничем не утетишь, очевидно, что я здесь самая красивая: тут, кроме меня, никого...

Ну хоть бы он занялся чем-нибудь, хоть бы ему по рации кто-нибудь позвонил, хоть бы у него зачесалось что-нибудь... Так, нужно изображать аборигена, смотреть прямо, идти уверенно, я тут каждый день хожу, дорогу как свои пять пальцев знаю...

- Девушка!

Ну почему я?! Ах да, тут же, кроме меня, нет никого. Я же тут единственная и незаменимая.

- Девушка, подойдите ко мне, пожалуйста.
- Что-то случилось? Дурацкий вопрос.
- Девушка, можно ваши документики посмотреть?
- Зачем?

Нет, я определенно решила побить все рекорды идиотизма. Сейчас мент разозлится, и мне мало не покажется.

- Хочу убедиться, что у такой красивой девушки документы в порядке.

Все... Игриво настроенный милиционер хуже злого. О, поезд следующий пришел. Почему бы в этом поезде не приехать вагону террористов с пулеметами и автоматами наперевес? Интересно, «наперевес» - это как? Наперевес чему?

- Девушка!
- Да-да, я сейчас! Только паспорт найду.

Вот черт! Одна надежда: пока я буду в своей «маленькой» сумочке паспорт искать, мент поседеет, состарится, у него начнется склероз, и он про меня забудет. Та-а-ак, это косметичка, это прокладки, это... А что это, кстати? А-а-а, помню, помню... Стоит, зараза, уже не улыбается, вся игривость пропала. Переходим во второе отделение сумки: тут визитки, права (чего я их с собой таскаю, все равно в Москве на машине не езжу), кошелек... Не поняла, а паспорт где? Ладно, сначала. Это права, это кошелек, а где записная книжка? Если рассуждать логично, то вряд ли из сумки стащили паспорт и записную книжку, а кошелек оставили... Но это - если логично, а как можно рассуждать логично, если над душой стоит этот придурок!

- Знаете, я, кажется, забыла паспорт дома.
- Придется пройти в отделение для выяснения личности.
- Ой, а давайте я лучше домой пойду, поздно уже...
- Вот выясним все, и пойдете.

Вот гад. Еще один поезд. Ну хоть бы какой захудалый «челнок» с сумкой размером с вагон метро. Зажрались они тут, в Москве, у нас дома каждый второй с такой сумкой ходит.

- Молодой человек, простите, товарищ милиционер, я вас умоляю, отпустите меня домой, я целый день на выставке отработала, я есть хочу!

Главное - улыбаться пожалостливее, это легко получится, я действительно ужасно голодная. Где я могла забыть паспорт? Скорее всего, на выставке. Мне показалось, что сумочка слишком тяжелая, я выложила из нее кучу всяких бумаг и оставила на стенде. Наверное, паспорт завалился между ними... И записная книжка тоже...

Боже мой, а как же я Наташке позвоню?! Дура, сколько раз собиралась ее телефон на БШку записать! Черт, черт, черт!.. А может, она сама перезвонит? Подождет часик, а потом начнет меня искать? Нет!.. Она же мой новый мобильник просто не знает! Вот только плакать не надо,

терпеть не могу женщин, которые что-нибудь выплакивают. Еще не хватало перед этим истуканом разреваться.

- Ну отпустите вы меня.

- Я вас в отделение отведу, пусть они отпускают. Отлично, вот там и переночую. Только не реветь, да нет же!.. Все, поздно... Может, если я на поверхность выйду, то вспомню, где Наташка живет, я же была у нее, пусть год назад, но была...

- Вы тут кончайте рыдать, паспорт с собой носить нужно.

Рыдать? Это я пока не рыдаю, это я только всхлипывать начала. А что делать? Ну хоть люди на станции появились.

- Привет, Катерина, ты уже и милиции скандалы закатываешь, не мне одному мучиться?

Катерина? Это я Катерина? То есть я, конечно, Катерина.

- Что, опять паспорт дома забыла? А меньше нужно орать по утрам, а больше головой думать. Товарищ сержант, это моя жена. Вот мой паспорт, вот мои ключи от квартиры, а вот ключи, которые она мне сегодня в лицо швырнула. Скажи спасибо товарищу милиционеру, что он тебя здесь задержал, а то бы ты все это время у подъезда куковала. Идем домой, давай сумку. Что ты в ней все время таскаешь, она же у тебя как кирпичами набита. Все, пошли!

Все, иду. В голове ни одной мысли. Ни одной. Если этот мужик хочет спереть у меня сумку, то сейчас мы выйдем на улицу и он убежит.

Права жалко.

- Послушайте, отдайте мне сумку, она же правда как кирпичами набита.

- Отойдем подальше, отдам. Мент все еще нам вслед смотрит.

- А почему он меня отпустил? Может, он сейчас подкрепление вызовет?

- Не вызовет, я ему в своем паспорте сто рублей сунул.

- Обычно пятидесяти хватает...

- Я хотел, чтобы молча отпустил, без лишних разговоров.

- Все, спасибо, мы уже из метро вышли, давайте мою сумку, я домой пойду, мне в другую сторону. Давайте я вам сто рублей отдам.

Интересно, куда это он меня так уверенно ведет? Почему я за ним вообще пошла? А почему он меня по имени назвал?

- Ой, поняла! Вы меня знаете, да? Вы же мое имя знаете! Мы у Наташки встречались? Представляете, а я ее адрес на выставке забыла, совершенно не помню, куда идти. Как хорошо, что вы меня встретили, а то я даже телефона не знаю.

Господи, какое облегчение! Хоть плачь от радости.

- Понятно, переночуешь у меня, а утром с твоими делами разберемся.

- Почему у тебя... У вас... Мне на работу утром...
- Значит, вечером приедешь, вечером разберемся.
- Но я... но мне... Я не могу... Мне позвонить надо, меня ждут...

Просто Цицерон в юбке, само красноречие. Странная женская особенность: как только рядом появляется человек, который за тебя думает, собственный мозг отключается. Я даже не могу сообразить, в какую сторону от метро мы пошли. Куда я иду? Зачем?! Этот тип убьет меня где-нибудь в подворотне, а я потом даже не смогу объяснить, где это произошло. Почему он меня не отведет к Наташке? Может, с ней случилось что?

- Меня Сергеем зовут, а тебя?

Как это: «А тебя?» Он же меня знает... Или нет? Или с кем-то спутал?

- Катя. В смысле, Катерина Ивановна. Никакой реакции. Аферист? Или маньяк? А если маньяк, зачем представлялся?

- Да не собираюсь я тебя убивать. На, возьми платок, вытри правый глаз, у тебя тушь размазалась. Правый глаз с другой стороны.

- С другой стороны чего?

- С другой стороны носа. Ты левый вытираешь.

Все он знает! Где правый глаз, знает, и что тушь размазывается, знает.

- Значит так, запоминай мой адрес. Нет, не запоминай, я тебе на бумажке напишу в пяти экземплярах и в сумке разложу по разным местам. Может, один - случайно - не потеряется. Ну вот, слава богу, ты улыбаться умеешь. А то я подумал, так и будешь скорбеть вечно. Все, расслабься. Неприятности закончились. Этаж хотя бы запомни. Девятнадцатый. Что ты знаешь про цифру 19?

- Это не цифра, а число.

- Какая радость, ты начинаешь что-то соображать!

Девятнадцатый этаж. 19-й этаж... Никаких ассоциаций, запомнить невозможно. Господи, что я делаю, куда меня несет?! Убийство в лифте... Так просто, что даже не страшно. Нужно хоть мужика рассмотреть, а то он меня убьет, а я его потом не опознаю. Обычный мужчина. По закону жанра должен быть жгучий брюнет, ростом не меньше 188. По закону жанра я должна сейчас испытывать страстное желание и погибнуть в неравной борьбе с ним... А я ничего не испытываю. Может, я фригидная? Конечно, хорошо испытывать желание, когда ты красивая, уверенная в себе блондинка с талией шестьдесят сантиметров. А когда тушь потекла, когда нос красный и жрать хочется? Вот умоюсь, причешусь, поем и тогда посмотрю на него еще раз. Хотя куда мне есть. Если даже совершенно незнакомый мужик не пытается ко мне пристать, значит, точно килограмма три сбросить нужно.

Настроение у меня с самого утра было хорошее.

Правильное слово «настроение», оно происходит от «настроить», «настраиваться». Вот

настроился с утра на положительные эмоции – и все пошло как по маслу.

Началось с того, что директор, придя на работу, обнаружил меня на боевом посту. Я листал принесенную вчера рукопись с таким утомленным видом, что издали было видно: человек с рассвета трудится (на самом деле – двенадцать с половиной минут). Повертев носом, директор поинтересовался, готовы ли обложки, узнал, что в ближайшее время я новых книг в производство сдавать не собираюсь, буркнул: «Завалили работу в компьютерном отделе!», и скрылся в кабинете.

Я тут же показал директорской спине язык, чем заслужил залихватский смех Кати. Катя была младшим редактором и, следовательно, моим подчиненным, но хохотала не из подхалимажа, а от стремительности юной души.

До ухода директора по очередным таинственным «делам» я успел отклонить две рукописи, заинтересоваться одной, написать пять писем авторам, которые уже полтора года находились в бегах, и посетить сайт anekdot.ru. Затем, дождавшись, пока рокот начальственной «мицубиши» затихнет за поворотом, объявил второму младшему редактору Рите, что должен съездить на выставку, а потом проведать кое-кого из потенциальных инвесторов.

– А-а-а, – сказала Рита и внимательно посмотрела на воротничок моей рубашки.

Когда-то я опрометчиво явился в издательство с помадой на воротнике, и с тех пор ехидные коллеги женского полу при каждой моей отлучке интересовались состоянием этой почти интимной части одежды.

Проигнорировав непочтительность, я двинулся навстречу приключениям. С инвестором (моим бывшим соседом по общежитию) мы прекрасно пообщались по телефону, пока я шел к метро. Получив легко прогнозируемое «Да пошел ты со своими книжками!», я с чувством перевыполненного долга двинул к Маше.

Цветы на сей раз выбирал тщательно и даже сопроводил их коробкой хороших конфет. После прошлого раза следовало быть пайнкой. Бинарная смесь «цветоконфеты» оказала свое обычное нервно-паралитическое действие. Машка – существо воздушное, но практичное – подулась, но все простила и была со мною ласкова необыкновенно. Как оказалось позднее, не без умысла.

Когда я валялся (беззащитный, романтический и после душа) на ее упругом диванчике, хозяйка нежно прильнула ко мне и попыталась завести абстрактный разговор, от которого за километр веяло маршем Мендельсона. Но даже это не испортило мне настроения. Просто во внутреннем блокноте напротив имени «Мария Концевая» появился жирный черный крестик.

Словом, когда я добрался до станции метро «Южная», душа если не пела, то насвистывала какую-то очень жизнерадостную мелодию. Хотелось совершенно бесплатно сделать кому-нибудь хорошо. Объект не заставил себя ждать.

Объект стоял перед кособрюхим ментолиционером и нервно рылся в сумочке. Блюститель прописки смотрел прямо перед собой с непроницаемостью мусорного бачка.

– Документики, гражданка, с собой носить надо, – монотонно бубнил он. – Пройдемте в отделение.

Гражданка суетливо возражала, что она вот где-то вот тут сейчас чего-то найдет, и продолжала рыться. По ее судорожно-беззаботному лицу было понятно, что никакого паспорта у нее с

собой нет и дамочка просто тянет время.

Вообще говоря, незнакомка мне сразу глянулась, хотя ничего особенного из себя не представляла. Она не была ни слишком молода, ни слишком красива (я и не люблю таких). В меру рыжая. Одета без шика, но со вкусом. Ножки не слишком худые и впечатляющей длины, хотя и в пределах разумного. Грудь вроде ничего, впрочем, при современном уровне бюстгальтеростроения такую грудь может позволить себе кто угодно. Возраст – около тридцати, мой любимый, сразу не определяемый. Взгляд, полный горя и размазанной туши.

Словом, если бы не поэтическое томление души, прошел бы мимо и ничего бы в груди не екнуло.

А поскольку екнуло, то я двинулся не мимо, а прямо на сладкую парочку.

– Катка! – воскликнул я как можно грознее. – Ты где ходишь? Опять во что-то вляпалась? Ты уже и здесь скандал закатила?

Нахрапистость, или, как выражаются грубые люди, нахальство, – второе счастье. Первое счастье – обеспеченность денежными знаками. Мент ощутил во мне присутствие двух счастлиих одновременно и переключил внимание с безденежной клиентки на меня. Уже через пять минут мы расстались, довольные друг другом: сто рублей – прекрасный повод для взаимопонимания. Женщина, которую я окрестил Катериной, к счастью, оказалась сообразительной. А может, была ошарашена. Во всяком случае, вела она себя правильно: заткнулась, кивала в нужных местах и только после выхода сержанта из зоны слышимости потребовала назад сумку. Еле удалось убедить ее, что не стоит дразнить гусей, даже если в зубу у них новенькая сотенная.

Выводя незнакомку из пасти метрополитена, я чувствовал себя Героем Советского Союза Водопьяновым, вывозящим со льдины первую партию больных и обмороженных челюскинцев. На по-вечернему освещенной улице моя новая знакомая показалась мне даже симпатичной. Для улучшения экстерьера я не пожалел свежего носового платка, которым дамочка принялась выковыривать тушь из зареванных глаз. В порыве благородства я решил донести сумку до нужного места.

Выяснилось, что нужное место – моя собственная квартира, потому что прекрасная незнакомка оказалась в чужом городе без документов и адреса своей подружки.

«Может, аферистка? – встрепенулось мое тренированное здравомыслие, но тут же получило отпор от романтики: – Слишком уж сложно! Это твой шанс, дубина!»

Благодушно простив романтике «дубину», я выкатил грудь и перешел на «ты»:

– Меня Сергеем ЗОВУТ. А тебя?

– Катя, – протянула она, озираясь в сторону не видимого уже милиционера.

– Да не бойся, – усмехнулся я, – не убью!

Моя новая знакомая затравленно втянула голову в плечи, а я вдруг сообразил:

– Что значит «Катя»?

– Значит Екатерина. – Собеседница посмотрела на меня круглыми, как у селедки, глазами и

добавила: – Ивановна.

– Ладно, – покладисто сказал я, – Екатерина Ивановна. Переночуешь у меня. А чтобы не потерялась по дороге, я тебе свой адрес на бумажке напишу. В пяти экземплярах.

И повел нежданную вечернюю добычу в свое логово.

Когда я поняла, что мое имя Сергей просто угадал, то изо всех сил постаралась расслабиться. Как ни странно, получилось. У него оказалась нормальная холостяцкая квартира: с одной стороны, уютная, с другой – в меру грязная и неухоженная.

Сергей, не умолкая ни на минуту, приготовил простой ужин и даже вытащил откуда-то бутылку вина – весьма кстати, потому что, оказывается, вся эта история здорово расшатала мне нервы. После первого бокала перестали дрожать руки, а после второго я окончательно успокоилась. Я просто забыла, что с этим мужчиной знакома всего пару часов...

Это я обнаружила, случайно глянув на часы. Мы легко трепались на окологкижные темы, нашли пару общих «шапочных» знакомств, выдули бутылку вина и чувствовали себя совершенно замечательно. Но кроме относительного времени, часы показывали еще и абсолютное. Стукнуло двенадцать часов ночи. Пора спать.

– Сергей Федорович, спасибо за все, я очень устала, спать хочу страшно, можно, я уже пойду...

Слова еле выдавливались. Ни простоты, ни естественности... Что делать? Как себя вести? С одной стороны, не хотелось изображать из себя жеманную недотрогу, с другой, нельзя, чтобы он воспринял мое поведение как намек на то, что я не против.

Если бы мы были знакомы получше, я бы в лоб спросила, где кто сегодня будет спать. А вдруг он и не собирался ко мне приставать? Я полезу с какими-то дурацкими вопросами, а он будет смотреть на меня, как на последнюю дуру... Еще подумает, что напрашиваюсь. Мне стало так стыдно, что даже жарко. Я быстренько сделала вид, что зеваю, и, закрыв лицо руками, сбежала из кухни.

Надеюсь, он не воспринял мое бегство как намек на то, что нужно побыстрее ко мне присоединиться. Да-а. Ничего себе у него постелька... Метра два на два, но подушка одна, одеяло одно, – как будто ничто не говорило о том, что у него на сегодня какие-то планы. Ладно, разберемся.

Улеглась, а сна, само собой, ни в одном глазу. Интересно, что он там делает. Небось, душ принимает. Сейчас завалится в комнату, такой выбритый, благоухающий, и скажет какую-нибудь пошлятину, типа «не найдется ли для меня местечка?». Фу! Гадость какая!

Что-то он долго не идет... Наверное, паузу держит. Ждет, когда меня разморит после вина, он придет, а я тут такая сонная, тепленькая, он ко мне под одеяло юрк... А я ему ногой в пах бабах! А чего лезешь!..

Что-то он еще не пришел, а я уже издергалась вся. Пойти, что ли, посмотреть, чем он там занимается? Тогда он точно решит, что я его ждала...

Нет, сил нет ждать. Пойду посмотрю, а если его встречу, скажу – в туалет, тем более что это будет кстати.

Когда я крадучись вышла из комнаты, то увидела, вернее, услышала, что хозяин квартиры спит мертвым сном.

И только усталость так и не позволила мне разобраться, почему кроме огромного облегчения я испытала совершенно неуместное разочарование. И злость. Я тут про него думаю, а он в это время спит, а еще...

На самом деле я заснула гораздо быстрее, чем додумала.

Продолжая партию доброго самаритянина, я всю дорогу до квартиры развлекал гостью изящной светской беседой, от которой оторвался лишь однажды - открыть дверь. Надо признать, что операция эта требует полной концентрации внимания даже от меня. Посторонний человек ни за что не проникнет (не покинет) в мою крепость, даже вооруженный всеми ключами. Там нужно эдак потянуть, одновременно приподнимая ручку под углом шестьдесят два градуса и надавливая на левый нижний угол двери носком ботинка.

Впрочем, Екатерина Ивановна любезно не заметила секундной заминки в беседе и вообще была естественна и расслаблена.

- Хорошо еще, что косметичку не забыла, - заявила она с подкупающей искренностью, - завтра я была бы похожа на пугало!

Тут она на себя наговаривала. Смыв под душем слой штукатурки, Катя стала даже привлекательнее. И это становилось все большей проблемой. То, что Екатерина Ивановна также работала в книжном бизнесе, никак не делало нас с ней существами среднего пола. Бутылка красного сухого ситуацию только усугубила.

Слушая ее полусонную болтовню о том, что она благодарна и все такое, а завтра с утра поедет на выставку и найдет там блокнот и паспорт, и как хорошо встретить в чужом городе коллегу, а то что бы она делала сейчас, просто непонятно, - слушая все это, я напряженно размышлял о предстоящей ночи.

Не попытаться не приставать к ней я не мог.

Молодая привлекательная дама, ночь, вино, романтическое знакомство... И вообще, что подумает гостя, если к ней не попроставать? Решит, что я голубой? Нет, не похож. Значит, импотент. Ну уж нет! Лучше по физиономии получить, чем так опозориться! С другой стороны, мы с Машкой сегодня на радостях выполнили недельную норму любовных утех, поэтому секс-феерия в моем исполнении вряд ли получится. Получится один невыразительный раз. В лучшем случае. А если буду слишком много об этом размышлять, и одного раза не видать.

Словом, я с большим облегчением дождался, когда моя женственная коллега с хрустом зевнула, попросила поставить будильник на семь и побрела в комнату. Допил вино, разложил гостевую тахту, а затем, так ни на что и не решившись, завалился спать.

Утро было замечательное. Бывает, что просыпаешься в хорошем настроении без всякого повода. Просто все хорошо.

Меня начат душить практически беспричинный смех: я вдруг увидела ситуацию со стороны, представила, как буду рассказывать эту историю, и с каждой минутой веселилась все больше и больше.

Вот как объяснить Наташке, почему я не пришла ночевать? Я тут же живо представила себе все, что скажет моя подруга по этому поводу. Она ждала, волновалась, а я с каким-то мужиком шлялась.

То есть получилось, что я сняла в метро мужика. Вернее, он меня снял. За сто рублей. Дешевка! Правда, я и эти деньги не отработала, так что не дешевка, а халява...

А мент у нас был чем-то вроде сутенера.

Представляю себе: бандит, который выкупает меня у мента, чтобы впоследствии надругаться в лифте. И всего за сто рублей.

Светило солнышко, вид из окна девятнадцатого (надо же, запомнила) этажа открывался просто прекрасный, и я бегом поскакала в душ, чтобы успеть туда раньше хозяина квартиры.

Могла бы и не спешить – он спал в той же позе и, похоже, в ближайшее время не собирался не то что вставать, но даже и шевелиться.

Ванная меня окончательно развеселила. Чего тут только не было! Вернее, кого тут до меня только не было!

Шампунь для сухих поврежденных волос, бальзам для жирных, сеточки для волос, прокладки, зубных щеток целая жменька. Да... Нужно все-таки к Сергею Федоровичу получше присмотреться, не зря же дамы сюда табунами ходят.

В ванной обнаружилось абсолютно все необходимое для того, чтобы окончательно поднять мне настроение. Даже мой любимый шампунь, даже крем для рук и даже фен.

А дальше случилась очень странная вещь. С чистой высушенной головой я пришла в комнату, открыла дверцу шкафа в надежде обнаружить там зеркало (с чем всегда плохо в холостяцких квартирах, так это с зеркалами) и увидела в шкафу женское платье.

Бежевое.

Точно такое же, какое я сшила себе на Новый год, тут же посадила на него пятно и так и не донесла до химчистки. Платье мне страшно нравилось, очень мне шло, и меня тут же задушила обида, что кто-то еще мог сшить себе такое же.

Как же так? Не могли ведь два разных человека сшить себе одинаковые платья из одинаковой ткани!

Я взяла его в руки и обомлела. Пятно было на месте.

А дальше я просто сделала то, что показалось мне в данной ситуации совершенно естественным: прямо с платьем в руках пошла к Сергею Федоровичу и, когда добилась того, что он не только открыл глаза, но еще и заметил меня, задала простой вопрос:

– Откуда у вас это платье?

Утром я долго пытался сообразить, что это за тетка трясет меня за плечо и спрашивает:

– Сергей Федорович! Откуда у вас в шкафу мое желтое платье?

Господи Иисусе! А также Магомете, Иегове, Будде и прочая! Да кто ж такие вопросы на непроснувшегося человека обрушивает? Или я должен одновременно сообразить, где я, с кем разговариваю, какое такое платье, почему в моем шкафу и вообще что здесь происходит? Почему нельзя было разбудить меня нежным поцелуем и запахом свежесваренного кофе, подождать, пока я увижу мир во всей полноте красок, после чего представиться, ознакомить с кратким содержанием предыдущего вечера (а вдруг у нас что-нибудь было?) – и только потом вскользь упомянуть о каком-то там платье?

Естественно, я понятия не имел, откуда у меня в шкафу какое-то там платье! Я даже день недели не назвал бы в этот момент! Выручила выработанная за годы общения с женщинами привычка врать (что делать, приходится говорить на языке, который понятен собеседнику). Не приходя в сознание, я выдал какую-то фантазмагорию с участием десятка вымышленных персонажей – и начал просыпаться. И чем сильнее я просыпался, тем глупее себя чувствовал. А какого, собственно, хрена? Чего это я перед ней оправдываюсь? Навязалась тут на мою голову...

Рассвирепев, я оборвал свою увлекательную историю о бедной сестре из Киева (о какой сестре? из какого Киева?) и демонстративно отвернулся к стене.

Тут до меня дошло, что Катя (о, имя вспомнил!) уже минут пять заливается, как табакерочный чертик – их теперь в каждом сувенирном магазинчике продают. Надо было бы обидеться, но я не смог. Мне почему-то казалось, что моя гостья хохочет не надо мной, а вместе со мной. Я тоже развеселился – особенно когда представил, как это все выглядит со стороны.

Вообще-то я попытался хранить демонстративную угрюмость, но долго не продержался, потому что Катерина перехватила эстафету и поведала небывальщину о том, как и где она то ли покупала, то ли шила это самое платье. Мне было сообщено полтора миллиона подробностей о размере вытачек, тетке, которая стояла перед кем-то в очереди, подробном маршруте следования до портного и предположительном химическом составе Большого Пятна.

Трудно теперь понять, что в тот момент так меня рассмешило, но приходилось кусать себя за губу, чтобы не смеяться. Наверное, больше всего меня забавляла непосредственность, с которой гостья обрушивала на меня уйму совершенно не нужных мне подробностей.

Чтобы отвлечься, я пытался вспомнить, кто из моих знакомых носит бежевое платье. Машка? Нет, она, кажется, в джинсах ходит. Юлька? А в чем ходит Юлька? Наверное, тоже в джинсах. Или боевая подруга молодости Ольга? По-моему, в юбке. Я точно помнил, что долго не мог найти на этой юбке застешку, а Оленька только подхихикивала. Или это была Машка? Точно, Машка, потому что Ольга носит джинсы! Кажется...

Тут я проснулся окончательно.

– Эй, – сказал я, уже не скрывая буйного веселья, овладевшего мной, – как ты себе это представляешь? Тетка пришла ко мне в платье, а ушла голая? Или ты думаешь, что я тут в свободное от работы время шью-крою?

По-моему, Катя обиделась. Ну и ладно!

Первые десять минут он нес какую-то ахинею про то, что:

– Ты ничего такого не подумай, приезжала моя сестра из Киева...

Вот представьте себе картину: практически голый мужик лежит передо мной на диване и, не просыпаясь, с разгона начинает наворачивать совершенно продуманную историю о сестре, которая здесь останавливалась буквально неделю назад и забыла это... то, что нужно, то и забыла...

Как говорил Воланд: «Интереснее всего в этом вранье то, что оно – вранье от первого до последнего слова».

Было очевидно, что Сергей профи, я его невольно зауважала. Но поскольку верить в эту галиматью мне было не обязательно, я решила его подколоть.

Какой-то чертенок во мне с утра поселился, который меня щекотал, заставлял смеяться и делать всякие глупости.

С совершенно серьезным видом я начала задавать вопросы:

- А на какой улице живет твоя сестра?

- Независимости.

Молодец какой, соображает быстро!

- Виден ли у нее из окна Днепр?

- Ну, немного... пожалуй, да.

Наверное, у него в голове происходил в это время сложный мыслительный процесс, а потом он решил, что Днепр – река длинная. Ее отовсюду видно.

- А чуден ли Днепр при тихой погоде? – давась от смеха, спросила я.

- Да, – немедленно ответил Сергей, а потом, видимо, проснулся и рявкнул: – Не твое дело!..

Тут я уже не выдержала и расхохоталась в голос. Он надулся и уткнулся в стенку.

- Понимаешь, мне кажется, это мое платье, – отсмеявшись, сказала я.

Тишина.

- Ой, извини. Ничего, что я на «ты»? Просто у меня с утра настроение уж очень хорошее, даже подозрительно.

Тишина. Тогда я решила все объяснить. Рассказала, как ходила выбирать ткань. Что на самом деле я никогда не ношу платья, а тем более какие-то бежевые. Но тут, перед Новым годом, мне захотелось именно платье, а когда я увидела в магазине этот трикотаж, у меня просто руки затряслись, потому что я поняла – именно это мне и нужно. Рассказала про Новый год, какой он получился веселый, но холодный. Как мы все танцевали до пяти утра. А утром я обнаружила, что на платье пятно. Сначала очень расстроилась, а потом поняла, что ничего страшного, только стирать его дома побоялась. А поскольку повода надеть его еще раз с тех пор не представилось, до химчистки я так и не дошла, а висит оно все это время у меня в шкафу, вернее, теперь уже у вас, вернее, у тебя. Это ничего, что опять на «ты»? Посмотри, вот пятно, похоже на кошачью мордочку...

Со стороны дивана уже некоторое время доносилось какое-то странное похрюкивание.

Когда Сергей повернулся посмотреть на пятно, мы поменялись ролями. Потому что теперь он хохотал в голос, а я стояла над ним с дурацким видом. Видимо, не только дурацким, но и несчастным, потому что он внезапно сжалился и ответил, что, во-первых, понятия не имеет, откуда это платье взялось. И если рассуждать логично, взялся ему неоткуда. Женщины тут не живут, только ночуют. И если даже одна из них и пришла в этом платье, то должна была в нем и уйти. А во-вторых, мало ли на свете одинаковых платьев, это у меня нервное потрясение сказывается.

Все возражения по поводу того, что вот эту вытачку я сама придумана, такой ни у кого больше быть не может, были отменены с негодованием. По-моему, больше потому, что Сергей просто не понимал, о чем речь. В конце концов я решила махнуть на все рукой, тем более что уже давно пора ехать на ВДНХ. Я запихала платье в шкаф, еще пару раз, на ходу раскланиваясь, одновременно крася губы, собирая сумочку, проверяя мобильник, сказала дежурное «спасибо за все». И наконец выскочила из квартиры, даже не успев подумать о том, что больше никогда здесь не окажусь.

Как я ни пытался убедить себя в том, что ничего позорного для меня не произошло, настроение оставалось отвратительным.

Как следствие, весь день полетел к чертям собачьим, а оттуда, не задерживаясь, к фене. К едрене фене.

Все утро я провел в размышлениях о разных странных и безрадостных вещах: о платье, неведомо откуда возникшем у меня в шкафу, о гостье, имя которой я угадал с первого раза, о бездарно проведенной ночи.

Но самой странной и безрадостной была необходимость вставать и тащиться на работу.

О, как я был прав! «Я же знал, я знал, – говорил в таких случаях один мой знакомый топ-менеджер, – я же не хотел сегодня выходить из дому!»

День выдался суматошный, но веселый.

Во-первых, я замечательно выглядела. Это отражалось не только в зеркале, но и в глазах встречных мужчин. Как следствие, от метро до павильона я практически скакала на одной ножке, привлекая к себе все больше внимания, что еще больше поднимало мне настроение.

Первым делом я разыскала паспорт и записную книжку. Вторым позвонила Наташке, попыталась все рассказать, но услышала что-то вроде:

- Перед мужем отмазываться будешь, а передо мной не нужно. Могла бы просто позвонить и сказать, что не придешь.

- Так я же объясняю, забыла записную книжку...

- Ага... Сегодня-то приедешь?

Я клятвенно заверила, что приеду, что прямо сейчас выучу наизусть ее телефон и адрес, и если меня завтра разбудят среди ночи, то он у меня от зубов отскакивать будет.

- Я тебе сама позвоню, - мрачно заявила Наталья и повесила трубку.

Наташка с утра всегда мрачнее тучи, это не ее (да и не мое) время суток, так что я совершенно не расстроилась, но номер ее в SIMKV вбила и адрес для верности в рабочий блокнот переписала.

Следующие несколько часов были посвящены объяснениям того, что вот этой книги нет в продаже, потому что она вышла и тираж уже закончился, а вот эта еще не вышла и тираж, соответственно, не начинался. И что если вам эта книга не нравится, то никто не заставляет вас ее покупать, и даже наоборот, если вы от нашего стенда отойдете, то мы будем вам очень признательны. Короче, совершенно обычный рабочий день.

Часов в двенадцать я решила пойти прогуляться по выставке, а заодно чего-нибудь перекусить. Пококетничала с продавцом, заказала себе традиционный пирожок, полезла в сумку за кошельком - и обалдела. В сумке лежали чужие ключи. Правда, на этот раз никакой мистики не было. Я их сама туда положила, в метро. Когда Сергей махал перед носом милиционера второй связкой ключей, я их забрала (по легенде это были мои ключи), кинула в сумку. И забыла о них в тот же момент.

Ну и что теперь с этими ключами делать? По логике, конечно, нужно отдать. Но адреса-то я не знаю!.. Беда с этими адресами. Этаж помню, этаж девятнадцатый... Что он там говорил? Что напишет мне адрес в пяти экземплярах? Не написал, конечно... Эти мужики, они такие, только языком трепать умеют, как до дела доходит, так их и нет...

Поразмышляв еще немного, я поняла, что сделать все равно ничего не смогу, расслабилась и опять начисто забыла про ключи.

На работу я опоздал. Это еще бы и фиг с ним, но я пришел много позже Директора. Сегодня в офисе бушевал именно Директор - с большой буквы, а не директор и тем более не директор. Сегодня Директор решил поруководить издательским процессом.

Началось такое... Дилетант, который начинает руководить специалистом, - это похуже обезьяны с гранатой. Потому что граната обычно не возражает, не переживает и не прикидывает, как ей все это наруководженное придется завтра разгребать.

Чтобы было веселее, в разгар рабочего дурдома позвонила Маша. Она переживала. Плакала. Бросала трубку. Не брала трубку.

И знаете почему? Во сне она увидела, что я ей изменяю!..

...С другой стороны, если бы я не наорал на нее, пришлось бы орать на директора. Или убить кого-нибудь. Можно считать, я легко отделался.

Примерно так я утешал себя, возвращаясь в свою уютную обитель по завершении безумного дня.

Так вот хренушки вам, а не завершение - возле подъезда я наткнулся на охранника Петровича, который беззастенчиво лапал мою вчерашнюю гостью Катю.

Я так думаю, что Машка своими бестолковыми звонками спасла жизнь именно Петровичу.

На этот раз к станции метро «Южная» я подъезжала совершенно в другом настроении. С Наташкой созвонилась заранее, она должна была ждать меня дома, адрес я выучила. В метро толкалась куча народу, милиция никого не трогала, и я благополучно вышла на поверхность. На всякий случай сверившись с бумажкой, я двинулась вверх по улице, разыскивая нужный дом, и так увлеклась, что не сразу поняла, что меня кто-то зовет.

- Катенька, здравствуйте. Как хорошо, что вы вернулись.

Я тупо уставилась на возникшего рядом пожилого милиционера, который ласково улыбался и, похоже, собирался меня обнять.

Сказать, что я удивилась, значит ничего не сказать. Я остолбенела. А милиционер-пенсионер замолкать не собирался.

- Ой, извините, я вас, кажется, напугал. А я сегодня в ночь дежурю, смотрю: вы идете. Подумал, как здорово, что мне Олег не наврал. Он вчера видел, как вы с Сергеем домой шли, он вечером дежурил. Я на самом деле рад, правда. Не подумайте чего. Просто Сергей мужик хороший, а вы с ним такая пара красивая. А тут вы уехали, он же просто серый весь ходил, тетки у него какие-то появляться стали, и, знаете, все рыжие. Мы так и говорили, не забудет он вас никогда. Ой, наверное, я зря вам про теток рассказал. Ну да ладно, вы не подумайте... Да что вы тут встали, пойдете домой.

Мент начал подталкивать меня к подъезду, мимо которого я проходила. И тут до меня дошло: это охранник подъезда, в котором живет Сергей. Его сменщик видел, как мы вчера шли домой, и рассказал ему. Только меня явно за кого-то другого приняли. И тут до меня дошло еще раз. Видимо, у Сергея была жена. Очень на меня похожа. Вернее, я на нее. Она от него ушла, он расстроился, начал баб водить. Тогда, кстати, понятно, почему он меня вчера пожалел, я ему его любовь бывшую напомнила, и даже имена у нас одинаковые. Он же меня сам Катей сразу назвал.

Одна загадка разрешилась, сразу полегчало. Я страшно обрадовалась, потому что вспомнила про ключи и поняла, что теперь смогу их вернуть.

- А вы не видели, Сергей дома?

- Не видел, я же только что заступил. А мы ему сейчас в домофон позвоним. Не отвечает. Значит, не пришел еще. Да он последнее время раньше одиннадцати не появляется. Говорит, работы много.

Я посмотрела на часы. Девять. И что теперь делать? Ждать два часа на улице? Глупо. Подняться и ждать в квартире? Как-то неудобно. Я представила себе, что Сергей приходит домой, охранник ему говорит, что дома его ждет жена. Представила, как он мчится по лестнице (на девятнадцатый этаж? это я явно загнула), открывает дверь... А там я. На его месте я бы меня убила. Нет, такой вариант нам не подходит. И тут меня посетила спасительная мысль.

- Может быть, вы передадите Сергею ключи? А то меня подруга ждет, а я...

Договорить я не успела. Словоохотливый охранник изменился в лице, схватил меня за руки и запричитал:

- Нет, нет, пожалуйста. Вы этого не сделаете! Только больше не уходите. Он же за одну ночь на десять лет помолодел, он же как заново родился, на него же приятно смотреть. Только не уходите вот так, не поговорив. Он же вас любит. Не буду я ключи передавать.

Вы уж сами. Катенька, вы подумайте еще раз. Он же рядом с вами просто светится. Нельзя такое чувство отвергать. Вон он вас сколько ждал, похудел весь, мы его тут всем подъездом кормили, а то бы совсем высох. Я стала тихо завидовать той, неизвестной мне Кате.

- Да не так уж и ждал. У него вся квартира женскими шмотками завалена. - Я начала входить в роль.

- Ах вот чего! Да я же и говорю, ерунда это все. Ни одна здесь не задерживалась, редко кто по паре раз появлялся. Это от тоски, от одиночества...

- Ты опять решила всю милицию на уши поставить. Что у нас на этот раз?

Со стороны мы, наверное, представляли странное зрелище. Охранник держал меня за руки, явно не давая уйти, а я упиралась с несчастным видом.

Мы вздрогнули и отлетели друг от друга. Сергей смотрел мрачно, если не сказать больше.

- Ключи принесла...

- Дома поговорим.

Сопровождаемые довольным взглядом охранника, мы вошли в подъезд.

- Я правда ключи привезла. Вот. Возьми... те. Ты вы мне их вчера в метро отдали, сегодня в сумке нашла. Простите, я хотела их с охранником передать, а он меня за вашу жену принял...

- Я не женат.

Сказал как отрезал. Стоит как скала, зубами скрипит.

- Ну, бывшую жену, любовницу, с кем вы тут жили, я не знаю.

Я начала злиться. Зачем меня во все это впутывать? Я ни в чем не виновата, я вообще к Наташке шла. Кстати, как оказалось, она в соседнем доме живет.

- Послушайте, меня ваши проблемы не интересуют. Я очень благодарна за вчерашнее, сейчас отдам ключи, а вы уж сами разбирайтесь со своими женщинами. Только охраннику объясните, что я не та Катя, а то он меня из подъезда не выпустит.

- Какая Катя?

- Не знаю и знать не хочу. А хочу я домой, то есть к подруге, а вы мне с вашими друзьями охранниками голову морочите. Он меня принял за Катю, которая с вами жила, а потом ушла, а я...

На лице Сергея явно читалось удивление.

- Какая Катя? Первый раз слышу. Я никогда здесь ни с кем не жил.

Может, она на что-то рассчитывает? А почему бы нет? Я москвич, с квартирой, не урод... Совсем даже не урод, особенно когда живот втягиваю. Зарабатываю неплохо. По крайней мере, по меркам той глухомани, где Екатерина живет и процветает.

Точно, положила глаз. Ишь какая неприступная! Уставилась на кнопки лифта, как будто я ее силой к себе тащу. Надо же, охранников приплела. Ну, если Петрович пошутить решил, я ему устрою! Хотя нельзя. В прошлый раз он меня просто спас: не стал при Машке говорить, что меня возле двери в квартиру Юлька дожидается, а отвел в сторону, шепотом предупредил. Представляю, чем бы это все закончилось.

Пришлось вести Катю внутрь. Не доставлять же Петровичу дополнительное удовольствие за те же деньги!

Безобразная сцена, которая могла произойти между ранимой до беспощадности Машкой и психопаткой Юлькой, окончательно привела меня в мрачное расположение духа. «Ну ничего, – решил я, – будем вежливы, но неподатливы». А Петровичу все-таки надо будет сказать. Мальчика нашел. Шутить он вздумал.

Преодолев дверь и запустив гостью внутрь, я собрал в кулак природную галантность и предложил чаю. Катерина очень кокетливо отказалась, чем утвердила меня в моих подозрениях.

Я уже совсем придумал вежливую, но твердую фразу на прощание, когда моей гостье позвонила подружка. Они битый час трепались о всякой ерунде. Катя явно тянула время, лишь бы просидеть у меня подольше.

Я начал звереть. В довершение всего эта девица, глядя на меня в упор, заявила: «он не в моем вкусе», или что-то подобное.

Еще секунду – и я бы нарушил все мыслимые законы гостеприимства. Но секунды мне не дали: позвонила Машка (иногда мне кажется, что у этих баб пакт о всеобщей взаимопомощи). Мария щебетала как канарейка, извинилась (!) за бестолковые звонки, намекнула, что в прошлый раз я был особенно хорош и она хотела бы повторения прямо сейчас. Мы договорились, что через час я буду у нее, и когда я положил трубку, то неожиданно понял, что моя гостья не так уж меня и раздражает (нет, у них точно пакт!). Оставив ее пить чай, я быстренько собрался и, взяв с Катерины слово, что она дожидается подружки и свалит, умчался.

Идиотская ситуация. Сергей явно не хотел меня видеть и со мной разговаривать. Я тоже явно не хотела его видеть, и тем не менее мы дошли до квартиры, он открыл дверь, я зачем-то вошла.

- Чаю?

Интонация все сказала. Если бы он предложил яду, все бы выглядело намного естественнее.

- Нет, спасибо.

Я постаралась не отстать от гостеприимного хозяина и тоже вложила в эти слова все, что думала о нем, об охраннике в подъезде, о жаре на улице, о переполненном метро... Короче, нашла, что вложить.

После этого я решила гордо молчать. Пусть сам выкручивается. (На самом деле я просто не представляла себе, что говорить.)

Ситуацию разрядил зазвонивший у меня телефон. Это оказалась Наташка, которая очень жизнерадостно сообщила, что на МКАДе авария, грандиозная пробка, стоять ей там еще час, как минимум, но она меня все равно любит и очень надеется, что я найду чем заняться, пока она до меня доберется.

Я заверила, что, конечно, найду, конечно, займусь. И нечего ехидничать, все равно до нее доберусь, как она от меня ни пытается отделаться. Аварию даже на МКАДе устроила.

Так искрометно мы пошутили еще минуты три, после чего Наташка спросила:

- А ты где?

- В соседнем с твоим доме. Представляешь, я, оказывается, ночевала в соседнем доме!

- М-м-м... Так, может, тебе уже и не звонить? В смысле, не мешать?

- Нет, мешать-мешать. Я уже уйду. Это не тот случай.

«Не тот случай» стоял в коридоре напротив меня и внимательно слушал наш разговор, причем явно не получал удовольствия.

- Ладно... Не тот, говоришь, ну-ну. Я все поняла.

Наташка повесила трубку, не дав мне возразить.

Только я открыла рот, чтобы объявить Сергею, что уйду и не буду больше мозолить ему глаза, как зазвонил его мобильный.

- Слушаю. Нет, еще свободен. Нет, лучше я к тебе. Через час. Пока.

Сама романтика!

- А ты, оказывается, со всеми женщинами так разговариваешь. Не только мне так везет.

Сергей заметно повеселел после своего разговора, поэтому пропустил мою колкость мимо ушей, а вместо этого миролюбиво заявил, что у него есть минут сорок, а мне, как он понял, идти пока некуда, так что если я буду вести себя хорошо, в смысле, не мешать ему собираться, то могу посидеть у него.

- Тебе правда в соседний дом? Я кивнула.

- Тогда иди, пей чай.

На меня, наверное, напала болезнь молчанка, потому что я просто сказала «спасибо» и отправилась на кухню.

Следующие полчаса я наслаждалась представлением «Мужчина собирается на свидание». Если когда-нибудь мужчина опоздает ко мне на встречу, я ему ни слова не скажу. Скорее всего, сильно удивлюсь, что ему вообще удалось явиться.

Сначала он брился и принимал душ. Потом долго бродил по квартире в одних брюках с очень

озабоченным видом, – как выяснилось, искал рубашку. Нашел ее в грязном белье. Долго рассматривал, явно раздумывая, можно ли ее надевать. Решил, что нет, и сменил брюки на джинсы. Вернулся в джинсовой рубашке и в джинсах, сразу какой-то помолодевший и повеселевший, только с огромным жирным пятном на колене.

Чертыхаясь, Сергей удалился переодеваться в очередной раз. Из комнаты вышел в белоснежной рубашке и черных брюках.

Я потрясенно молчала, мысленно перебирая встречи с мужчинами, которые приходили ко мне на свидание такими же красивыми. Может, зря я тогда так радовалась? Больше, пожалуй, не буду.

Потом Сергей искал носки. Это очень напоминало детскую задачку «Найди десять отличий», только с точностью до наоборот. Из тридцати носков нужно было выудить хотя бы два одинаковых, хотя бы похожих, ну хотя бы по цвету...

Надо отдать ему должное, в сорок минут он уложился.

– Ну что, не звонит твоя подруга?

Вопрос застал меня врасплох, – я так увлеклась зрелищем, что забыла про Наташку и ее звонок.

– Ладно, не суетись. Я поехал, а ты, уходя, захлопни дверь. А можешь и спать здесь, я сегодня не вернусь. Тогда утром, уходя, дверь захлопни.

И хозяин выскочил из квартиры.

Всю дорогу я так и эдак прикидывал, чем это в прошлый раз поразил свою боевую подругу и что бы такого сотворить сегодня. И только перед Машкиной дверью в голову ударила мысль: а где гарантия, что моя случайная знакомая меня не обчистит? Я же ее потом хрен найду!

Вторая мысль, с пометкой «привет от совести», была еще хуже. Только сейчас я вспомнил о своей злополучной двери, которую Катя умрет – не сможет открыть. Погибнет на пороге, пытаюсь своими коготками процарапать выход на волю. Как Робинзон Крузо. Или это был граф Монте-Кристо?

В уютное Машино гнездышко я ввалился с такой кашей в голове, что ни о каком повторении подвигов речи быть не могло. Если честно, меня постигло полное фиаско. Маша была сама тактичность, несла всякую чушь, мол, «для меня это не главное», но в каждом ее слове явственно звучала издевка. Через час пытки я не выдержал, нагрубил и отправился ловить мотор.

Дверь открывал, предчувствуя самое худшее.

Как и бывает с дурными предчувствиями, это оказалось верным. На моей любимой кровати, свернувшись, как у себя дома, дрыхла Катерина.

Сначала я хотел ее все-таки убить, потом неприлично выругался, потом зачем-то достал из комода подушку, плед и укрыл эту нахалку.

Ворочаясь на гостевой тахте, я вдруг подумал, что если бы на месте Машки сегодня была Катя, у меня бы все получилось. Не успев как следует удивиться этой мысли, я отрубился.

Я осталась одна. В квартире, казалось, только что взорвался чемодан с вещами. Они валялись повсюду, где только возможно. А где невозможно, не валялись, а висели или болтались.

У меня так зачесались руки все это убрать, что пришлось на них сесть. Железное правило – ничего не трогать в квартире у одинокого мужчины – я уже хорошо знала. Не дай бог! Почему-то каждый воспринимает это как желание немедленно выйти за него замуж. И совершенно никто не понимает, что женщина не для него старается, а для себя. Я, например, физически не могу долго находиться в такой квартире. Под ногами песок скрипит, чашки все внутри от чая черные... И это далеко не худший вариант.

Я наступила на горло природному инстинкту и ограничилась тем, что ногой задвинула шмотки, которые валялись в коридоре на полу, в угол. По коридору стало можно пройти.

В комнате было полегче, и от нечего делать я принялась рассматривать пачку фотографий, которые валялись на столе. Снимки как снимки, ничего особенного. Честно говоря, я думала, что увижу пару дюжин женщин всех мастей и размеров. Ан нет. То есть женщины, конечно, были, но в основном целыми табунами. Явно фотки с работы, выставок, банкетов, дней рождений. Да и места все знакомые: Ленинские горы, Питер, Гурзуф, Сочи. Я так увлеклась рассматриванием знакомых пейзажей, что чуть не пропустила одну южную фотографию. На первый взгляд, все то же – юг, пальмы, кипарисы. А на второй взгляд меня пробрал священный ужас. На фотографии была я. Правда, я. Лет на пять моложе, прическа другая, но совершенно очевидно я – прекрасно помню и свою одежду, и сумочку, и даже пляжные тапочки. Они живы до сих пор, дома лежат. Я их в баню с собой беру.

Кроме меня, на этой фотографии был Сергей и еще какие-то люди. Лица казались знакомыми, но я, хоть убей, не могла вспомнить, где их видела.

Чем больше я смотрела на эту фотографию, тем страшнее мне становилось. Мы с Сергеем выглядели на ней такими счастливыми, стояли рядом в центре кадра, махали руками тому, кто нас фотографировал... В сочетании с платьем в шкафу все это приобретало какой-то зловещий смысл. Может, у меня амнезия? Может, он был моим мужем, а потом я попала в аварию, потеряла память, а у меня был с собой чужой паспорт? И теперь я живу под другим именем? А он случайно встретил меня в метро, решил помочь, а жить со мной вместе опять не хочет, поэтому ни в чем не признается? Нет!..

Он был вместе со мной в той аварии, тоже потерял память, но у него с собой был его паспорт. Он продолжает жить под своим именем, но меня забыл. Логично... Только с родителями какая-то неувязочка получается. Они у меня одни и, кажется, не менялись. А может быть, избирательная амнезия? Наверное, у нас был несчастливый брак. Вернее, сначала счастливый, а потом случилось что-то страшное, кто-то меня оклеветал. И вот мы ехали домой на машине, он за рулем, такой неприступный (наезд крупным планом на мужественно сжатые губы), гонит сто десять, а я-то ни о чем не подозреваю! Я спрашиваю:

- Что случилось, дорогой?

И вся такая красивая, в вечернем платье, в босоножках на высоком каблуке и с розой в волосах.

Если меня и оклеветали, то наверняка на какой-нибудь презентации. Кто-нибудь подошел к Сергею и как бы между прочим спросил:

- Кстати, ты знаешь, что твоя жена спит с другим?

Сергей, естественно, морально уничтожил клеветника точным и язвительным замечанием, а потом задумался: а вдруг?

И вот мы едем в машине, он кипит от злости, но не знает, с чего начать, поэтому делает вид, что не хочет ругаться в машине. Так вот, я спрашиваю:

- Что случилось, дорогой?

При этом сижу, сексуально откинувшись на спинку сиденья. (Видна длинная нога в разрезе платья.) А он мне отвечает:

- Дома поговорим.

И газует... Тут из-за поворота выскакивают двое детей на велосипедах, он тормозит (в прямом смысле этого слова), машину заносит на скользкой дороге. (Правильно, должен идти дождь. Это создает интим в салоне и придает трагичность финалу.)

А финальная сцена такая: врезающаяся в высокий бордюр машина и дождь. Типа, природа тоже плачет.

Да-а... Голливуд, 2004 год. В главных ролях Ричард Гир и Джулия Роберте.

Пока я увлеченно придумывала всю эту ерунду, на улице стемнело. Я попыталась набрать Наташку. Недоступна. Дома никого. Наверное, пока стояла в пробке, телефон разрядился.

От нечего делать меня совсем разморило. Когда частота зевания превысила разумную, то есть рот совсем перестал закрываться, я решила, что, когда Наташка появится дома, она мне сразу позвонит. А если я на десять-пятнадцать минут закрою глазки, ничего страшного не случится.

Я свернулась калачиком на кровати, подсунула себе под ухо телефон и заснула в ту же секунду.

Среди ночи помню какой-то шум. Спросонья я совершенно не поняла, что случилось, залезла поглубже под одеяло, обняла подушку и заснула с удвоенной силой.

Среди ночи я проснулся и понял, что на сегодня лимит Морфея выбрал. Наверное, возраст. Накатывает такое иногда - ни спать, ни работать, ни чем серьезным заняться. Я привычно дернулся врубить своего «пентюха», погонять монстров или почитать, что пишут в сети,- и вспомнил, что до компьютера придется добираться через тело молодой, теплой, славно пахнущей...

Засунул голову под подушку. Что-то было неправильно. Под словом «что-то» предполагалось «все». Неправильно появилась в моей жизни эта провинциалка. Неправильно спала на моей кровати, но без меня. Неправильно чувствовала себя хозяйкой - а она ведь чувствовала, я понял!

Но неправильнее всего было то, что я внутренне признавал за Катериной все те права, которая

она себе походя присвоила: появляться у меня, когда захочет, спать в самом вульгарном смысле этого слова, даже оставаться в моем логове без хозяина!

Последнее только сейчас ошарашило меня. Я рылся в памяти, припоминая, когда кого-нибудь пускал в квартиру в свое отсутствие. Не было таких случаев! А Катерине Ивановне запросто ключи отдал, потом легко бросил ее наедине со своими интимными вещами (типа мятых рубашек). Вся ерунда, которую я напридумывал про Катю-аферистку, казалась мне теперь ерундой полной, сиречь чушью.

Да тут еще это платье... И у Петровича я так и не выпросил, что за дурацкий розыгрыш он придумал с моей якобы бывшей женой Катей. То есть у меня была когда-то супруга, но носила она причудливое имя Вероника и на мою рыжую гостью походила только полом. Еще одно воспоминание заставило меня всполошиться: я ведь угадал ее имя еще в ходе стычки с метроментом! Почему? У меня отродясь не было ни одной знакомой Кати! Катька-младший-редактор не в счет - она вызывает у меня исключительно отцовские чувства.

Я пытался вспомнить свою аспирантскую молодость и выстроить логическую схему. И так, факты. Знакомство в метро, при котором я угадываю имя. Вероятность? Сколько есть общеупотребительных имен? Маша - раз, Света - два, Оксана - три... Допустим, тридцать. Значит, одна тридцатая, то есть три процента. Потом платье. Сколько бывает расцветок платьев? Допустим, десять. Еще десять процентов вероятности. Ах да, еще этот... покрой. Значит, не десять, а, наверное, два процента. И сколько будет, если перемножить два и три процента? Шесть на десять... в минус четвертой степени. А еще поведение Петровича. Это вообще ни в какие ворота...

Я испугался. Вернее, почувствовал, что мне должно стать страшно. «Не бывает таких совпадений!» - пытался я обеспокоить себя, но с ужасом осознавал, что ужаса как раз и не испытываю. Это чертова Екатерина Ивановна появилась в моей жизни так нагло и так естественно, и при этом без всякого намека на роман.

Попытки классифицировать наши взаимоотношения приобретали все более мистический характер и вскоре измотали меня совсем. Я так и не понял, заснул в ту ночь или нет.

Наверное, да. По крайней мере, утром со мной произошло нечто вроде просыпания. Сквозь противное марево я почувствовал, что по моей квартире без моего спроса прямо над моим ухом кто-то расхаживает. Утренний стакан «Седого графа» мог вернуть мне хотя бы нейтральное отношение к этой (вычеркнуто цензурой) жизни, но на моей кухне наглая захватчица пила из моей любимой кружки мой чай.

Смутно помню, что я там говорил или рычал Екатерине Ивановне, зато отчетливо - круглые глаза обиженного ребенка, который не понимает, за что его наказали.

Утро опять было солнечное. А когда тебя будит солнце, а не будильник, совершенно невозможно встать в плохом настроении.

Сначала я пришла в ужас от того, что спала в одежде. Но быстро сообразила, что у меня с собой сумка с вещами и мне есть во что переодеться. На кухне я видела гладильную доску с утюгом, впереди еще час времени, в ванной - все необходимое, и я отправилась приводить себя в порядок.

Выйдя из ванной, начала понемногу соображать. Почему не позвонила Наташка? Я рысцой

побежала в комнату, схватила телефон и... обнаружила три пропущенных звонка. Оказывается, когда я заснула на телефоне, то нечаянно – видимо, собственным ухом – отключила звук. Вот ужас! Что бы теперь я Наташке ни рассказывала, она мне все равно не поверит. Пропасть на две ночи подряд!

Зато я выпалась. Редко мне в Москве удастся так замечательно выспаться, причем два раза подряд. Просто непозволительная роскошь.

Сладко потягиваясь, я пришла на кухню, отработанным движением стукнула чайник, включила радио, с удовлетворением выслушала, что в Москве девять часов, температура воздуха плюс двадцать и осадков не предвидится.

Подожду еще полчаса, и можно звонить Наташке. Потому что если я это сделаю сейчас, то разбужу ее и мне мало не покажется. А мне и так мало не покажется, так пусть подружка лучше выспится, может, это как-то смягчит мою участь.

Я как раз наливала себе чай в большую желтую кружку, когда дверь на кухню открылась и вошел Сергей.

Честно говоря, я уже настолько чувствовала себя как дома, что о существовании хозяина квартиры почти забыла.

- Привет! Я не ожидала, что ты так рано вернешься! Ты же мне разрешил переночевать? Чаю хочешь?

И только тут я обнаружила, что Сергей несколько не одет. И выглядит совершенно сонным. Вряд ли он пришел в таком виде.

- Ой. А ты, что, спад здесь? А где? Ой, а я твою кровать заняла. А я не слышала, как ты пришел...

Сергей треснул по приемнику, тот замолчал. Схватил в руки чайник, протянул руку к желтой кружке, увидел, что она полная. Сначала отдернул руку, как от ядовитой змеи, потом выплеснул мой чай в раковину и демонстративно налил себе еще раз.

Если бы я могла, с удовольствием скукожилась бы под его взглядом, превратилась в комарика и вылетела в окно. Но я не волшебница. Поэтому пришлось бочком пробираться к двери, протискиваться между столом и хозяином квартиры. И при этом поддерживать полотенце, которое уже давно грозило с меня свалиться.

Я не могла ничего не уронить. Такое противоречило бы всем законам физики и здравому смыслу. И, я считаю, то, что это оказалась просто сахарница, – большая удача, просто нечеловеческое везение. Она даже почти и не разбилась, и сахара там было не очень много... Но все это мне пришло в голову уже потом, а в тот момент, когда сахарница упала, я одеревенела от ужаса, а Сергей издал утробное шипение. В какую-то секунду мне показалось, что он меня сейчас стукнет. И я сбежала. Не рассуждая, не думая, как это выглядит со стороны, не попрощавшись, не извинившись, не поблагодарив «за все». Рванула в комнату, натянула вчерашнюю одежду, схватила сумку и выскочила за дверь. И только вызвав лифт, наконец не то чтобы вздохнула с облегчением, но с наслаждением выдохнула.

Наташка в итоге открыла мне дверь. Я всего-то раз двенадцать и позвонила. Но (чем хороша Наташка утром) никаких объяснений не потребовала, ничего не высказала. Впустила и молча

ушла досыпать.

А я решила все-таки попить чаю. Как выяснилось, руки предательски тряслись, поэтому, справившись с чайником, я решила, что краситься пока рано. Еще карандашом в глаз попаду! Нужно почитать что-нибудь успокаивающее. На третьей странице увлекательной книжки – к сожалению, не помню ее названия – я поняла, что совершенно не понимаю, что читаю. А все потому, что мысленно прокручиваю возможные варианты утреннего разговора. Как всегда, с запозданием в голову начали приходить остроумные реплики, язвительные ответы, слова, которые могли разрядить обстановку, слова, которые могли бы уничтожить собеседника... Жалко, что этого никто-никто не оценит.

- Ночью нужно было спать! На выставку-то поедешь?

Я аж подпрыгнула от неожиданности. Надо мной стояла Наталья, уперев руки в боки.

- Я спала. Поеду. Только утюг дай.

- С утюгом поедешь?

- Ага. Буду им от всяких паразитов отбиваться. И милиционеров.

- Давай быстро. Через двадцать минут выходим.

Через двадцать минут мы действительно вышли, а по дороге я поведала Наталье о двух днях, которые провела в Москве.

- Что, правда не приставал?

- Совсем. Даже не намекал.

- Импотент, наверное.

- Да нет. Не может быть. У него, очевидно, куча теток в квартире перебивала.

- Ну, правильно, по одному разу можно хоть весь город привести. Потому и куча, что приходится каждый раз новую искать.

Мне стало даже как-то неловко за Сергея. Несмотря на обиду, не могла я так его заклеить. Импотент? Почему-то я была уверена, что это не так.

- Ладно, черт с ним. Не знаю, как обычно, а в последнюю ночь у него точно что-то не сложилось. Даже мое присутствие не могло бы довести человека до такой ярости. Не может мужик после ночного свидания проснуться, скрежеща зубами от злости. Либо оно не состоялось, либо прошло из рук вон плохо.

- Так ему и надо!

Этим справедливым замечанием мы закрыли тему. Что не помешало Наташке съязвить еще раз десять, поинтересоваться, где я буду ночевать сегодня, и напоследок пообещать познакомить со своим сотрудником, тоже Сергеем. Мы расстались до вечера.

Не люблю чувствовать себя сволочью, но пришлось. Уже сидя в кабинете, я перевел дух,

закрыл глаза и составил список всех, кому я за последние сутки нахамил и перед кем стоило извиниться.

Первым пунктом шла Машка. Правда, это было не смертельно – все равно ее матримониальные поползновения (шикарное словосочетание, жаль, вслух его произнести тяжело!) нужно время от времени пресекать. Пусть почувствует, что у меня характер! С ней можно разобраться, например, послезавтра.

Теперь Катерина... Нет, не теперь. Потом.

Анна Николаевна. Перед ней вообще извиняться не буду. В конце концов, я ведущий редактор, а она корректор. А ее возраст и умение копаться в словарях – вовсе не повод делать мне замечания... «Справочник Розенталя! Справочник Розенталя!» Можно подумать, Розенталь не человек, ошибиться не может! Так, это проехали.

Мимо Людочки, слава богу, прошел молча. Не ответил на «здравствуйте», но это не смертельно.

Вот, кажется, и все. Если не считать Катерины Ивановны. А считать почему-то было нужно. Хотя зачем? Вот уедет она в свою независимую Тьмутаракань... В этом месте я оцепенел. А вдруг она прямо сегодня умотает? Ну и что, что выставка еще три дня продлится. Обидится и уедет. Я попытался вспомнить, говорила ли Катя что-нибудь об отъезде, но не смог вспомнить вообще ничего из наших разговоров. А они были? Безобразие. Это надо срочно исправить.

Принятое решение меня воодушевило (хорошее слово, похоже на «вооружило» – «вооружило душой»). Объявив о своем намерении посетить выставку, я окинул начальственным взором трудящихся младших редакторов и направился в автосервис. Оттуда еще на прошлой неделе звонили, но у меня не так много времени, чтобы разъезжать по столице на машине. Зато сегодня она будет в самый раз. Подъеду к павильону на отполированном «форде», выйду с букетом относительно шикарных роз, произнесу неотразимый спич – Катя все сразу простит!

Вопрос, зачем это нужно, я решил себе не задавать.

Четверг – глухой день. Все, кто работал на выставках, это знают. Если открытие в среду, в этот же день основная работа с оптовиками, а в четверг обычно оптовики уже заканчиваются, а розница и не думает начинаться. Очень скучно.

Вроде бы и народу много, а толку мало. Только глаза мозолят. Короче, с середины дня мы установили на стенде дежурство. Всем вместе там торчать смысла не было. Когда я в очередной раз пошла обозреть выставку, то вернулась, только услышав по радио объявление, что до закрытия осталось пятнадцать минут. У меня в руках к тому времени образовалась приличная стопочка купленных книг, и я, кроме нее, мало что замечала, когда подошла к стенду.

Ну, почти ничего. Сергея я увидела, как только свернула на нашу линию, но, поскольку совершенно не представляла, зачем он приехал и что ему сказать, сделала вид, что его нет. Пусть сам придумывает, что мне говорить, я свой запас остроумия и находчивости израсходована утром, у Наташки на диване.

Когда я просто воткнулась в него носом, делать вид, что я его не замечаю, было уже верхом идиотизма.

- Привет! Я тут мимо проходил... Тебе помочь?

Мимо он проходил. Ну да. Вот и шел бы себе мимо...

Сергей ловко всучил мне розы. Не люблю розы!.. Колючие и вянут быстро. Я живо себе представила, как буду телепаться с этим дурацким букетом в метро... Цветы я держала на вытянутой руке, слабо надеюсь, что это не мне. Может, просто подержать дат?

- Это тебе. И вообще, извини, что так все вышло.

Все-таки мне... жаль. Я вымученно улыбнулась. Очень хотелось есть. А когда есть хочется, я все вокруг вижу в мрачном свете.

- Тебя подбросить? Я на машине.

Вот тут я оживилась. Во-первых, не придется таскаться с цветами на метро, а во-вторых, можно забрать со стенда все покупки и... тоже не таскаться с ними по метро.

- Отлично! Только книжечки захвачу!

Я быстренько достала компактно упакованные пакеты. Маленькие на первый взгляд, неподъемные на второй.

Вот тут и пригодились цветочки. А руки-то у меня заняты! Тащи все эти пакеты сам, раз такой умный! Что это я злобная такая? Ах да, есть хочется...

Машину он оставил, конечно, возле центрального входа. Меня всегда поражала способность москвичей не знать собственный город.

- Почему ты к Хованскому не подъехал?

Сергей пропустил вопрос мимо ушей. Скорее всего, он просто не подозревал о существовании других входов. Ну и черт с ним...

Шашлыками запахло... Жалко, они тут совершенно несъедобные. Вот как теперь быть? Если признаться, что я есть хочу, он может решить, что я напрашиваюсь в ресторан. А если не признаться, то минут через двадцать озверю окончательно. Интересно, а если сказать, что я есть хочу, но сразу предупредить, что сама за себя заплачу, что он подумает? Я бы на его месте подумала: закомплексованная феминистка. Что же делать-то? Ехать нам до «Южной», учитывая час пик, часа полтора-два... Может, хот-дог купить? Не хочу... Хочу салат из капусты и суп. Куриный бульон. Сейчас бы в «Елки-палки», «телегу» заказать, я бы взяла себе капусты квашеной, картошечки вареной, всяких салатиков горку...

- Катя, Ка-тя, да Катя же!.. Ты меня вообще слышишь? Мы пришли. Вот машина. Я тебя пятый раз спрашиваю, ты есть хочешь?

- Да!..

Самое смешное, что после моего крика души, вернее желудка, общаться стало гораздо проще. А когда я наконец избавилась от цветов, запихав их на заднее сиденье, почувствовала себя совсем хорошо. Может, удастся их потом в машине забыть.

Планы никогда не осуществляются полностью, но некоторые планы не осуществляются особенно.

Из всего набора мечтаний удалось осуществить только букет. Семь дорогуших красных роз.

Все остальное пошло кувыркком: машину мне не отполировали, хотя за эти деньги можно было закатать ее в янтарь; подъехать к павильону не удалось из-за ожидаемого визита какого-то начальства; в довершение всего на стенде издательства «Час» (хорошо, хоть название запомнил!) Катерины не оказалось. Вместо нее сидела какая-то не слишком молодая и не слишком симпатичная особа, которая сообщила, что «Катенька сейчас будет» и принялась сверлить во мне дырку взглядом. «Катенька» изволила появиться перед самым закрытием. Заметив меня, она тут же приняла равнодушный вид и начала двигаться изящно и воздушно, легко помахивая тяжеленными стопками художественной литературы.

«У них там и книг приличных нету!» – поразился я про себя, а вслух произнес укороченный вариант неотразимого спича:

- Привет! Я тут мимо проходил... Тебе помочь?

Обменяв букет на книги, я заметил, что Катя держит цветы несколько отстраненно, и пояснил:

- Это тебе. И вообще, извини, что так все вышло.

Тетка на стенде превратилась в одно большое ухо.

Я понял, что бежать нужно немедленно.

- Тебя подбросить? Я на машине.

Последнее замечание Катю явно заинтересовало (женщины меркантильны!), она даже улыбнулась и сказала:

- Отлично! Я только книжечки возьму! – и бросилась извлекать из глубин стенда плотно упакованные пакеты.

Я оценил вес «книжечек» и затосковал. Интересно, как она собиралась все это переть без посторонней помощи?

До чего все-таки мужики одинаковые. Парочка наводящих вопросов, пара восхищенных: «Какая у тебя красивая машина!» – и всю дорогу я выслушивала рассуждения о преимуществах бензина перед дизелем, заднего привода перед передним и «форда» перед всеми остальными машинами.

О том, что сама уже семь лет вожу машину, поменяла их как минимум три и ненавижу задний привод, я решила промолчать. Пусть говорит. Чем более умным он будет себя чувствовать, тем мне спокойнее. И так сложностей хватает.

А Сергей начал мне нравиться. Я сидела в машине, вытянув усталые ноги, и думала, что у меня очень мало знакомых мужчин, которые могли бы вот так просто извиниться. Пусть нескладно, пусть с розами этими дурацкими, но выдавить из себя «извини» – это поступок. И под разговор про машины, доллары и Лужкова я вдруг задумалась, а почему я, собственно, такая стала. Ведь

если бы не мент на станции метро, я бы на Сергея так рявкнула при попытке только приблизиться, что бежал бы до самого дома, не останавливаясь. Я же ни одного мужика к себе ближе чем на три шага не подпускаю. А сейчас как-то размякла. Сажу в машине, меня везут, рассказывают какие-то банальные глупости, а меня это совсем не раздражает, даже наоборот, приятно. Чувствуешь себя женщиной, а не мамой, не гражданкой и не Катериной Ивановной.

Как давно я не влюблялась! Года три уже прошло после последнего раза. Собственно, не года три, а три года. Время летит! Тогда казалось, что недели без Него не переживу, часы считала. Телефон отключила, чтобы даже соблазна не было позвонить. Если бы не дочка, с которой нужно гулять, играть и три раза в день кормить, сидела бы целыми днями и рыдала.

Так, не стоит о грустном. Все давно позади, остался только страх пережить еще когда-нибудь хоть что-то подобное. Я могу с мужчинами дружить, могу кокетничать и заигрывать, могу даже спать. Но как только понимаю, что мне хоть чуть-чуть не все равно, придет ли этот человек ко мне еще раз, просто перестаю общаться. Ну его.

В результате я приобрела такую репутацию, что ни один из моих знакомых не посмеет ко мне приблизиться, даже если я, под пьяную лавочку, сама об этом попрошу.

Все подруги говорят, что я ненормальная. И что в моем тридцатилетнем возрасте, имея квартиру и вполне сексапильную внешность (что при наличии квартиры вовсе не обязательно), я могла бы просто купаться в мужском внимании. Если бы они узнали, что я познакомилась с кем-то в метро (!), да еще и провела у него две ночи подряд, они бы с ума сошли от радости. Но, похоже, я стала совсем отмороженная. Даже Сергей, который знать меня не знает, не посмел ко мне приблизиться.

Хотя дурочку я, похоже, изобразила убедительно. Вон как заливаются, просто соловей. Судя по тому, что он рассказывал, он искренне считал, что телевизор смотрят и радио слушают только в Москве. А дальше тайга, пурга и ничего не видно.

Вот, опять я ехидничаю. А почему бы не влюбиться? Романтическое знакомство, мистика какая-то нас все время преследует. Не обязательно же с ним жить. Повстречались бы какое-то время и разошлись, а впечатлений масса, адреналин опять же, гормоны. Хороший же мужик, бабник, конечно, но это лечится. Он, наверное, заботливый. Завтрак бы в постель приносил... Хотя зачем мне завтрак в постель? Мне бы кого-нибудь, кто Машку в садик отвел, чтобы хоть пару дней выспаться. Да-а, совсем я не романтик. А может, переехать в Москву? Квартира у него хорошая, метро рядом, район чистый. Будет у меня ребенок ходить в нормальную школу, да и мне здесь работу найти гораздо проще, про зарплату вообще не говорю. Через пару лет рожу ему ребенка, будет образцово-показательная семья с воскресными выездами на пикник и походами в зоопарк. Только эту машину корявую потом нужно поменять на что-нибудь приличное...

Когда я очнулась, корявая машина стояла.

- А где это мы? - Я настолько была поглощена своими мыслями, что совсем не следила за дорогой.

Сергей смотрел на меня так снисходительно-нежно, что я решила: лучше подыграть и сделать вид, что я заснула. Тем более что до меня медленно дошло, о чем я только что думала, и лицо стало заливать краска.

За рулем я немного отошел. Все-таки приятно чувствовать себя хозяином положения. К тому же нам фантастически везло, мы почти не стояли в пробках. Ну, в смысле, не больше пятнадцати минут. Всю дорогу я развлекал гостью светской беседой: рассказывал про свой «форд», делился проверенными слухами о Лужкове, посетовал на падение доллара по отношению к евро. Катерина только хлопала глазами, сдерживала зевоту да иногда ляпала невпопад что-нибудь типа: «А где у вас тут можно посмотреть дубленку?» или: «А билеты в Театр эстрады трудно достать?»

Женщина!

Сознание интеллектуального превосходства подняло настроение еще выше. Вскоре оно (настроение, а не превосходство) достигло того уровня, за которым начинается бескорыстное угощение девушки ужином. Высмотрев место для парковки, я лихо втиснулся между двумя «Жигулями» и огляделся. Естественно, в пяти метрах оказался небольшой восточный ресторанчик.

- Здесь уютно! - объявил я. - Можем слегка перекусить.

Сам я намеревался умять небольшого восточного поросенка. Катенька мило встрепенулась (оказывается, она задремала под аккомпанемент моих мудрых речей) и спросила:

- А где это мы?

- Здесь сносно кормят, - пояснил с уверенностью: по сравнению с провинциальными забегаловками любая московская кафешка может сойти за «Арагви».

Увидев, что моя дама все еще не может решиться, уточнил:

- Я угощаю. В конце концов, должен же я компенсировать моральный ущерб.

- Ну разве что ущерб. Ладно. Только недолго, мне еще к подруге нужно успеть.

Я чертыхнулся про себя. «Ладно!» Стало быть, я ее уговорил! Уломал - можно сказать, в ногах валялся. Но отступить было поздно.

Внутри и в самом деле оказалось довольно прилично. «Китайка» с воронными волосами и белесыми бровями приняла заказ и исчезла.

Пока я выбирал тему для беседы, гостя неожиданно взяла инициативу в свои маленькие руки.

- А расскажи о себе.

Глупая просьба. Глупее только «скажи что-нибудь» и «пошути». Я пожал плечами и рассказал о себе:

- Тридцать четыре года. Москвич. Работаю ведущим редактором. По образованию математик. МГУ. Квартира, машина, холост. Все.

- Но ведь у тебя была жена?

- Да, но как-то у нас не сложилось.

- А дети?

- Бог миловал.
- Почему? Дети - это хорошо.
- А у вас есть дети?
- А мы что, опять на «вы»?
- Ну, у вас с мужем.
- Муж мой давно живет отдельно с молодой и длинноногой.

Она еще и не замужем? От волнения я начал говорить комплименты:

- У тебя ноги тоже ничего.
- Спасибо. А дочка у меня есть. Представляешь, ее недавно проверял психолог - собеседование перед школой...

Следующий час я выслушивал хвастливые рассказы про маленькую Машку, которая самая умная, на коньках катается, по-английски три слова знает в совершенстве, и т.д. и т.п. За это время мы смогли заморить хорошо промаринованного и прожаренного червячка. Не отрываясь от рассказа, Катя мастерски овладела палочками, выдула бокал «Кадарки» и дважды с кем-то пообщалась по телефону. Я сумел вставить пять слов, причем три из них предназначались официанту.

Расплачиваясь (Катерина даже для виду не потянулась за кошельком), я ощутил, что утреннее беспокойство, которое погнало меня через весь город за малознакомой женщиной, отпустило. Вместо него появилась спокойная уверенность в себе, а также желание совершить что-то умеренно-сумасбродное.

- Ой! - сообразила Катя, когда мы уже выходили на вечерне освещенную улицу. - А о себе ты так и не рассказал. Как ты в редакторы-то попал из математиков?

И я, вышагивая по ежедневно-праздничной Москве, стал рассказывать. По молчаливому согласию мы не пошли к машине, а стали бродить по улицам. Я поведал романтическую историю об одаренном мальчике, который в шесть лет поступил в школу, в пятнадцать - окончил ее с медалью, в двадцать защитил диплом с отличием, в двадцать один начал сдавать экзамены кандидатского минимума, в двадцать два участвовал в странном подавлении странного путча. А когда демократия «так победила», выяснилось, что у нее нет лишних денег на содержание дармоедов, занимающихся анализом нелинейных преобразований.

- Надо было свалить в Германию, - признавался я, сыто жмурясь на неоновые сполохи казино, - меня звали. Упрашивали. А потом в Канаду. Нет, патриотизм разыграл. Остался здесь, в дыре.

- М-да? - хмыкнула Катерина, провожая взглядом кавалькаду, состоящую сплошь из «понтаков» и «линкольнов».

Сделав вид, что не заметил иронии, я продолжил рассказ - теперь уже о талантливом молодом журналисте, который много, искрометно и совершенно без грамматических ошибок писал на околокомпьютерные темы. О том, как его заметили, предложили стать редактором (не главным, конечно) сначала в крупном компьютерном журнале, а потом и в издательстве.

- И что дальше? - спросила моя гостья, когда я умолк.

- Ничего. Работаю. - Довольство собой нервно заворчалось во мне и, кажется, слегка уменьшилось в размерах. - Книгу пишу. Даже две.

Последнее было почти правдой. Вот уже три года, насмотревшись на то сырье, которое мне под видом рукописей привозили авторы, я решил, что пора бы и самому. Даже составил план книги. Отличный план. Если бы мне такой принесли, я бы сразу понял, что передо мной настоящий профи. Но... книга была о компьютерных технологиях, а они упорно не хотели ждать, когда я закончу рукопись. То и дело появлялась какая-нибудь революционная программа или железяка, и мне приходилось все начинать сызнова. Поэтому полгода тому я сел за мистически-фантастический роман. И уже добрался до двадцатой страницы. То времени не было, то на работе устанешь...

Но всего этого я, конечно, не стал рассказывать, пообещал только, что обязательно пришло ей почитать, как только напишу какую-нибудь большую часть.

- Бандеролью, что ли? - удивилась Катя.

- Зачем? На е-мейл. У тебя ведь есть?

- В издательстве что-то такое есть, - проговорила она. - Это ведь то же самое, что Интернет? Интернет у нас есть точно. Присылай, очень интересно было бы почитать.

На сей раз доставить мою провинциалку к подруге удалось без проблем. Я даже дотащил тяжеленные сумки до квартиры, причем почти не запыхался. И подруга оказалась вполне ничего, вполне столичного вида - зыркала на меня с чисто московским нахальством. Под ее рентгеновским взглядом я всучил Катерине свой е-мейл, всевозможные телефонные номера и потребовал позвонить, как только опять окажется в Москве.

В кафе, которое оказалось псевдокитайским рестораном, было тихо и темно, поэтому мне там сразу понравилось. Решив: играть, так до конца, - я достаточно убедительно (по-моему) изобразила провинциальный восторг, отдалась мужчине в смысле выбора блюд и минуты три сосредоточенно изучала палочки, делая вид, что вижу их впервые в жизни. После чего, хлопая глазками и заранее себя ненавидя, попросила Сергея рассказать о себе. Просто пособие по соблазнению мужчины можно писать. Говорят, нужно прикинуться дурочкой и говорить о нем, любимом. Но, видимо, я сделала это уж как-то совсем в лоб, потому что слова из него пришлось просто клещами вытаскивать. Более того, Сергей все время пытался свернуть разговор на меня, выяснил, что я не замужем, и так заметно напрягся, что все мои планы переехать в столицу сразу увяли.

Я отчетливо поняла, что не хочу я его соблазнять и дуру из себя изображать не хочу, хотя, наверное, уже поздно, и что вот сейчас мы доедим эту китайскую муру, попрощаемся и больше не увидимся никогда. А вечер сегодня замечательный, в кои-то веки сижу в тишине, с человеком, который мне не неприятен. Удовольствие нужно получать, а не выпендриваться.

И я перестала выпендриваться, стала совершенно нормальной женщиной, которой приятно похвастаться собственным ребенком, а не выслушивать политические лекции, и выпить вина, а не изображать из себя кисейную барышню. И, честно говоря, мне даже стало наплевать, что он обо мне подумает, если я не буду за себя платить. Не хотелось портить себе вечер деньгами.

Когда мы вывалились из ресторана, оказалось, что уже вечер. Такой мягкий теплый вечер, что сразу сесть в машину было бы просто преступлением. Не успела я об этом подумать, как Сергей решительно повернул в противоположную от машины сторону и начал рассказывать. То, что я в начале вечера не могла вытянуть из него клещами, вдруг забило фонтаном.

Нельзя сказать, что он жаловался на жизнь, но и хвастовством этот рассказ тоже не назовешь. Талантливый парень, только собственную нерешительность и лень, как и все, пытался выдать за патриотизм и отсутствие амбиций. А ведь они есть, вон как напрягся весь, когда про рукописи заговорил. Похоже, втайне считает себя великим писателем, но никому свои работы не покажет, просто из страха, что их справедливо обругают. И кем он тогда будет? Просто никому не известным редактором, а вовсе не тайным светилом литературы.

Странно: рассказ Сергея не вызывал у меня раздражения, как большинство подобных историй. Ах, я такой талантливый, ах, меня не поняли, ах, я не в то время родился. Было такое впечатление, что он сам только что осознал, что на супермена не тянет, и смотрел на меня с немим вопросом в глазах: «Во-первых, зачем я все это рассказываю, а во-вторых, что мне с этим делать?»

Честно говоря, мне было жаль с ним расставаться. Всю дорогу домой мы молчали, лимит разговорчивости исчерпали на пару дней вперед. И даже Наташка впустила меня молча, молча проследила за церемонией вручения мне всяких телефонов и молча закрыла за Сергеем дверь. Представляете, чего ей это стоило!

Возвратившись домой, я врубил комп и, вместо того чтобы полезть на anekdot.ru, извлек на свет божий файл со своим романом и принялся за чтение.

Возникло стойкое ощущение, что писал кто-то другой – и он мне нравился. Сюжет был завит, как волосы Укупника – мелкой, но тугой пружиной. Герои проявляли героизм, мерзавцы вызывали омерзение, магия была волшебной. Тут же захотелось продолжать. Я перечитал последний абзац.

Старый Маг невероятным усилием воли поддерживал охранный круг, но силы были слишком неравны. У него еще оставалась возможность сотворить последнее заклятие Перемещения, но это означало бросить на произвол судьбы тех, кто поверил ему, кто дошел с ним до самого последнего Предела. И Маг тратил последние поистине драгоценные капли Силы уже не в надежде на чудо, а просто потому, что не хотел уходить в Небытие просто так, без всякой борьбы. И в тот момент, когда последний закатный луч был готов погаснуть за горизонтом...

Вдохновение пропало. Я проанализировал рукопись и понял, почему не смог продолжить в том же духе: ситуация складывалась тупиковая. Зловещая природа Предпредельного Края была описана до мелочей, вплоть до шевелящихся корней кустов-людоедов. Процесс сотворения Великих Заклятий получился настолько ярким, что недоставало разве что структурных схем и фотографий очевидцев. Главные герои уже полчаса скрежетали зубами и сжимали в бессильной ярости все что придется.

Но куда двинется сюжет, когда последний закатный луч (как последняя сволочь) погаснет за горизонтом, оставалось вопросом. Собственных ресурсов у героев явно не хватало. Все действующие лица уже успели либо помочь, либо усугубить создавшееся положение. Можно, конечно, ввести новую силу, но об этом даже думать не хотелось.

Я вздохнул и начал вычерчивать на листке список действующих лиц, обозначая стрелочками взаимоотношения. Через некоторое время листок напоминал расстановку предвыборных сил в изложении Владимира Вольфовича: какие-то петли, обходные маневры, чуть ли не узлы.

Я разозлился...

...К утру роман увеличился в объеме вдвое.

Пауза первая

Новая жизнь

Есть в жизни встречи, которые оказывают на нее (то есть жизнь) очень большое влияние. Но как-то косвенно, ненавязчиво. Вот, например, моя встреча с Сергеем.

Я ехала в поезде в Москву через полгода после нашего знакомства, валялась на верхней полке купе и размышляла.

В прошлый раз, приехав домой из Москвы, я первым делом бросилась проверять, на месте ли мое новогоднее платье. Платье на месте. Потом бросилась проверять, на месте ли пятно. Пятно на месте. Поскольку меня душило любопытство, я отнесла платье в химчистку, решив, что, когда в следующий раз буду в Москве, непременно проверю, что станет с пятном на том, втором платье.

Надо сказать, что приехала я не то чтобы совершенно другим человеком... Человеком я осталась тем же, но стала еще и женщиной. Вернее, мне захотелось проснуться и стать женщиной. Первым делом я сшила себе две мини-юбки. Когда в одной из них плюс туфли на каблуках я первый раз пришла на работу, меня встретила гробовая тишина. Я дошла до двери своей комнаты, закрыла ее и тут же начала искать дырку на колготках, пятно на юбке или... может, я юбку задом наперед надела? Нет, вроде... Чего ж они все на меня так уставились?!

Через полчаса ко мне в комнату пришел Саша. Замечательный мужик, мы очень дружим, он всегда считал меня «своим парнем», то есть рассказывал похабные анекдоты и жаловался на то, что все бабы дуры, с ними даже поговорить не о чем. Обычно это произносилось к концу двух-трехчасового разговора. Так вот, Сашка уселся передо мной на стол, долго собирался с духом, а потом наконец спросил:

- Ты теперь всегда так ходить будешь?

- Ага!

- Ужас!

- Почему ужас? - Я правда обиделась, хоть и пыталась это скрыть. Я, конечно, не Клаудиа Шиффер, но ведь и не ужас...

- Трудно нам будет...

- Что? - Я была так поглощена своими переживаниями, что не поняла, о чем он.

- Катька, ты... Ты... А что ты делаешь сегодня вечером? - вдруг выпалил Саша.

- Я... Я...

Что я делаю сегодня вечером? А что я вообще делаю по вечерам? Ничего. Ужин готовлю, на аэробiku могу сходить, Машу на фигурное отвести могу...

- Вот я и говорю. Трудно нам будет. - Сашка засмеялся.

- Кому - вам?

- Катенька, видимо, длина юбки на женщине прямо пропорциональна количеству мозгов.

От этой четкой формулы у меня мозги сразу встали на место.

- То есть ты меня все-таки хочешь обидеть?

- То есть я хочу тебе сказать, что теперь, разговаривая с тобой, мне будет очень трудно смотреть тебе только в глаза. Да и вообще убивать время на разговоры.

- То есть мне не обижаться?

- То есть ты согласна?

- Подумаю. Но ты не волнуйся, думать буду недолго, юбка короткая.

- Знаешь, Катя...

Вдруг Саша подобрался, вытащил меня из-за стола и совершенно неприлично поцеловал в губы.

- Фу, отпустило. Теперь и поработать можно, - он отскочил на безопасное расстояние, - а ты думай-думай...

И я подумала. И мне все очень понравилось.

И тут же завела роман, а точнее, даже два. Потому что тот, который я завела первым (и вовсе не с Сашей, как вы могли подумать, решила не портить отношения на работе), оказался скорее для души, а мне очень хотелось для тела. Хотелось хотеть самой и чтобы меня хотели. Получилось. Правда, во втором романе для души ничего не было, зато какое тело! Мы познакомились в тренажерном зале, куда я пошла, чтобы выплеснуть лишнюю энергию и накопившееся разочарование от своего первого. Очень быстро нашли общий язык, причем умудрились практически не разговаривать. Зато в жизни сразу все наладилось. С одним можно болтать часами, а с другим часами не болтать. Делу время, потехе час. Все дни расписаны на неделю вперед. Сегодня в обед тренажерный зал с одним, завтра у дочки фигурное катание, день пропускаем, послезавтра спокойный ужин дома со вторым, разговор о высоком и прекрасном, а ночью отсыпаемся. Причем каждый у себя дома.

А еще у меня появилась совсем новая любовь, даже страсть. Это компьютер. Не заведи Сергей в Москве разговор про е-мейл, я бы еще долго не подошла к машине, так бы и бегала за мужиками на работе: «Это распечатай, то отправь!» Как-то стимула не было во всем этом разбираться. Все тетки бегают, и я бегала.

А тут что-то меня зацепило. Приехав на работу, я тут же ошарашила нашего верстальщика вопросом: «Чем Интернет отличается от е-мейла?» Сашка завис на полчаса. Я поняла, что взяла слишком круто, и решила разбираться потихоньку. Выклянчила у одного знакомого

ноутбук на месяц, под предлогом срочной работы, и села играть. Вот тут мне и пригодился герой моего первого романа. Он просиживал со мной вечерами, терпеливо отвечал на все идиотские вопросы, снисходительно относился к звонкам в час ночи с сообщением, что «в ворде что-то глюкинулось!», и вообще вел себя как ангел. Наверное, на что-то рассчитывал. Но в результате уже через месяц я учила секретаршу создавать шаблоны и работать с Батом, а если не открывался какой-нибудь прайс, то за неимением на работе Сашки (тот раньше двенадцати вообще не является), все бежали ко мне и спрашивали, как жить дальше.

Через какое-то время я написала Сергею письмо. Очень лаконичное, о том, что это проверка связи, и о том, что я выяснила, чем отличается Интернет от мейла. Как ни странно, он ответил. Мы стали довольно регулярно переписываться. Сначала просто присылали друг другу всякие приколы, потом стали их как-то комментировать, а уж потом писать полноценные электронные письма, длинные (то есть строк десять) и развернутые.

К> Салют!

К> Как работается? :-))

К> А у нас директор в отпуске!!! :-)))

К> Так мы все в обед как из офиса свалили, поехали за город в снежки играть. Классно!

К> Только что пришли. Сейчас наконец пообедаем, и по домам. Чего и тебе желаю.

С> А у нас директор не в отпуске, а в ж.... Это мы его туда послали.

С> Кстати, рекомендую разнообразить смайлики.

С> Вот: 8-{} - офигение, ;-) - двусмысленное подмигивание,

С> :?) - человек с большим носом картошкой, вроде меня

Короче, трепались о всякой ерунде.

И сейчас, когда я думаю, что прошло полгода, понимаю, что время прошло не зря. А еще я с удовольствием увижусь с Сергеем. Просто так.

Наверное, у меня кризис среднего возраста, только какой-то очень конструктивный. Вместо того чтобы горевать о несделанных великих свершениях и жаловаться на неудавшуюся жизнь, я приободрился.

Для начала напрягся и за месяц дописал свой компьютерный шедевр под названием «Оптимизация Web-изображений». Отослал хорошему знакомому в Питер, но изображать из себя непонятого поэта не стал, а занялся художественно-литературным проектом. Здесь дела пошли не так шустро, зато придумалось еще несколько занятных сюжетов. Когда наступал затык с основным романом, я прописывал эти сюжеты, получая ни с чем не сравнимое удовольствие.

Но и в «Лабиринтах огня» (я уже определился с названием своего эпохального труда) был заметен серьезный прогресс. Никого нового для решения проблем героев привлечь не

пришлось, да и сюжет извернулся неожиданным боком. Пришлось, правда, внести кое-какие изменения в начало, но это, в сущности, мелочь.

Выплескивая себя на бумагу (то есть на винчестер домашнего компьютера), я заметно успокоился и перестал коллекционировать случайные связи. Более того, Машины замечания типа «А вот здесь мы поставим комод» больше не вызывали у меня негодования. Я почти смирился с необходимостью совместного проживания с посторонним человеком противоположного пола. Единственное, что меня удерживало, – потребность писать. Я четко осознавал, что ни одна женщина с постоянной пропиской не потерпит в доме мужика, который по полночи занимается делом, не приносящим денег, – если это не выполнение супружеских обязанностей. Надо было вначале либо заявить о литературной состоятельности, либо окончательно поставить на своей мечте крест.

Я почему-то считал, что писатель из меня получится. Не остудило мой пыл даже письмо питерского приятеля, который книжку по оптимизации хвалил, но издавать отказывался.

Кстати, где-то в середине октября я получил письмо от Катерины. На расстоянии она казалась милейшим и безобиднейшим существом, чем-то вроде друга. Я решил, что очаровательная провинциалка будет первым человеком, которому я покажу свой роман. Почему-то была уверенность, что Катя прочитает его серьезно и оценит объективно.

Вот Машке я свою писанину показывать не собирался. По необъяснимой причине мне не хотелось даже посвящать ее в свои планы. Долгие ночные бдения за компьютером приходилось тщательно скрывать.

Маша чувствовала что-то неладное своим специальным женским чувством, бесилась, ревновала, несколько раз нагрянула ко мне с внезапными проверками, ничего подозрительного не обнаружила, отчего впала в ярость, потом в депрессию. Со временем она выработала в себе просто звериное чутье: как только я намеревался вволю пописать, Машка устраивала мне сцену, или звала на какую-нибудь вечеринку, или заласкивала до полной неспособности творить.

По-моему, она научилась читать на расстоянии не только мысли, но и электронную почту. Например, однажды Катя прислала письмо с уведомлением о своем приезде в Москву и возможном заходе ко мне в гости. Не успел я с восторгом согласиться, как раздался звонок и боевая подруга Мария Николаевна Концевая сообщила, что собирается навестить меня в тот же день и час, что и Катерина. Возражать я не имел права: на прошлой неделе трижды переносил встречи с любимой, используя слишком примитивные предлоги.

Я дернулся было отправить Кате письмо с отменой встречи, но передумал. В конце концов, что такого страшного случится? Встретятся, поболтают.

Хотя, если честно, просто не хотелось отменять этот визит.

Попытка вторая

Точечное соприкосновение с противником и искусство открывать двери

Чем дальше я ждал «встречи на Эльбе», то бишь в моей квартире, тем меньше мне эта идея нравилась.

Я приводил один аргумент за другим. «Почему бы им не подружиться? – уговаривал я себя. –

Маша – девушка умная, поймет, что с Катей у нас ничего не было. А если бы даже было, что с того?» Логические конструкции выстраивались у меня в голове одна за другой, и уже их количество доказывало, что добром дело не кончится.

Когда до условленного времени осталось четыре часа, я решил предотвратить катастрофу. Кате я позвонить не мог – не знал ее номера. Поэтому позвонил Маше.

– Я по поводу сегодняшней встречи, – бодро сообщил я, но был тут же прерван.

– Отлично! – защелбетала трубка. – Я так соскучилась... Ты так много работаешь! Тебе нужно немного расслабиться. У тебя очень напряженный голос.

– Да, я как раз...

– Медведька устал. – Маша вещала на запрещенной частоте, которая сделала бы честь любой службе «Удовольствие по телефону». – Мишке нужно почесать шерстку. Я ее уже нежно ласкаю. Мишка знает, где?

Я знал, где. Это был удар ниже пояса – «удар» в фигуральном, «ниже пояса» в буквальном смысле. А еще я знал, что фраза «я сегодня занят» приведет не только к тяжким моральным и физическим увечьям, но и к немедленному появлению моей избранницы прямо в издательстве.

– Жду тебя, – поспешно заключил я. – И целую! Пока!

Оставался единственный шанс: Катерина, как человек воспитанный, должна была предварительно позвонить, чтобы подтвердить встречу. И она позвонила – непосредственно перед приходом. Катя не называла меня «мишкой», не урчала так, что на меня косились сослуживцы, не мурлыкала грудным голосом. Но и ей я не смог сказать, что не смогу встретиться.

Не спрашивайте, почему.

«А будь что будет!» – вот фраза, за которую мужчин следует кастрировать, а женщин – выдавать за кастрированных мужчин.

Даже себе не хотелось признаваться, что я жду этой встречи. Когда чего-то особенно ждешь, ничего хорошего никогда не получается, поэтому я изо всех сил не ждала.

Чтобы не прибежать через пятнадцать минут после звонка, я нарочито медленно сходила в магазин за тортиком, буквально контролируя каждый свой шаг, чтобы не бежать вприпрыжку. Но все равно, когда я подошла к подъезду, прошло всего двадцать пять минут. Минуту я мялась, не зная, что бы такое еще сделать, а потом вспомнила, что, как обычно, забыла номер квартиры. И еще десять минут ждала кого-нибудь, с кем можно войти в подъезд. Охранник был мне совершенно не знаком и, соответственно, не обращал на меня внимания.

Я дождалась какой-то местной тетеньки, поднялась на девятнадцатый этаж и позвонила в знакомую дверь.

Сергей открыл практически мгновенно. Создалось впечатление, что он стоял в коридоре, держа ручку на ручке. В смысле, свою на дверной.

Он радостно разулыбался – так радостно, что даже как-то ненатурально. Мне сразу показалось, что, увидев меня, он вздохнул с облегчением. Боялся, что не приду?

Мы прошли на кухню, по дороге Сергей жизнерадостно жестикулировал моим тортиком и наигранно звонким голосом сообщил, что «очень здорово, что ты зашла», два раза споткнулся, ударился плечом о косяк и попытался поставить многострадальный торт мимо стола. Торт я спасла. Чашку, которую он тут же уронил, нет. Чашка, естественно, была полная, вылилось все, естественно, прямо на Сергея, он взвыл и унесся переодеваться. Я осталась на кухне с тортом в руках и кашей в голове.

А что случилось-то? Ну, зашла в гости. Не мог же он из-за меня так распсиховаться? Или мог? Или у него на меня какие-то планы? Но что-то я не помню, чтобы он раньше смущался или нервничал. Или раньше не считается, а теперь у него ко мне все серьезно? Нет, бред какой-то. Приятный, конечно, но бред.

Я решительно поставила торт на стол, вытерла лужу на полу и как раз заканчивала составлять в раковину грязную посуду, как вошел Сергей. Хмурый, но успокоившийся.

- Извини, что я здесь хозяйничаю, но тебе сегодня, по-моему, нельзя посуду доверять.

- Да, как-то не очень все удачно.

Сергей с тоской посмотрел на дверь. Так смотрит собака, с которой недавно погуляли, и она знает, что у нее совершенно нет шанса в ближайшее время попасть на улицу еще раз.

- Ну, как ты жила, расскажи.

- Нормально жила. Как всегда.

- А-а-а.

- Ну а ты как?

- Да ничего, как обычно.

- М-м-м.

- Погода у нас гадкая.

- Да, у нас тоже. Я уезжала, снег шел.

- У нас тоже вчера шел, а сегодня нет.

- Вот, – сказали мы хором и замерли, настороженно глядя друг на друга. Каждый явно придумывал следующую реплику.

- Послушай, может, компьютер включим? Переписываться легче было.

- Да, наверное. – Сергей улыбнулся почти естественно.

- А может, я не вовремя? Я в Москве еще два дня буду, могу и в другой раз зайти.

Я успела заметить только лучик надежды, который мелькнул в глазах Сергея, и тут раздался звонок в дверь. По тому обреченному виду, с которым он пошел открывать, я сразу все поняла.

Через пять минут в кухню вошла Она. Она оказалась совершенно не стервозного вида (я уже навоображала себе эдакую растрепанную фурию), хорошенькая женщина («хорошенькая девушка» звучало бы красивее, но было бы явной неправдой). Светлые волосы, стрижка «каре», глаза большие, карие. Миленькая, но при ее длине ног юбку могла бы надеть и подлиннее.

Поскольку Она молчала, я взяла инициативу в свои руки.

- Здравствуйте, меня зовут Катя.

Я с наслаждением вытянула ноги, якобы для того, чтобы встать. Но Она поняла зачем. И оценила. И я поняла, что Она оценила.

- Маша.

- Очень приятно.

Действительно приятно. Голос приятный, женственный.

Тут на кухне появился наш рыцарь.

- Маш, садись. Это Катя, она приехала на выставку, моя старая знакомая. Катя, это Маша. (Пауза.) Тоже моя старая знакомая.

Какой дурак! Это же надо одной фразой столько тумана напустить!

- Мы уже познакомились.

Я начала Машу уважать. Если бы меня кто-нибудь представил «тоже старой знакомой», я бы вряд ли смогла улыбаться как ни в чем не бывало.

- Сережа, поставь чаю, я так замерзла.

Еще бы не замерзла. Ты бы совсем без юбки пришла!

Сережа оживленно метнулся к чайнику, чтобы хоть чем-то заняться, и повернулся к нам спиной. У меня от улыбки потихоньку стало сводить скулы.

- Погода сегодня гадкая, - нашлась Маша.

- Да, у нас тоже. Когда я уезжала, шел снег.

- У нас тоже вчера шел. А сегодня нет. Тема исчерпана. Пауза.

И тут я сжалась над ними обоими. В конце концов, Сергей не мой мужчина, никогда им не был и становиться не собирался.

- У меня дочка тоже Маша. Люблю это имя.

- Правда? А сколько ей лет? - Глаза у Маши сразу потеплели.

- Полседьмого. В школу пошла.

Как я и предполагала, разговор сразу наладился. Мы с Машей живо принялись обсуждать проблемы школьного образования, у нее оказался сын старше моей Машки на три года. Через

десять минут мы веселились вовсю, рассказывая друг другу про современные учебники, новые школьные программы и бедных детей, которые все это выдерживают.

За это время молчаливое привидение сделало нам чай, а также порезало торт, который мы радостно умяли.

- У нас таких вкусных не делают, - сообщила я.

И спровоцировала еще один разговор, на сей раз о магазинах и продуктах. Это больная тема, в Московские Магазины я захожу, как в музей, а тут еще кое-что и приукрасила... Маша окончательно расслабилась и наконец-то задала единственный вопрос, который ее все еще мучил.

- А ты замужем?

Надо отдать ей должное. Я бы так вот в лоб не спросила. Мужества не хватило бы.

- Нет. Уже нет. И, надеюсь, пока нет.

Этим «пока нет» я хотела ее успокоить, сказать, мол, не волнуйся, у меня все в порядке, есть свой такой же дурак дома. А это молчаливое сокровище заberi себе. Но, боюсь, Маша меня неправильно поняла. Она резко повернулась к Сергею, ее, к счастью, пустая чашка упала. Сергей, который уже минут двадцать сидел на стуле с видом сытого спаниеля, взвился и попытался сообразить, что случилось. Слава богу, сообразил.

- Катька, ты женишься? - радостно завопил он и кинулся меня обнимать.

Вот не надо было этого делать. Любая экстремальная ситуация обостряет чувства (это я сейчас такая умная, а тогда я была просто ошарашена).

А сам виноват! Надо было, как говорил капитан Жеглов, со своими женщинами разбираться вовремя. Вместо радости встречи со старой знакомой получилось тупое ожидание неизбежного. Когда Машка позвонила в дверь, я испытал нечто вроде облегчения приговоренного к казни. Выносить пытку беседы с Катериной я больше не мог. Разговор о погоде отнял у меня остатки сил. Все, что я смог, - это представить дам друг другу и отскочить в сторону.

...И ничего не случилось. Дамы не вцепились друг другу в прически, не стали шипеть и брызгаться слюной, не стали даже молчать. Я так думаю, что молчание - тяжелую артиллерию - они используют только против мужчин. При виде другой женщины любопытство побеждает, и женщины начинают болтать.

По крайней мере, мои именно болтали. Не веря своему счастью, я порхал по кухне, пытаюсь обеспечить уют и теплую дружественную атмосферу. «Обошлось! - ликовал я. - Я же верил, что обойдется».

И сглазил. А все из-за этих чертовых супружеских отношений! Я всегда говорил, что браки следует запретить как социальное зло. Все было замечательно, пока Маша не произнесла слово «замужем». Я его и раньше-то не любил.

Катя пыталась как-то выкрутиться, отшутиться, и я бросился на помощь. С криком:

- Ты женишься? Поздравляю! - прикрыл Катерину Ивановну, словно телохранитель своего любимого президента (интересно, почему нет фильма, где телохранитель прикрывал бы госсекретаря или, скажем, министра здравоохранения?).

Это был абсолютно дружеский жест! Практически. В конце концов, мы старые друзья. В целом. Но Машка не признает дружбы между мужчиной и женщиной. Кто знает, возможно, она и права.

А Катя, кстати, здорово похорошела за эти полгода.

Мягко говоря, мне было очень приятно то, что он меня обнимает. Наверное, виноват одеколон, есть такие запахи, от которых я просто теряю голову. Или неожиданность. Если бы мы ужинали в интимной обстановке, если бы я этого ждала и, соответственно, морально приготовилась, эффект был бы не тот. Нет, ноги не подкашивались, желание не «накрыло меня горячей волной». Просто стало очевидно, как бы закончился этот вечер, если бы здесь не сидела Маша. Маша... Мне стало ясно, что пора уходить. Сергей, может, и не догадался, что я почувствовала, а вот она...

- Ладно, с вами хорошо, но я, пожалуй, пойду.

Сергей, оказывается, все это время что-то говорил.

А тут остановился на полуслове.

- Куда ты пойдешь, сейчас вина выпьем. Я за тебя рад, это нужно отметить. - Он притянул меня к себе еще ближе.

Ему явно не хотелось меня из рук выпускать, но, похоже, в отличие от меня он совершенно этого не осознавал. Зато Маша осознавала.

- Да, поздно уже. Тебе, наверное, ехать далеко, - попыталась она обо мне позаботиться.

- Да не нужно ей куда-то ехать! Она в соседнем доме у подруги живет. - Сергей был бодр и оптимистичен.

- Удобно. - Маша стада мрачнее тучи.

Я все это время лихорадочно соображала, что бы такое предпринять, а тут вдруг расслабилась. А почему я должна что-то делать? Он меня обнимает, а не я его. А если Маше это не нравится, то ее сюда никто не звал. Я со злорадством не шевелилась, Сергей веселился, Маша... На Машу я смотреть боялась...

Стояла и думала, что все равно он меня когда-нибудь, к сожалению, отпустит.

- Давай отпустим нашу гостью домой, - женственным голосом пропела Маша.

- Кого?

Сергей обалдело смотрел на свою даму. Я поняла, что еще минута - и Маша просто вытолкает меня за дверь, поэтому тут же подхватила:

- Да, давайте. Приятно было познакомиться.

Пока я шла впереди них по коридору, за спиной раздавалось придушенное шипение. Я поняла, что Сергей хотел меня проводить. За что и получил.

Несмотря ни на что, распрощались мы очень любезно, пригласили друг друга в гости, рассыпались в комплиментах. Маша готова была признать меня хоть королевой Англии, только бы я ушла побыстрее. Единственное, чего я не поняла, так это последней ее реплики. Когда я уже открыла входную дверь, Маша сквозь зубы процедила:

- Надо же, а я так и не научилась ее открывать. Видимо, практики маловато.

Что открывать? Зачем открывать? Я ждала лифта, в глазах стояли слезы. Выгнали. Просто выперли взащей. Противно-то как. Причем ни за что! Если бы я его любовницей была, хоть осталось бы что вспомнить. Нет, если бы я его любовницей была, ни за что бы не ушла. Сидела бы там до одурения, а если некоторым это не нравится, то пусть сами и уходят. Единственное, что меня утешало, так это твердая уверенность, что все равно у них сегодня ничего хорошего не получится. Я уже откровенно шмыгала носом, когда выходила из подъезда, а там... Только этого не хватало! На улице шел дождь. Вернее, снег с дождем. Под навесом подъезда стояла бабушка, к ногам которой жалась маленькая собачка. Ей явно нужно было погулять, но даже она не решалась выйти из-под крыши.

- Погода сегодня гадкая, - начала светскую беседу бабушка. - Вчера вот снег шел, я думала, сегодня не будет, ан нет, пошел...

Не судьба мне поплакать. С трудом сдерживая смех, я выскочила под дождь.

След Кати уже простыл и подернулся поземкой, а Мария все грызла меня с настойчивостью зубной боли. Но ее аргументы и упреки я парировал почти автоматически - слава богу, не впервой. Какая-то подспудная мысль точила меня сильнее, чем Машкина истерика.

Она все не умолкала, я никак не мог сосредоточиться. Только когда девушка моей судьбы заявила, что «шиш тебе с фигой, а не волшебную ночь любви», и ломанулась к выходу, меня озарило.

- Дверь! - воскликнул я, невежливо не реагируя на третье предупреждение не звонить ни в коем случае. - Она сама открыла входную дверь!

- И после этого ты будешь утверждать, что она у тебя не живет тут круглыми сутками? - снова взвилась Машка.

- В том-то и дело,- ответил я.- В том-то и дело...

И не стал продолжать. Я не мог объяснить, почему Катя, которая была здесь третий раз в жизни, легко справилась с моей знаменитой дверью. Очень легко. Легче, чем я.

Пауза вторая

Депрессняк (с большой буквы)

Неделька выдалась, хоть плачь. Что я и проделывала регулярно и с чувством, хотя обычно почти не плачу. На работе полный бедлам. Назначили новую начальницу. Во-первых, она дура.

Во-вторых, она дура, в-третьих, то, что она спит с директором, только доказывает, что она дура. Какого черта я должна слушать, что мне вещает эта... что-то я повторяюсь. Короче, привел это сокровище наш дорогой начальник в начале июня. Говорит: «Вот вам, ребята, опытный специалист, она будет руководить отделом реализации». Я вся испилелась: «При чем тут отдел реализации, она не по этому делу специалист». Мужики меня заткнули, решили, что я из зависти ядом плююсь. Ну из зависти, так и что! Если я сама с ним не сплю, так мне теперь вечно будут всяких ду... теток подсовывать?! Руководить она будет, а как же! Собрала всех нас и сообщила, что теперь мы будем работать по-новому, продажи возрастут в небывалое количество раз, начнем завтра. В июне! Продажи у нее возрастут!.. Ага.

- Катенька, распечатайте мне все накладные за последний месяц. Мне нужно их проанализировать.

- Все?

- Да, пожалуйста.

И улыбнулась так мило.

Не вопрос. Все так все. В мае мы учебники отгружали, а я ей еще и все различные накладные распечатала, чтоб наанализировалась по самые уши. Рабочий день я, конечно, убила, а потом попросила Андрея всю эту кипу бумаг отнести ей на стол. Сама поднять была не в состоянии. Приглушенные всхлипы из директорского кабинета полчаса спустя несколько подняли мне настроение, но ненадолго. Наябедничала она качественно. Разнос мне устроили чудовищный, вычли стоимость бумаги из зарплаты и пообещали не пустить в отпуск. И это Петр Александрович! Спокойный, рассудительный мужик. Нам с ним всегда так хорошо работалось. Если мне позволяло время, я даже с удовольствием оставалась с ним в офисе, после того как все свалят домой. Вдвоем мы очень быстро решали все вопросы, и время летело незаметно, и весело было. И вот этот самый человек орет на меня дурным голосом, стучит кулаком по столу, брызжет слюной.

- Если она такая умная, назначьте ее своим начальником!

Я вылетела из кабинета хлопнув дверью. Расплакалась. Поняла, что не могу доставить этой, этой... удовольствие видеть меня зареванной, и ушла домой.

Потом, правда, все относительно наладилось. На следующий день директор типа извинился. Собрал нас с этой в кабинете, усадил рядом. Сказал: «Девочки, не ссорьтесь, мы вместе делаем общее дело. Ты, Катенька, опытнее (подхалим!), вот и помоги Лене. Ты же умница».

Все вроде так, но возникает резонный вопрос: если я такая опытная умница, то почему она моя начальница, а не наоборот. А я ей еще и помогать должна! Короче, осадок остался. На работу теперь по утрам совсем не хочется, нашим с Петром Александровичем вечерам пришел конец, между нами сидит Леночка. И мало того что обстановку портит, так ей еще все по три раза объяснять приходится. Уволюсь к черту! Вот только в отпуск схожу, и уволюсь.

Но ведь если в жизни что-то не ладится, то все сразу. Пришла я как-то вечером домой после особенно тоскливого дня. Машку спать уложила в девять и начала слоняться по квартире, не зная, чем заняться. Решила поработать. Долго набирала всякие документы, чтобы завтра на работе не уродоваться и в обед куда-нибудь по магазинам свалить, и вот, когда они уже были готовы, осталось только это все счастье отослать на работу, выяснилось, что в Интернет я выйти не могу. Билась-билась - не получается. Дискет, как назло, дома ни одной. Что же делать-то? Очень жалко было потраченного времени. Можно, конечно, завтра с утра поехать на

работу, взять дискету, приехать домой, переписать все и поехать на работу. Но не хочется. И тут я привычно набрала спасительный номер телефона своего любимого мужчины. Практически платонически любимого, но это самое «почти» и давало мне возможность звонить ему в любое время дня и ночи.

- Привет, мур. А у меня проблема, в Интернет не выходит... Куда ты пропал?

Уже позвонив, я сообразила, что мы давно не разговаривали. Больше недели его было не слышно.

- Привет.

Голос был явно сонный. Я посмотрела на часы и ужаснулась: полвторого.

- Извини, заработалась. Ничего, что я так поздно?

Обычно мне на это отвечали, что, конечно, ничего.

Что все замечательно, что мой звонок - лучшее, что могло случиться этой ночью, потому что присутствия моего не допросишься. И что, конечно, он сейчас все мне расскажет, а если нужно и приедет и все починит, только потом уже никуда не уедет, помнишь, как в тот раз... Этот самый Тот Раз стал просто легендой. Я практически никогда не оставляю мужиков у себя дома, а тут Машка ночевала у бабушки, и было уже три часа ночи, когда у нас наконец компьютер заработал, да и дождь за окном... Короче, я всего лишь слабая женщина...

Во-о-от. А в этот раз мне сказали:

- Я тебе завтра перезвоню, если будет время.

- ?

Я от неожиданности потеряла дар речи. Как это «завтра»? Как это «если»?

- На часы посмотри. Спокойной ночи.

Он явно собирался сразу отключить телефон, но, видимо, на кнопку не попал, и я услышала женский смех и то, что зовут меня Саша, я верстальщик и работаю по ночам, когда другие люди делом занимаются, иди сюда, киска.

Киска?! Я была убита. Ошарашена. Я заплакала...

Мы встретились через два дня, он приехал ко мне домой, привез букет моих любимых желтых роз.

Решив не прикидываться, я сразу выпалила, что верстальщикам Сашам цветы не дарят.

- Послушай, ты взрослая разумная женщина. Я ведь у тебя тоже не единственный. Ведь так? И я не святой, я не могу жить обещаниями. Что ты думала?

- А что я думала? Да не думала, не думала. Совсем не думала. Думала, ты всегда будешь рядом, когда я этого захочу. Думала, что всегда буду для тебя чем-то особенным. Думала, что ты никогда ни с кем больше, потому что после меня все женщины будут серыми и скучными. А ты вот так, втихаря...

- Ну, ну не перегибай. Что ж мне - надо было у тебя разрешения спрашивать?

- Нет... Наверное, нет.

- Все, не реви. Мы друзья, друзьями были, друзьями и останемся. Все хорошо. Ведь ты меня не хочешь, ведь не хочешь же?

- Нет. Наверное, нет.

Я всегда была честной девочкой. Да и что было сказать? «Хочу»? Еще унижительнее.

- Ты красивая, ты сексуальная, ты потрясающая женщина. Ты будешь счастлива. Обязательно найдешь человека, с которым будешь счастлива...

Все это он говорил уже не женщине, а всхлипывающему, взъерошенному, несчастному созданию, громко рыдающему ему в жилетку.

Прошло еще два дня. Мне позвонил мой первый муж. Точнее, бывший первый муж. Нет, единственный первый бывший муж. То есть единственный первый и единственный бывший. Надо сказать, у нас сохранились очень хорошие отношения. Машку он любит, часто с ней встречается, деньгами исправно помогает. На фоне общего отвратного настроения я была очень рада его слышать. А зря.

- Привет. Слушай, тут такое дело, мне внезапно дали отпуск. Хочу в Турции отдохнуть. Отпусти со мной Машу.

Он выпалил это на одном дыхании. Выдернул кольцо и пригнулся в ожидании взрыва.

- Надолго?

- На две недели.

В тот момент я думала только о том, как обрадуется Машка. На море. С папой.

- А когда ты уезжаешь?

- Послезавтра.

- Когда?

От неожиданности я даже подпрыгнула. Как послезавтра? Так нельзя. Мне же нужно морально подготовиться, принять решение... Я не готова...

Дима понял мои вопросы по-своему.

- Ты не против! Ура! Я знал, что ты умница. Только... знаешь, я ведь не один еду.

- Я догадалась. У нее дети свои есть?

- Есть. Девочка, восемь лет. Им будет весело.

А мне? А мне как будет здесь одной? Обо мне кто-нибудь подумал?! Дима весело щebetал дальше:

- Собери сумку. Я заеду за Машкой в семь утра, самолет в десять. Больше ничего не делай. Лиза говорит, чтобы ты составила список, что ей нужно. Я там все куплю. Лиза говорит, там все дешевле.

- Что еще говорит Лиза? - не сдержалась я.

- Язва.

- Послушай, дай Лизе трубку.

- Катька, я тебя прошу...

- Не бойся, я добрая.

Передача трубки явно потребовала от Димки немалого мужества. Интересно, почему?

- Катя? - наконец услышала я. Приятный голос.

- Лиза, я на самом деле не знаю, что вам сказать. Вы справитесь? - Голос у меня предательски задрожал. - Я буду волноваться. Я еще никогда с Машей не расставалась так надолго.

- Я вас понимаю, не волнуйтесь. Спасибо вам. Для Димы это очень важно.

- Вам спасибо.

- Катя! Эй, Катька, с тобой все хорошо? Что у тебя с голосом? Катя, что случилось?

Дима явно подслушивал на параллельной трубке, я так поняла, и ожидал чего угодно, только не обмена любезностями. Наверное, решил, что у меня крыша поехала.

- Все нормально. Я устала. Заезжайте, я соберу сумку.

И быстро швырнула трубку, потому что слезы уже привычно клокотали в горле.

Чтобы как-то успокоиться, залезла к Маше «под бочок». Не выдержала, разбудила и спросила:

- Поедешь с папой на море?

- С папой? На море? Ура! - Сонные глазки засветились. - А ты?

- Я не могу, меня с работы не отпускают.

Только меня там не хватало!

Машка задумалась. Честно говоря, я так надеялась, что она меня сейчас обнимет, скажет, что без меня никуда не поедет, что только я ей нужна, что она жить без меня не может. Короче, скажет именно те слова, которых я жду всю эту ужасную неделю.

- Я тебе буду часто-часто звонить, - изрек наконец мой ребенок.

Машка уехала.

Жуть, тоска, жить не хочется. Свет померк, мрак кромешный.

Ночевать домой не пойду. Лучше к Олегу в тренажерный зал. Он мужик, найдет чем меня

занять, он никогда не против.

Я представила себе, как он офигеет, когда я останусь на всю ночь. Он всегда страшно бесился, что я первая вставала и куда-то неслась. Похоже, что я была у него единственная в своем роде.

После очень хорошей дозы очень качественного секса я спокойно заснула. Проснулась оттого, что глаза резал включенный свет.

- Просыпайся давай.

- Зачем?

- Давай, давай. Мне уходить через двадцать пять минут, мы сегодня на «Реакторе» тусуемся.

Слово «мне» резануло похуже яркого света. Может, он просто не решается мне предложить с ним пойти?

- А мне нельзя?

- Что?

- Тусоваться.

- Да ты ж вдвое старше всех девок там будешь. Давай домой дуй. Баиньки.

- Ну, не вдвое...

- Вдвое, вдвое. Им по шестнадцать. Или ты уходить не хочешь? Тебе мало? - Герой-любовник лихо запрыгнул на меня и прижал к кровати. - Давай, у меня еще полчаса есть.

- Мне достаточно, - отчеканила я, - выше крыши!

Смела его с себя, оделась за пять минут и уже в дверях не удержалась:

- Богатый жизненный опыт подсказывает мне, что домой ты меня не проводишь.

- Чё?

- Да ничё!!! - выпалила я, хотя на языке вертелось выражение гораздо хуже.

15 июня в 10 часов утра я ушел в «загул».

Нет, не подумайте, со мной такое редко бывает. Это не похоже, например, на запой, потому что пью не больше обычного. Просто на какое-то время прячусь от человечества, отключаю все телефоны и не открываю дверь даже на крики «Пожар!» или вопросы типа «Это не ваши пять штук баксов под дверью валяются?».

Хуже всего, что «загул» всегда обрушивается на меня внезапно и я не успеваю никому об этом сообщить. На работе первое время очень переживали по этому поводу, потом директор - физик по образованию - выяснил эмпирическим путем, что срываюсь я не чаще одного раза в год, и коллективу пришлось смириться. Неделю «загула» потом просто вычитали у меня из отпуска. Один черт, я отпуска никогда не догуливаю.

Вот жена – та переживала и пыталась помочь. Вместо того чтобы оставить меня в покое, садилась напротив и нежным голосом уговаривала меня поделиться своими проблемами. Кончалось это тем, что я либо швырял в стены табуретками, либо бил стекла в межкомнатных дверях. Потому что проблем никаких не было – была неодолимая потребность послать весь мир в задницу и не позволять приставать ко мне, пока я не перебежусь.

Вот Машка – она сразу эту мою особенность приняла. Поэтому, наверное, и задержалась при мне на целых три года. Может, надеялась впоследствии меня вразумить? Кстати, при ней мои «загулы» почти прекратились.

Почти, но не совсем.

15 июня в десять я, вместо того чтобы пойти на работу, методично обесточил все средства связи, включая домофон и дверной звонок, и лег спать. Проснулся в восемь вечера и направился к холодильнику. По счастью, он был полон. В прошлый раз шиза подкосила меня при почти абсолютном нуле провианта, и целую неделю я питался консервированным зеленым от времени горошком.

Поел, принял душ и завалился на диван с томом Шекли.

Это был тот случай, когда чтение заменяет размышления.

За неделю отшельничества я основательно выел холодильник, отрастил щетину «а ля Леонид Парфенов», выпил полбутылки водки и освежил в памяти сокровища американской фантастики.

К 22 июня меня отпустило. Как обычно, невыносимо болела голова – нет, башка. Ощущалась общая вялость. Ничего не хотелось, но воля уже начинала беспокойно шевелиться. Я убрал на кухне и побрился. Мир по-прежнему пребывал в заднице, но уже хотелось познакомиться с новостями. Телевизор ничего не дал, и я врубил компьютер. Истосковавшийся по информации модем фирмы «Асогр» радостно заверещал. Почтовый ящик ломился от предложений увеличить самое необходимое и тематических рассылок. Писем от живых людей практически не оказалось – даже от моей далекой провинциальной подруги.

Теперь оставалась самая неприятная часть выхода из кризиса: следовало обзвонить наиболее близких знакомых и извиниться (перед теми, кто в курсе моих странностей) или что-нибудь наврать (тем, кто не в курсе).

Первый звонок по праву принадлежал Машке.

- Привет, – сказала она, и в голосе прозвучала усталая мудрость, – опять?

- Ага, – согласился я, – понимаешь...

- Да понимаю, – усмехнулись в трубке, – все понимаю. А у меня позавчера день рождения был. Мне исполнилось тридцать два.

Я закусил губу. Пропустить Машкины именины – это непростительно.

- Слушай, Сергей, – продолжала трубка, – дело не в дне рождения, дело в том, что мне тридцать два. И я старомодная, но я хочу семью. А ты не хочешь. И я не буду тебя заставлять. Хотя могу. Но мне это не надо.

- Не нужно, - автоматически поправил я.

- И не нужно тоже, - согласилась трубка. - Короче, пока. Желаю счастья. Мне было с тобой хорошо. Не обижайся, ладно?

Какое-то время я слушал короткие гудки. А я-то считал Машку похотливой дурой. Хотя и заботливой. А ей, оказывается, тридцать два. И она не просто хочет замуж, а хочет, чтобы и ее избранник хотел жениться. Дела...

Вот теперь был повод конкретно выпить.

- Гадина! Гадина! Гадина!

Слезы размазывались по лицу, тушь не размазывалась, ее давно смыли предыдущие слезы.

- Сволочь! Гадина! Я к нему, а он... Качок хренов. Мозги бы себе накачал! Больше никогда в жизни!

Тут я разревелась с удвоенной силой.

На улице темно, холодно. О том, чтобы идти на остановку, не могло быть и речи. На такси приехала в пустую квартиру, начала звонить подругам. Одна вообще не ответила, вторая детей спать укладывала, третья с мужем ушла в театр. Все были кому-то нужны, кроме меня. И вот тогда, уже совсем зайдясь от горя и безысходности, я позвонила Наташке. Звонила сразу на мобильник, потому что она могла быть и не в Москве, а где угодно. Может, за границей работает, может, на гору лезет. Но одно я знала точно: даже если Наташка висит на горе, она обязательно возьмет трубку. Будет висеть на одной руке.

Трубку Наташка взяла практически мгновенно, и сразу стало понятно, что нигде она не висит, а в машине едет.

- Наташ, привет, ты в Москве?

Мы знаем друг друга уже семнадцать лет, и, услышав мой придушенный рыданиями голос, она сразу сказала именно то, что я от нее и ждала.

- Что ты там реवेशь, дуреха, приезжай!

- Угу.

- Жду.

Я посмотрела на часы. За 20 минут собралась, за 23 доехала до вокзала, через 4 у меня на руках был билет, через 15,5 поезд тронулся. Итого: через 92,5 минуты я спала в поезде, а через 14 часов и 12 минут после нашего разговора сидела на кухне у Наташки и разбавляла слезами свежесваренный чай.

Наташка была просто душка.

- Понимаешь, меня никто не любит...

- Кто? Кто конкретно тебя не любит?

- Никто...
- Конкретно!
- Мужики все.
- Конкретно!..
- Знакомые мужики.
- Имей совесть. У тебя два любовника, ты еще третьего хочешь?
- Не хочу! Я и этих не хочу!
- Чего тогда ревешь?
- Я хочу одного, но другого...
- Какого?
- Такого, чтоб меня любил...
- А эти не любили?
- Меня никто не любит...

Наташка взвыла и удрала на работу.

Напиться мне так и не удалось.

Во-первых, для этого нужно было пойти на улицу, на что я пойти не мог. Во-вторых, мучительно захотелось заглянуть в свои «Лабиринты». И не просто заглянуть, но и написать что-нибудь – лишь бы не думать, лишь бы пережить похмелье...

Но Печальный Зверь уже смотрел куда-то в одному ему ведомую даль. Его когтистые крылья внезапно расправились, с неистовой силой ударили темный воздух, – и чудовище исчезло так же внезапно и беспричинно, как появилось. Мгновение странники еще стояли, словно пытаясь разглядеть в Астрале след своего недавнего союзника, а затем, очнувшись, бросились к истекающему кровью Магу.

Я перечитал созданное за последние пятнадцать минут и понял, что на улицу сходить все-таки не помешало бы. Проветриться.

Попытка третья

Театры, банкеты, блондины в смокигах

Когда Наташка ушла, я еще полчаса поплакала, а потом решила включить радио.

- Доброе утро, дорогие москвичи! Сегодня понедельник, тяжелый день, но, несмотря на это, многим из нас сейчас придется встать и отправиться на работу!

Ужас! Кошмар! На работу! Мне же на работу! Я посмотрела на часы. До начала рабочего дня остался час. А я в Москве. А пошли они все! Набрала номер директора.

- Алло, здравствуйте, Петр Александрович. Это Катя. Я сегодня на работу не приду.

- Ты заболела? Ты неважно выглядела вчера.

- Нет, я не заболела. Я уехала. В Москву. Извините.

- Насовсем?..

- Нет. Не знаю. Хотите, увольте меня за прогул, но я не приду (я заплакала). Не могу...

- Так... Так... Катя. Сколько тебе нужно времени? Неделя? (Всхлип.) Две недели? О'кей! Считай, что это отпуск за мой счет. Ты, это... не раскисай. Привет столице!

Весь день я провела лежа на диване и жалея себя. Никто и никогда меня столько не жалел! Я стала абсолютным чемпионом по жалению!

Вечером пришла Наташка и показала мне себя со стороны, причем в прямом смысле слова. Зеркало под нос подсунула. А еще подруга называется!

Увиденное меня настолько впечатлило, что я перестала рыдать. Побоялась, что еще немножко, и глазки с лица исчезнут совсем.

Наташка принялась меня тормозить и в итоге отправила в магазин.

- Иди, иди, развеешься. Купи хлеба и торт. И кетчуп. И выпить. Тогда не будет вызывать подозрений твой вид. Девушка за опохмелом пришла. В девять вечера это вызовет уважение. Слушай, ты хоть причешишь.

- Ай...

- Что, так и пойдешь в этих штанах?

- Ай...

- Да как это: «Ай»?! Иди переоденься, а то тебя арестуют за бродяжничество. И губы покрась. Хотя бы.

Спорить было лень. Я передела штаны, причесалась, покрасила губы и пошла в магазин за тортиком и кетчупом.

На улице хорошо, тепло, просто вечер для свиданий... Так, об этом не думать. А куда бы мне пойти? Наташка говорила, в «Перекресток».

Шла я медленно, просто плелась нога за ногу, оказывается, соскучилась по свежему воздуху. Подошла к центральному входу «Глобал сити», увидела там толпу людей, решила, что нет, туда не хочу, зайду прямо в гастроном. Ну их, еще знакомых встречу. Хотя кого я могу в Москве встретить? У меня тут и знакомых-то нет. А нет, есть! Сергей. Я оглянулась по сторонам и... увидела Сергея. Сердце остановилось. Но потом мужик повернулся ко мне спиной, это оказался совсем даже и не он. Этот был с женой и ребенком. При виде чужого счастья я уже привычно захлюпала носом. «Ну и фиг с ним, с „Перекрестком",- решила я,- пойду в „Седьмой континент"».

Через полчаса после того, как я ушла из дома, мне позвонила Наташка.

- Где ты шляешься?

- В магазин иду.

- В какой?

- В «Седьмой континент». Я решила чуть-чуть прогуляться.

- Черт!..

- Ты чего?

- Ничего, это я не тебе. Это я обожглась. Иди давай, есть очень хочется.

Когда я вернулась, Наташка была явно не в духе. Ворчала, бурчала, с кем-то созванивалась, бурчала и ворчала в трубку. Наконец сказала:

- Ладно, утро вечера мудренее. Пошли спать.

- Не хочу.

- Надо. Поспишь, может, будешь выглядеть поприличнее.

На работе все тактично делали вид, что я вернулся из командировки, а не из загула. Но поблажек не делали - навалились скопом прямо от порога. Младшие редакторы, наученные горьким опытом, вцепились мертвой хваткой и не отстали, пока я не поснимал все вопросы и не позвонил всем нужным людям. Зам по производству обрушил на меня кипу неподписанных макетов, а художник - пачку неутвержденных обложек. Рабочий почтовый ящик был забит корреспонденцией, требующей немедленного реагирования. В самые неподходящие моменты возникал зам по маркетингу и сообщал, что 800-страничный фолиант по MathCAD почти продан и нужно срочно напрягать автора, чтобы он скорее сдал рукопись второго издания.

Я извивался, принимал решения, тут же задумывался и отменял их, давал обещания, которые не собирался выполнять, - словом, наверстывал упущенное. К концу дня я был настолько взвинчен, что на вопрос секретарши Людочки: «Сергей Федорович, а вам не нужен билет на завтра в „Сатирикон“?» бодро откликнулся:

- Конечно, займись этим... э-э-э... в среду!

- Но билет на завтрашний вечер! - робко возразила Людочка.

Она работала у нас уже полгода, но меня почему-то побаивалась. Наверное, потому, что я обычно опаздывал и пролетал мимо нее с крайне озабоченным видом.

Я понял, что ляпнул что-то не то, и поправился:

- Я имею в виду послезавтра утром... То есть как на завтрашний?

- В «Сатирикон».- Испуганная секретарша говорила кратко. - Один билет. На завтра. Я сама хотела, но у меня ребенок заболел.

Я потряс головой, избавляясь от рабочего угара.

- Ага, - сказал я, - значит, есть билет в «Сатирикон» и ты мне его предлагаешь?

Людочка радостно замотала крашеной головой.

Идея мне понравилась. В театре я не был лет сто, а уж в одиночку - все двести. Это было знамение. По крайней мере, я так решил.

И это было не единственное знамение сегодня. Сначала я встретил почти у своего подъезда Маринку - одноклассницу, за которой ухаживал целый месяц в седьмом классе. Она сильно раздобрела, буксировала коляску с живым ребенком внутри и мне искренне обрадовалась. Как показали дальнейшие события, радость была небескорыстной: Маринка попросила помочь ей сходить в магазин. Это было кстати: за неделю я выел все свежие продукты и часть несвежих. Моя первая (или вторая?) любовь осталась такой же бестолковой, как и в седьмом классе, когда отвергла мои притязания из-за якобы малого моего роста. Всю дорогу Маринка выясняла по мобильнику, что именно нужно купить, и выяснила, что все уже куплено и можно никуда не ходить.

Во время нашего шоп-тура случилось еще одно знамение: я увидел Катю. Ту самую провинциалку, которая так эффектно побеседовала с Машкой. Правда, ее лицо мелькнуло где-то на периферии зрения, а Маринка тащила меня вперед с настойчивостью маневрового паровоза, так что полной уверенности в реальности видения не было.

Запасаясь провиантом, я упорно думал о Кате. Меня вдруг заинтересовало, что с ней, как она поживает и не обижается ли на меня. За что? Глупый вопрос. Женщины обижаются не по конкретной причине, а по необъяснимой особенности своей природы.

Дома я ломанулся к компьютеру, даже не выгрузив продукты. Проверил почту, попутно удаляя всякую лабуду. Письма от Кати не было. Тогда я написал сам. Кратко, не вызываяще, вполне доброжелательно.

Потом немного походил по кухне, распахнул еду по шкафам и в холодильник, и представил, что в углу за столом сидит Катя, поглощает йогурт (люблю женщин, которые хорошо питаются) и рассказывает, что у нее там как было сегодня на работе...

М-да... Вот до чего доводит длительное воздержание. Жениться вам пора, барин.

Поскольку комп еще гудел, я отработанным движением загрузил «Лабиринт» и перечитал вчерашний кусок.

И он мне не понравился. Какой-то вымученный, сплошной сюжет, никакой литературы. Бесконечные отблески пламени, которые пляшут на суровых лицах и неистовая борьба Добра со Злом. Даже не Добра со Злом, а Добра и Зла - со всем, что шевелится.

Я вздохнул и прибег к испытанному способу: открыл новый файл и стал строчить, не слишком задумываясь над текстом:

Ползучая контрреволюция прокралась на Хутора тишком. Она неслышно просочилась на наши чистенькие улочки вместе с обозом Мародеров из города...

Обычно такое сочинительство отвлекало меня на полчаса-час, после чего можно было снова возвращаться к героическому побоищу магов, эльфов и земных стихий. Однако на сей раз я увлекся не на шутку: меня утянул простой, неспешный мир, в котором хуторяне пахали, запрягая в соху антигравы, а товары выменивали у говорливых Мародеров из неблизкого Города...

Очнулся я оттого, что за окном светало. На работу нужно было идти обязательно. И еще в театр.

На следующий день начался отходняк. Проснуться я не могла, видимо, нервы такой нагрузки не выдержали и теперь требовали передышки. Меня разбудил телефон, который настойчиво звонил минут десять.

- Да...

- О, ты проснулась?

- Нет.

- Вставай, а то театр проспичь.

- Какой театр?

- Я тебе взяла билет в театр. Ты хотела в «Сатирикон»?

- Да.

- Тогда просыпайся. Начало в семь. Заедешь ко мне за билетом, тебе в пять нужно выйти из дома. Можешь не успеть.

Я посмотрела на часы. Не поверила своим глазам. Посмотрела на другие часы.

- Наташ, что, правда полвторого?!

- Нет. Полтретьего. Ты часы не перевела. Просыпайся.

Я пыталась вспомнить, во сколько мы вчера легли. Получалось, что я проспала пятнадцать часов. Впечатляюще. Зато глазки на лице появились. Целых два.

Первым делом я, еще на автопилоте, включила компьютер. Он оказался первым электроприбором, который попался мне под руку. Включила и задумалась, а зачем? Ну, раз он все равно уже работает, решила проверить почту. И каково же было мое удивление, когда я обнаружила в ящике письмо от Сергея!

«Привет! Что-то давно ты не писала. Как дела?»

Собираешься ли в Москву в сентябре? Заходи, отметим юбилей знакомства. Надеюсь, ты не болеешь.

А я тебя сегодня вспоминал.

С уважением,

Сергей Емельянов»

Честно говоря, я совершенно обалдела. То от него два месяца ни слуху ни духу, а то вдруг письмо. Причем тогда, когда я в Москве! Я даже проснулась.

Все-таки странные у нас отношения. С одной стороны, абсолютно отстраненные, а с другой – все время идет просто мистическая передача настроения. У меня сложилось полное ощущение, что он почувствовал, что мне плохо, и поэтому написал это письмо.

Первым порывом было ответить. Написать, что я в Москве. А потом руки сами отдернулись от клавиатуры. Ну, отвечу, и что? Опять Маша? Я за последнее время на женщин окружающих меня мужчин посмотрела до одурения. Не хочу! Я собираюсь в театр, у меня сносное настроение, я нормально (если сравнивать со вчерашним днем) выгляжу. И все. Никаких Маш.

По природной лени поехал в театр на машине. Естественно, опоздал. Естественно, эти олухи не утерпели и начали без меня. Посадили меня на боковое место, откуда я и внимал Мельпомене, пытаюсь разобраться в сюжете. Как любит спрашивать мой отец, входя в комнату с работающим телевизором: «Уже убили?» Спектакль оказался довольно смешным, хотя, на мой вкус, с недостаточно закрученной коллизией. Я тут же принялся в уме сочинять блестящую пьесу на похожую тему и остался собой доволен.

Я даже не пошел изгонять в антракте злых духов, занявших мое место. К концу спектакля получил удовольствие и полное право упоминать в компании: «Был тут давеча в „Сатириконе“...»

Боковое место оказалось очень кстати: на выходе я был одним из первых. Правда, на подходе к машине выяснилось, что портфель с бумагами и ключами остался в зале. Пришлось возвращаться.

И кого бы вы думали я встретил в дверях? Катерину Ивановну! Она возникла передо мной, словно джинн, вызванный с помощью электронной почты. Я так офигел, что даже не удивился. Вместо этого приказал ждать-здесь-никуда-не-уходить, метнулся за портфелем (к которому уже собирались вызвать минеров) и вернулся к видению по имени Катя. Видение послушно ежилось под порывами северного ветра.

- Ну что? – спросил я. – К подруге? Или как обычно?

По-моему, она не поняла намека. Вместо того чтобы подыграть, сузила празднично намазанные глазки и поинтересовалась:

- А ты сегодня один?

Я был один. Настолько один, что с радостью устроил ей автокруиз по улицам этого сумасшедшего караван-сарая... то есть, извините, столицы нашей Родины. Я заливался, как соловей, живописуя Кате прелести Лужкова как градостроителя, а моя пассажирка – даже эффектная в вечернем макияже – милостиво кивала головой, улыбалась в нужных местах, а еще умудрялась читать SMSKH И отвечать на них.

Если я в чем-то и завидую женщинам, так это в умении делать сто дел одновременно. А вы говорите «Цезарь»!

До театра я добралась без приключений. Вышла заранее, спокойно заехала к Наташке за билетом, подавила естественный соблазн поймать «мотор». Знаю я эти штучки, научена за годы командировок. В Москве есть только два надежных вида транспорта: метро и собственные ноги. Если рассчитывать на них, есть шанс прийти вовремя. Наши провинциальные привычки ловить такси, если опаздываешь на десять минут, здесь выливаются в двухчасовую пробку в полчаса ходьбы от места встречи. Так что я явилась даже заранее, в 18.55 уже сидела на своем месте и изучала программку, причем все силы уходило на то, чтобы не думать о том, что первый раз в жизни я пришла в театр одна.

Слава богу, как только открылся занавес, эта проблема отпала. Можно было вообще ни о чем не думать, а просто наслаждаться игрой актеров. Наташка выбрала спектакль просто идеально. С одной стороны, никакой трагедии на сцене, очень легкий сюжет, а с другой, происходящее завораживало и не давало ни одной посторонней мысли пролезть в голову. Так что, когда вдруг случился антракт, мне понадобилась пара секунд, чтобы сообразить, кто я и что здесь делаю. Вставать и куда-то идти было неохота, так что я осталась на месте.

Когда спектакль закончился, вышла из зала одной из последних – терпеть не могу лезть в толпу. Медленно шла про практически пустому фойе, размышляя, как бы сейчас лучше до Наташки доехать, и уже в дверях столкнулась с каким-то мужиком.

- Катя?

Я машинально подняла голову. Просто неосознанная реакция на собственное имя.

- Сергей?

У меня в голове вертелась только одна мысль: «Мистика какая-то!» Мы бы, наверное, еще долго стояли и пялились друг на друга, если бы не загоразивали проход. Наконец Сергей опомнился:

- А я за портфелем вернулся. Сел в машину и даже с места тронулся, а тут понял, что чего-то мне не хватает.

- Чего?

- Портфеля.

- А-а.

- Подожди, я его сейчас заберу.

Пока Сергей ходил за портфелем, буря у меня в голове несколько улеглась. В конце концов, не такая уж и мистика. Он тоже вполне мог сходить в театр. С девушкой. Ужас! Нужно быстро сматываться, еще одного свидания с Машей я не выдержу.

Но тут прибежал запыхавшийся Сергей.

- А ты где остановилась? Тебя к подруге подвезти? Ты одна?

- А ты один?

- Да, а что?

- Тогда подвези.

Сергей засмеялся.

- Один, один. Мне на работе секретарша билет отдала, у нее ребенок заболел. Вчера чуть ли насильно всучила. А ничего спектакль. Я сто лет в театре не был.

- Не цените вы своего счастья.

- В смысле?

- Я уже давно заметила, что питерцы не ходят по музеям, а москвичи по театрам. Приезжаешь и начинаешь им рассказывать, что в городе есть интересного.

- А что у вас в городе интересного?

- У нас на улицах чисто. И пробок нет. Пока. Ну, в смысле, по московским меркам это не пробки.

- Ничего, мы привыкли. Сейчас уже свободно, давай круг дадим, поехали через центр, на Кремль посмотрим.

- Все-таки странно, что мы встретились.

Сергей этой фразы не услышал, потому что заводил машину и включал радио одновременно.

Обожаю ездить по вечерней Москве! Какая она все-таки красивая! Если спросить, есть ли у меня любимый город, я совершенно искренне отвечу, что это Москва. И именно вечером.

Я наслаждалась поездкой, настроение поднималось, я даже решила включить мобильник. Отключила его, уезжая из дома, потому что была не в состоянии ни с кем общаться. А сейчас обнаружила его в сумке и решила включить. На меня посыпались SMS. Несколько с работы: одна от Леночки с просьбой позвонить, она не могла разобраться с документами, одна от Саши: «На кого же ты нас покинула?», одна от Димы, о том, что долетели благополучно, и одна от моего экс-возлюбленного. Того, который умный. Он писал, что волнуется, что меня нет ни дома, ни на работе. Предлагал встретиться.

А нет меня! А вот волнуйся! И с документами сами разбирайтесь! Вот вам!

А жизнь-то налаживается!

В тот вечер я продолжал быть галантным кавалером: припарковался у своего дома и пошел провожать Катю к подруге. Она соизволила опереться на мою руку - и это вызвало позабытое в моем преклонном возрасте сердцебиение. «Воздержание, - утешал я себя, - гормоны, опять же».

Погода была уже не весенняя, но чувствовал я себя мартовским. Хотелось жить, и творить, и совершать похвальные безумства. Я с интересом огляделся и увидел, что живу на бульваре и

образующие его липы чудо как хороши. Как там у Масыни? «Море... У нас ведь есть настоящее море...» Я покосился на Катю. Она брела, чуть склонив голову набок, и лицо ее приняло то сосредоточенное выражение, которое бывает у всех уставших, но воспитанных людей. С внутренним вздохом отказавшись от идеи дополнительной пешей прогулки, я доставил Катю до подружкиного подъезда.

Дома я бодро приготовил себе чаю, хлопнул рюмку коньяку «Московский», потом себя по лбу – и спустился вниз за забытым в машине портфелем. Ей-богу, я бы не удивился, если бы на первом этаже меня встретила Катя, которая оказалась здесь совершенно случайно.

Разбирая портфель, в который на работе сгреб все бумаги, требующие немедленного рассмотрения, я продолжал радостно ухмыляться. В третий раз напомнил себе о воздержании и гормонах, но понял, что дело совсем не в этом. В чем – этот вопрос я отложил на потом. Даже на «как-нибудь потом», – то есть навсегда.

Содержимое портфеля довольно споро перекачывало в мусорное ведро. На столе я оставил всего несколько действительно важных бумаг, и в их числе – приглашение на юбилей компании «3,14». Я чуть было не отправил карточку вслед за основной массой бумажек, но сдержался. Хоть книжная торговля и не входила в круг моих непосредственных обязанностей, с «3,14» стоило поддерживать хорошие отношения. А самое главное – там наверняка будут «все», то есть люди, которым имеет смысл время от времени себя продемонстрировать. Как знать, возможно, среди «всех» мог находиться мой будущий непосредственный начальник.

Поэтому я решил пойти на компромисс: на юбилей явиться, но в рабочем костюме. От галстуков меня тошнит. Да и завязывать я их так и не научился.

Наташка посмотрела на меня как на привидение.

- Ты чего так рано?

- Я на машине, меня Сергей подбросил. Помнишь, мы с ним когда-то в метро познакомились?

- Да уж, такое не забывается.

- Я его в театре встретила, в гардеробе.

- Когда пришла?

- Нет, когда уходила. Уже в дверях. Если бы он за портфелем не вернулся, не пересеклись бы.

- Господи! – Наташка схватилась за голову. – Катька, а может, это судьба?

- Да иди ты...

Только судьбы мне не хватало! Раз Наташка все принимает так близко к сердцу, я ей решила про письмо не рассказывать. У меня у самой это как-то в голове не уложилось.

Следующие два дня я провела гораздо интереснее. Сходила к косметологу и парикмахеру, сделала маникюр и депиляцию. Истратила месячную зарплату, но решила, что деньги не главное.

Наташка наблюдала за моими превращениями с молчаливым одобрением, а потом не

выдержала:

- А когда у тебя свидание?

- Какое свидание? Наташка задумалась.

- Слушай, такой красоте грех пропадать. Идем со мной завтра на банкет. Книжный клуб «3,14». Десять лет. Будет грандиозная пьянка человек на двести. Пошли, тем более ты наверняка с ними работаешь.

- Кто же с ними не работает...

Я посмотрела в зеркало. Действительно, нельзя дать красоте пропасть.

- Но...

Договорить мне Наташка не дала.

- Я в курсе. Пошли в шкаф. Будем примерять.

На банкете была обычная тоска. Все болтались от стены к стене, натываясь на тех, кого хотели бы не видеть в упор (насколько гуманнее фуршета традиционное русское застолье!). Два-три издателя столь стремительно понижали градус, что к вечеру должны были достичь абсолютного нуля. И все лихорадочно пытались дорешать текущие рабочие проблемы.

Я, честно говоря, сразу пожалел о легкомысленном решении не приходить при параде. Вся тусовка вырядилась, словно на съемки массовой сцены в «Войне и мире». Я чертыхнулся про себя и обреченно повел носом в поисках приличного коньяка.

Видимо, суровый вид придал мне неотвратимой мужественности, потому что через три секунды рядом возникло воздушное создание со смутно знакомыми чертами. Пока мы двигались к кормушке, создание напомнило, что ее зовут Анечка, отпустило несколько романтических намеков про «тот вечер» (какой?) и намертво вцепилось в мою руку.

Я вздохнул. Ситуация располагала к меланхолии. Неужели у нас так плохо с приличными мужиками, что даже такой тип, как я в сегодняшнем наряде, может вызывать интерес? Я начал почти хамить, но Анечку это только приводило в восторг. Она заливисто хохотала над каждым моим скупым словом и смотрела преданными, как у дрессированной лани, глазами. По невыясненной причине это крайне раздражало. Наверное я предчувствовал, что наличие поклонницы на плече не даст мне нормально пообщаться. Так и вышло: все люди, с которыми я планировал кое-что утрясти, при виде Анечки понимающе улыбались, подмигивали, но о делах говорить отказывались. Хуже всего, что от меня сбежал Леонтьев – автор серии бестселлеров, которого я давно и безуспешно пытался переманить у «Алгоритм-пресс».

Но все это еще можно было бы пережить – выпивки, слава богу, и книжному клубу «3,14» хватало. Самое неприятное случилось во второй половине банкета, ближе к стриптизу. Недалеко от группы акул деловой литературы я обнаружил мою старую знакомую Катю. Я, пожалуй, даже обрадовался бы этому, если бы Катя была одна. Однако ее конвоировал слащавый широкоплечий субъект из одной конторы, которая делала бизнес не то на гороскопах, не то на книжках-раскрасках. Терпеть не могу пошляков, которые накачивают бицепсы стероидами (я втянул живот) и проводят полдня в парикмахерских (я причесался

ладонью), чтобы произвести впечатление на хорошеньких девушек.

А Катя была диво как хороша! Не знаю, кто ее водил по салонам красоты, но чувствовалось, что блондину завидую не только я: моя провинциалка была тщательно, но без фанатизма покрашена, одета во что-то вечернее, но не вульгарное и держалась за бокал так, как будто проводила тысяча первый светский раут. Я возгордился. Потом бросил оценивающий взгляд на Анечку. Пригорюнился. Дева прижалась ко мне так, что это становилось неприличным.

Катя заметила меня и небрежно кивнула. Я чуть не подавился. Небось, из лап милиционера ее не этот супермен мелированный спасал! И приют ей не он давал! Так она ему смеется, а мне кивает! Да он вообще, наверное, голубой! Тут я себя остановил. На голубого блондин не был похож. Совсем даже не был. И Катя рядом с ним смотрелась... короче, как женщина смотрелась. Но все равно – какое ей кто давал право мне вот так вот снисходительно кивать!

Когда мы столкнулись в зале, я только и смог, что прошептать: «Привет!» А Катя, блестя глазами и зубами, обвинила своего героя-любownika и скрылась в неизвестном направлении. Банкет оказался окончательно испорчен. Заявив Анечке, что мне нужно в туалет (объявлено громовым голосом, чтобы не вздумала увязаться), я позорно бежал, даже и не поев толком.

Дома извлек из холодильника крабовые палочки с запахом краба, подивился причудам природы и зажарил их под пиво.

С банкой пива сел перед компом (когда включил?! – на автомате, наверное) и загрузил файл с «Хуторами». Тему придумывать не пришлось:

Началось все со стычки Петьки с его вечным недругом – Василем Патлатым. К тому времени байстрюк уже во всем обставил Ваську, кроме, разве что, одного – общения с девчонками. Те уже и увиваться за ним потихоньку стали, несмотря на молодость Петькиных лет. Да как же за таким неуклюжим увьешься? Как только останется один на один с подружкой, тут же краснеет, бледнеет и норовит сбежать туда, где народу побольше. Что ж, гнаться за ним да кричать: «Погоди, давай поцелуемся?!»

Банкет действительно оказался грандиозным. Эдакий фильм «не из нашей» жизни. Шампанское в хрустале, севрюга на серебряном подносе (или не севрюга, и не на серебряном). Короче, роскошь! По залу тусуются дамы в бальных платьях (глупость какая! Разве в бальных платьях тусуются, в них плавно переходят с места на место) и кавалеры в смокингах. Честно говоря, я с самого начала действия чувствовала себя на съемках дорогого фильма. Все вокруг, казалось, срежиссировано опытной рукой: все жесты, все перемещения по залу. Только с репликами беда. Вместо ожидаемого:

- Будемте говорить о Баратынском... или:

- А тут князь мне и сказал... со всех сторон раздавалось:

- Когда ваш доптираж выйдет, вы нам еще в прошлом месяце обещали?

- Давайте я вам прямо здесь печать на накладные поставлю, если вы мне не верите!

И когда к нам подошел шикарный блондин во фраке (или смокинге, все время их путаю), меня это ничуть не удивило. Все вписывалось в сценарий.

- Наташа, познакомь меня со своей подругой.

- О! Слава, привет! Это Катя, моя одноклассница. Это – Славка... Слава, наш менеджер. Ой, мне вон с той теткой срочно нужно по делу поговорить, черт, забыла, как ее зовут! Пойду спрошу у кого-нибудь...

Наташка слиняла. То есть уплыла. В том, что на ней было надето, слинять было бы очень трудно.

Блондин Слава оказался просто мечтой: не отходил от меня ни на шаг, развлекал светскими беседами, за столом сел рядом, шутил. Я пыталась найти в нем хотя бы пару недостатков – не смогла!

Красавец, спортсмен, наверняка в школе был отличником, ни одна женщина ему ничего, кроме «пятерки», не поставит. Все знает, просто энциклопедия ходячая, и смотрит такими влюбленными глазами, как будто я для него свет в окошке. Приятно. А если учесть, что десяток женщин в зале взглядами прожигали во мне завистливые дырки, было еще приятнее. Вскоре я начала откровенно томиться. Есть больше не могла, бродить надоело, о работе разговаривать не хотелось, слушать официальные тосты с перечислением мыслимых и немыслимых достижений фирмы-юбиляра не моглось.

- Может, рванем в клуб? – предложил Слава.

- А когда будет можно уйти?

- Придется дожидаться, когда официальная часть кончится. Надеюсь, полчаса, не больше. Слушай, что это за мужик на меня уставился? Твой знакомый? Он меня не зарежет? Только сразу не оглядывайся, во-о-он он стоит.

- Да нет у меня здесь знакомых...

Я оглянулась. Да что же это такое! Хотя могла бы и сообразить, что его здесь встречу: все столичные книжники здесь... Я помахала рукой. Сергей мрачно кивнул. Рядом с ним, так близко, как будто собиралась есть из его тарелки, стояла очередная тетка.

Что же он злобный такой? Наверное, решил, что я его преследую. Хожу по пятам, прослушиваю телефонные звонки...

Слава обнял меня за плечи.

- Я Наташе «меску» послал. Договорились уходить тихо, по одному, встретимся у моей машины.

- А какая у тебя машина?

- Ну, тебя-то я не отпущу. Доставлю собственноручно. А то выкрадут. Этот твой знакомый – чистый абрек!

Когда речи утихли и все начали расходиться, я честно попыталась найти Сергея и хотя бы поздороваться. В такой толпе это было сложно. В итоге мы случайно – как обычно – столкнулись прямо в центре зала. Он был в белой рубашке, не в смокинге, я сразу вспомнила, как он одевался, когда собирался на свидание. Волосы слегка растрепаны, рубашка слегка помята: нет, нет, все очень аккуратно и прилично, но он не вписывался в окружающий

«киношный» пейзаж.

Не успели мы сказать друг другу «привет», появился Слава.

- Вот ты где, красавица. Карета у подъезда. Разрешите, я у вас ее похищу?

И тут я все поняла. Рядом с Сергеем Слава смотрелся, как Барби рядом с настоящей девушкой. Безусловно шикарнее, безусловно совершеннее, просто супер-пупер-распупер, но Сергей был живой.

Слава нежно обнял меня за плечи. Честное слово, я уже собиралась сказать, что никуда с ним не пойду, но тут к Сергею подошла его девушка и повисла на нем, как на пальме. Интересно, если он сейчас отойдет, она рухнет? По всем законам статики должна.

- Ты встретил знакомую? - пропела девушка.

- Я уже ухожу, - тут же ответила я.

Аккуратный поворот вокруг своей оси, так чтобы показать ноги, интимно положить руку на Славину широкую мужественную грудь, слегка повернуть голову:

- Было очень приятно встретиться!

И взгляд, только не прямо, а чуть искоса, но в глаза. И, улыбаясь, чуть облизнуть якобы пересохшие губы. А теперь уйти не оглядываясь, но медленно, ме-е-едленно... А вот теперь можно и побыстрее, даже побежать, как будто мне просто не терпится уединиться с этим эталоном мужской красоты.

Все! Номер отработан. Не знаю, зачем мне это нужно, но если его не зацепило, то я прямоугольный параллелепипед.

Сказка продолжалась до утра. Вчетвером (с Наташкой и ее другом) мы сбежали с банкета и протанцевали до четырех в каком-то клубе, потом уже вдвоем со Славой поехали встречать рассвет на Ленинские горы. Но все это было продолжение того самого кино, я все время как будто видела себя со стороны. Вряд ли я еще когда-нибудь буду бегать босиком (каблуки десять часов подряд, это невыносимо) по Ленинским горам в практически бальном платье. Возле университета мы наткнулись на догуливающую свадьбу, тут же были присоединены к общему веселью, выиграли бутылку шампанского за самый зажигательный рок-н-ролл. Эта сволочь еще и танцует прекрасно!

Неужели у меня всего четыре дня назад была жесточайшая депрессия? Жизнь прекрасна и удивительна! Мы уже час сосредоточенно целовались в машине, но тут я, видимо, начала трезветь, потому что перед глазами появилась картинка: Сергей и висящая на нем девица. Настроение продолжать мгновенно пропало, но, как ни странно, Слава ничуть не расстроился, он как будто этого и ждал.

- Отвезти тебя к Наташке или еще погуляем?

- Еще погуляем.

Мы нагулялись до полного протрезвления и уехали, только когда стали появляться первые спортсмены. На их фоне мы смотрелись совсем дико.

У Наташки Слава сдал меня в руки хозяйке квартиры, мы с ней выпили выигранную бутылку шампанского и наконец в десять часов утра рухнули спать.

Всю ночь я глушил грусть-тоску пивом попеременно с сочинением литературы. Периодически останавливался, задумывался, зачем я это все делаю, – и не понимал. Во-первых, Катя мне никто. То есть вообще. Меньше чем незнакомка. Потому что женщина, которая провела у меня ночь и ничего от меня не дождалась, имела полное право послать меня куда глаза глядят и ноги ходят. Во-вторых, коммерческой ценности «Хутора» не имели никакой. Выходил не детектив, не фэнтези, не матерщинная проза. Если уж бороться за читателя (и за Катю) силой пера, то нужно подналечь на «Лабиринты огня». Вот где мощь, динамика, полет фантазии!

А то что это – история какого-то незаконнорожденного пацана в непонятной стране с непонятными людьми, которые и говорить-то не умеют толком. Интересно, а песни они поют? Разве что частушки. И в частушках этих осколки прежнего, довоенного... Я тут же сочинил частушку:

Налетайте на частушки,
Разбирайте поскорей.
Выпьем с горя, где же кружка,
Сердцу будет веселей!

и вложил ее в уста Васьки Патлатого, неудачливого врага Петьки, Чтобы по справедливости.

Не успел я сохраниться, как компьютер завис. На будильнике было полчетвертого. Я допил пиво и бухнулся на кровать прямо в одежде. А пусть знают! Блондины хреновы!

Разбудила меня SMSKa. Может, от Димы? Я попыталась прочитать ее, не открывая глаз, но получалось плохо. Ну, ладно, один глаз открою. Прочитав сообщение, я практически проснулась. На мой счет поступила оплата в 100 у. е. Офигеть! И кто, интересно, этот добрый самаритянин? Может, кто-нибудь номером ошибся?

Пока я раздумывала, чего я больше хочу, пить или наоборот, телефон зазвонил, и я услышала:

- Mamochka!
- Ой, котенок, привет! Как ты?
- Мама, я соскучилась, я к тебе хочу.
- Зайка, совсем чуть-чуть осталось. Ты там купайся. И за меня тоже. И ешь за двоих.
- Ага. За себя и тетю Лизу. Она не ест, папа ей сказал, что она толстая. А ты нет, правда?

Солнышко мое. Надо же, как замечательно день начинается!

Когда я допивала чай, телефон снова зазвонил. Директор.

- Катя, ты там как?
- Хорошо. Уже все хорошо.

- Слушай, я тебе денег на телефон закинул, а то роуминг, вдруг тебе не хватит.
- И что мне за это нужно будет сделать?
- Катя, ты не можешь вернуться пораньше? Тут такой бардак, нужно месяц закрывать, бухгалтер в отпуске, у меня с издательством полный аврал, а?
- А что, Лена не справляется? - не удержалась я. Неожиданно на меня обрушилась целая буря. Послышался отчетливый «хлобысь» по столу.
- А вы не можете без этих вот ваших женских штучек?
- Нет. Не можем. - Неожиданно я поняла, что соскучилась по работе. - Значит, так. Высылай мне все что можно электронкой, посмотрю прямо сейчас. А с остальным разберемся послезавтра. Я на завтра возьму билет.
- Катя, ты настоящий друг.
- Я меркантильный друг.
- Я разве не сказал, что давно собираюсь поднять тебе зарплату?
- Значит, заплатишь за весь этот срок, с процентами. А то я тут в салон красоты зашла...
- Ого! Но ты приезжай.

День прошел между диваном и компьютером. Очень трудно сконцентрироваться, если общее состояние организма, как утром первого января. Единственное, на что мы с Наташкой были способны, это выползти вечером в магазин - и то только потому, что в квартире кончилась жидкость.

Перед тем как выйти из дома, Наташка выудила откуда-то из недр сумочки ярко размалеванную SIM-ку.

- О! Держи. Второй день таскаю, забываю тебе отдать. Это карточка с московским номером, чего ты деньги тратишь, роуминг дорогущий.
- Да ну. Мне уже все оплатили.
- Тебе что, лень карточку переставить?
- Да, - ответила я мгновенно.
- Давай я. А то по межгороду каждый раз звонить, когда ты где-нибудь в Москве потеряешься?

Короче, карточку мы переставили, я отправила Диме и еще парочке друзей и знакомых новый номер SMS, и мы благополучно вышли на свежий воздух.

- Как тебе Слава? - ненавязчиво поинтересовалась Наташка.
- Супер.
- Ну и как?

- Что?

- Как у вас с ним?

- А надо?

- А хочется?

- Не-а.

- Тогда не надо. Слушай, я на банкете твоего Сергея видела.

- Я тоже.

- А что ты ему сказала? Ты когда уходила, он тебе вслед смотрел, как на привидение.

Думаю, всем понятно, что это известие подняло мне настроение.

Пиво после коньяка - вообще плохая идея. Ведь что плохо в пивном похмелье? Неясно, чем опохмеляться. Потому что опохмеляться нужно пивом, оно так и называется - «пиво», от слова «похмелиться».

Примерно так я рассуждал, перемещаясь поздним утром в направлении работы. Хорошо еще, что на банкете мы были вместе с шефом. Это означало, что в издательстве тот появится в лучшем случае часов в... Скажем так: на работе он в лучшем случае появится. А зам по маркетингу вообще не появится, ни в каком случае. И мне не стоило бы появляться, но есть такое слово - «рабочий день».

«Мог сказать, что заболел!» - сообразил я, и это было почти правдой, но правдой запоздавшей. Я уже дошел до офиса. Пришлось войти, получить от Людочки список каких-то важных дел, сесть за стол и начать работать.

К счастью, на столе валялся прошлогодний номер «Книжного бизнеса», и я погрузился в его изучение, негодуя по поводу чудовищно низких гонораров российских писателей по сравнению с европейскими (там была такая аналитическая статья).

Поработать мне не дали. Через два абзаца статьи (полчаса во временном эквиваленте) позвонила секретарша и потребовала, чтобы я немедленно связался с автором, телефон которого обведен на бумажке красным маркером.

По-моему, после того как я воспользовался Людочкиным билетом, эта девица обнаглела. Она еще трижды напоминала о звонке и в конце концов дошла до того, что стала диктовать номер, чтобы я позвонил немедленно, прямо сейчас, сию минуту. Номер оказался федеральным, и я даже вспотел, набирая его на своем мобильнике (офисный телефон стоял на непреодолимом расстоянии, в дальнем углу стола). Гудело долго и чрезвычайно противно.

Я уже посчитал долг перед природой и неизвестным автором выполненным, когда трубку взяли.

- Слушаю, - произнес заспанный женский голос.

«Только бабьей трескотни сейчас не хватало!» - простонал я про себя, а вслух сказал:

- Здравствуйте, я по поводу вашей книги.

На следующий день меня опять разбудил телефон. Я его не отключала, потому что все время ждала Машинного звонка.

- Здравствуйте, я насчет ваших книг. Поскольку я вчера целый день просидела за компьютером, то, не просыпаясь, отрапортована:

- Мы уже все отправили. То есть отгрузили.

- В смысле, отправили по e-мейлу?

- Что отправили? Счет?

- Почему сразу счет? Обычно мы заключаем договор.

Бред какой-то. Какой договор? Договор о поставке?

- А мы, что, не заключили?

- Нет, мне нужно сначала посмотреть рукопись. На этом месте разговора я проснулась окончательно.

- Какую рукопись? Вы куда звоните?

- Вам.

- А зачем? - Голос был смутно знакомый, поэтому я добавила: - Извините, а вы кто?

- Я Сергей Емельянов. Из издательства «Полином-пресс».

- Сергей? А я-то думаю, почему мне голос кажется знакомым! А я Катя. А какую рукопись? Жалко, что пришлось с банкета сбежать, просто сил не было больше там сидеть. Не люблю я официоз. Я бы удовольствием с тобой побольше поболтала, но меня внизу Наташка ждала.

- Ладно, извини, у меня тут работы полно, нужно еще с телефоном разобраться. Я вообще хотел одному автору позвонить, а попал почему-то к тебе. Счастливо! Спи дальше.

Но сон пропал. Что-то я ничего не поняла. Просто ни-че-го. Зачем он мне позвонил? Что за идиотский предлог выбрал? Просто детский сад какой-то. Может, меня кто-то разыгрывает? Я полезла в блокнот и сверила номер. Совпадает... Если он хотел меня куда-нибудь пригласить, что же его остановило? Он мне раньше не звонил... Стоп! Не звонил, потому что не знает моего номера. Он мне свои телефоны еще при первой встрече продиктовал, а я-то ему нет. Мы только по почте общались... Бред какой-то. Я рванулась было перезвонить, но вовремя одумалась. А что я ему скажу? Ну, узнал он как-то мой телефон (хотя как?), в конце концов, это не запрещено законом, оставлю лучше этот звонок на его совести.

Я перестала мучиться, собралась и поехала на вокзал покупать билет домой. Уже на обратном пути, в метро, у меня опять зазвонил телефон. На экранчике высветился номер Сергея.

- Привет! ...ка жду ...ми.

- Что?

- Я ...бя ...сить.

- Я ничего не слышу!

- Ты где? - заорала трубка.

- В метро. На «Тверской».

- Выходи наверх, давай по городу погуляем.

Встретились мы буквально через двадцать минут, как положено, у памятника Пушкину.

Я положил мобильник перед собой и некоторое время рассматривал потертый чехол. Похмелье куда-то исчезло. Мир был ясен и контрастировал с тем, что я только что услышал. А услышал я голос Кати, которую когда-то спас в метро, потом провел с ней две ночи (в худшем смысле слова), потом встретил в театре, потом...

Я решительно поднялся и отправился инспектировать своих младших редакторов. Увидев меня, Катка-младшая (так я ее теперь называл, чтобы не путать с Катериной Ивановной, Незнакомкой из провинции) бодро подскочила и спросила:

- У меня есть вопросы по книге Шавлевича, может, снимем?

- Ага,- отозвался я,- прямо сейчас.- После чего развернулся и пошел разбираться с Людочкой.

- Не может быть! - заявила она. - Может, вы цифру перепутали? Вот, смотрите, я вам диктовала: восемь, гудок...

Я сверил: оказалось, две цифры в номере не те. В другое время я с удовольствием бы выговорил за это секретарше, но не сегодня. Сегодня я опустил до того, что был готов признать, что способен ошибиться.

На всякий случай я позвонил по правильному номеру и наслаждался приятным контральто, который сообщил, что абонент временно недоступен. Номер Кати я на всякий случай сохранил. В конце концов, у нее ведь есть мой номер.

Нервная встряска пошла мне на пользу, я не только снял вопросы младших редакторов, но и озадачил кое-кого из верстальщиков, позвонил по остальным предложенным Людочкой телефонам и разобрал двухдневные почтовые заносы. Выпив зеленого чаю и прогнав остатки похмелья «Алказельцером», я взбодрился окончательно.

По пути домой я, повинувшись неясному порыву, извлек из кармана телефон и позвонил Кате Ивановне. Меня даже не удивило, что мы оказались в пределах одной пересадочной станции. Человек ко всему привыкает. Даже к полной чертовщине.

О чем можно разговаривать с практически незнакомым человеком? Правильно, ни о чем. Поэтому я предпочитаю не разговаривать, а слушать. Тем более что на мужчин это производит неизгладимое впечатление.

По тому, как мужчина рассказывает, о нем можно понять практически все: веселый он человек или зануда, умен или глуп.

Все мужчины рассказывают очень охотно. Кого-то нужно подтолкнуть, самой найти тему, а кто-то заводится с полоборота, и его не остановить.

Всегда вопрос, что он рассказывает и как. Один часами перечисляет свои болезни и способы их лечения. Скукота. Во время такого «разговора» мысли улетают очень далеко. Главное вовремя вставлять «Ужас!», и собеседник будет счастлив. Но я лично с таким встречаться больше не буду.

Другой умеет даже про работу двигателя внутреннего сгорания рассказать так, что завораживает покруче детектива.

Так вот. Нужно отдать должное Сергею, рассказывал он интересно. По большому счету, ему, конечно, очень повезло. Тему для разговора выбрал идеально. Я и в обыкновенной истории ни бум-бум, а уж в альтернативной... Тут мне можно такой развесистой лапши на уши навесить! Проглочу, не поморщусь. История, на мой вкус, вообще сомнительная наука. Все факты под вопросом, доказательства размыты. Подлинность документов доказать невозможно.

Теория Сергея лишний раз доказывала, что это правда.

- Все было по-другому...

Сергей говорил с увлечением, с удовольствием отвечал на мои вопросы (если, конечно, знал ответы), шутил, размахивал руками... Так мы отмахали пешком пол-Москвы, даже не заметили, как стало совсем темно, и только тогда спустились в ближайшее метро.

- Интересно с тобой. Тебе бы книжки писать. - Я просто сделала дежурный комплимент.

- А я пишу.

- О... Точно! Ты мне об этом уже говорил, даже прислать обещал.

- Пришлю. Теперь точно пришлю.

Честно говоря, энтузиазма у меня эта мысль не вызвала. Слишком я была наслышана о рукописях начинающих авторов. Хотя... Он же редактор, к тому же если пишет так, как рассказывает, то это может быть интересно.

- А о чем ты пишешь?

- Пришлю. Сама считаешь.

В Москве иногда бывает очень даже ничего. Особенно летним вечером в центре. Весенним утром в новостройке как-то не так шикарно. А вот летним вечером в центре можно не смотреть себе под ноги и гулять, любуясь фейерверком витрин попеременно с историческими реликвиями.

Наверное, эти реликвии и натолкнули меня на идею поговорить о минувших днях. Я как раз увлекся теориями альтернативной истории Носовского и Фоменко, что позволило мне пару раз поразить свою спутницу свежими и оригинальными воззрениями. Наблюдая храм Василия

Блаженного, я припомнил монголо-татарское иго, назвал его «так называемым» и сообщил, что никакого ига не было, а был союз князей – как русских, так и татарских. А битва на Куликовом поле явилась результатом мятежа части союзников против другой их части.

Когда Катя упомянула о своем родном городе, я тут же обрадовал ее заявлением, что она-то как раз живет в исконно русском населенном пункте (в отличие от Москвы). Затем последовала краткая, но увлекательная лекция о том, что Великое княжество Литовское имеет к литовцам такое же отношение, как Тутанхамон – к тем арабам, что населяют сегодня Египет.

- Слово «литва», – вещал я, – того же угро-финского корня, что и «москва». Чувствуешь: «литва» – «москва»?

- Ага, – отвечала Катя, – и что они означают?

К этому вопросу я был готов:

- «Москва» – «черная речка», «литва» – «три реки». Первая столица Литовского княжества была основана в пойме трех рек.

- Каких?

А вот к этому вопросу я готов не был, поэтому счел его несущественным, ткнул в направлении одного из гостей столицы и спросил сам:

- А ты знаешь, что Великой Китайской стене на самом деле меньше ста лет?

Китай давал богатую почву для исторических разоблачений. Я чувствовал себя все умнее и умнее. Что самое приятное – Катя, похоже, разделяла мои чувства. Пару раз она поглядывала на меня с искренним восхищением.

Я давно заметил, что умные речи действуют на женщин так же, как умело сконструированное декольте – на мужчин. Например, отец покорила мою будущую мать тем, что подробно рассказал ей, как устроены большие часы на здании почтамта. Правда, для умной речи важно, чтобы она не только привлекала внимание, но и являлась умной. Нужно, чтобы в ней «что-то было». Это, кстати, и к декольте относится.

Мое декольте... то есть блестящая интеллектуальная беседа в тот вечер могла считаться эталонной.

«А может, об этом книжку написать?» – мелькнула шальная мысль, и тут же Катя заявила:

- А может, тебе об этом книжку написать?

Ей-богу (в которого я не очень-то верю), я испугался.

Нечистой силы, дурного глаза и психологического кодирования. От растерянности ляпнул:

- А я пишу, но о другом.

- О чем?

- А давай я тебе пришлю, сама и считаешь.

Я бросил на Катю настороженный взгляд. Она и в самом деле напоминала сейчас ведьму:

рыжие, слегка взлохмаченные волосы, характерный профиль на фоне ночного неба, глаза поблескивали, словно горели собственным неугасимым пламенем. Для такой мысли прочитывать – раз плюнуть, человека сглазить – второй раз плюнуть.

Но понемногу наваждение рассеялось, и я принялся растекаться мыслью по благодарным Катиным ушкам. И если мне не хватало фактов, я тут же создавал их силой разгоряченной фантазии.

Душа пела. Снова, как в день нашей встречи в метро, хотелось праздника для всех и бесплатно. Жалко, что место знакомства мы проскочили, поглощенные беседой о тайнах Великого шелкового пути, – стоило бы задержаться и поискать того милиционера. Спасибо сказать. Рублем подарить.

В какой-то момент у меня случилось временное затмение памяти, и я, вместо того чтобы начать новую альтернативно-историческую лекцию, огляделся вокруг и обнаружил прямо за своей спиной дверь подъезда. Как честный человек, я был просто обязан пригласить девушку на чашку чая. Ей-богу, и в мыслях ничего такого не было.

Ну разве что самая малость.

Мы так разговорились, что не заметили, как доехали до «Южной». Когда это мне казалось, что серая ветка длинная? Дошли до дома, и только после почти часового разговора у подъезда Сергей спохватился.

– Пошли зайдем, чего мы тут стоим? Я тебя чаем напою, заодно и мою писанину тебе отправим.

Зашли. Сергей метнулся на кухню, я от нечего делать уселась за компьютер и стала дозваниваться до сети.

Когда в комнату вошел Сергей с чаем, модем уже вовсю звенел и трещал.

– Ой, я что, коми утром не выключил?

– Выключил.

– Не понял... А как ты его включила?

– Ну, знаешь, я, конечно, не Эйнштейн, но компьютер включить могу!

– Нет, я не об этом. У меня же пароль на входе... Стой!

Я отдернула руки от клавиатуры. Сергей пробежался по клавишам, и компьютер начал перезагружаться.

– А ну-ка, войди еще раз.

Я тупо смотрела на выскочившее окошко с просьбой ввести пароль. Как же я его проскочила? Не заметила? Что я могла ввести? Автопилот сработал? И, замирая от любопытства, я ввела свой пароль, тот, который стоит у меня на работе. Окошко пропало, Windows начала грузиться.

Опять мистика?

- Слушай, у тебя вот тут на столе лежали фотографии. Где они? - Я начала лихорадочно рыться в бумагах, ничуть не сомневаясь, что через год найду те же фото на том же месте. - А, вот они, бумагами завалены. Посмотри, где-то тут был снимок... Вот! Что это? Где это? Ты помнишь, когда это было?

Похоже, мой напор Сергея испугал. Он молча хлопал глазами.

- Вот и я не помню, - продолжала я. - Это же Гурзуф? Год девяносто пятый - девяносто шестой... Еще до Машки. Я там три года подряд была, все в голове перепуталось.

Сергей вышел из ступора.

- Знаешь, мне эти фотки оставила жена, остальные себе забрала. Может, ей позвоним?

Он начал судорожно рыться в записных книжках, вернее, в каких-то бумажках, которые валялись в записных книжках.

- О, нашел! Так, это домашний, это новый домашний, а, есть мобильник... Не отвечает...

Усевшись рядом на кровати, мы тупо смотрели на фотографию. И тут до меня начал медленно доходить идиотизм ситуации, я просто захлебнулась от смеха. Сергей аж вздрогнул.

- Ты чего?

А ничего. Просто представила себя на месте жены Сергея. Вот сижу я где-нибудь в парикмахерской, и тут у меня звонит телефон. Бывший муж. Мне так мог Дима позвонить. И начинает спрашивать, не помню ли я, когда мы с ним на юге отдыхали? Я, естественно, дурею, но честно начинаю вспоминать. Мы тратим на воспоминания какое-то время, а потом я спрашиваю: «А зачем тебе это, дорогой?» А он мне и отвечает: познакомился с девушкой, с которой я же сама его и сфотографировала, а теперь вот они сидят и пытаются вспомнить, когда это было...

Я тут же отчетливо представила себе смех, смешанный с раздражением: какого черта ты меня этим грузишь и тебе, что, с девушкой больше заняться нечем?!

- Жалко, твоей жены нет, она такое развлечение пропустила. - Я не стала все это рассказывать Сергею, ему, похоже, смешно не было.

- Бывшей жены, - автоматически поправил Сергей.

- Кстати, а что мне там охранник грузил про жену Катю, это тоже мистика?

- Нет, похоже, Петрович так шутит. Слушай, а давай к нему ходим. Прямо сейчас, вдвоем. Мне тоже интересно, какая вожжа ему тогда под хвост попала.

Мы вылетели из квартиры, хохотали всю дорогу в лифте, а когда приехали на первый этаж, выяснили, что охранники успели смениться. На месте жизнерадостного Петровича сидел угрюмый Олег.

- Ну вот, и этому повезло... Где они все шляются!

В лифте я пыталась пересказать подробности того разговора.

- Говорил, ты исхудал весь, всем подъездом кормили. Ну, признайся, исхудал? Нет, ты живот

втягиваешь...

Уже в квартире Сергей сказал:

- Все, расследование зашло в тупик. Идем чай пить. Он начал разливать чай, а на меня накатила очередной приступ веселья.

- Только ты, пожалуйста, желтую кружку сразу себе возьми, а то я еще жить хочу.

- А чего ты тогда осталась?

- Да нечаянно! Заснула, у меня телефон отрубился, просыпаюсь, а ты здесь... Хорошо, что я быстро бегаю, а то убил бы... Убил бы?

- Слушай, - завопил Сергей, - меня это уже черт-те сколько мучает. Как ты дверь открыла?!

- Что?

- Иди сюда, - он приволок меня к двери, - открывай.

Дверь, естественно, не поддавалась.

- Нет, я так не могу! Нужно создать непринужденную обстановку. Если ты будешь у меня над душой висеть, я и свою не открою. А в чем проблема?

- Да эту чертову дверь никто, кроме меня, не может открыть. Ни у кого еще ни разу не получилось, только у тебя.

- А может, ты ни на кого так не рявкал?

- А второй раз? При Маше?

- Ну, тогда, если бы она не открылась, я бы взорвала ее силой взгляда. О! Поняла, - просто нужно очень хотеть уйти, тогда она открывается.

- То есть сейчас ты уходить не хочешь? Интересно, мне кажется или он правда стоит слишком близко?

- Пошли чай пить, - нашлась я.

Естественно, попытка грациозно проскользнуть по коридору на кухню увенчалась полным провалом. Я споткнулась и практически упала Сергею на руки.

- Ну почему у тебя такой бардак в квартире? Что это? Вижу, что аккумулятор! Зачем он здесь, на дороге, стоит?

Я выпалила все на одном дыхании. Говорят же, что лучший способ защиты - это нападение. Я опять оказалась совершенно не готова оказаться настолько рядом... Сергей помирал со смеху.

- Не хочу чаю. Пойду сама себе почту отправлять. Нет, хочу. Только ты чашки в комнату принеси.

Я просто отпрыгнула от него, мне нужен был тайм-аут. Хотя бы пара минут, чтобы разобраться в том, что я чувствую, и попытаться успокоиться. Главное - не забыть, что у меня сегодня

поезд... А может, я зря психую? Может, все это игра воображения? Ничего же не произошло... Сейчас отправлю почту и пойду себе.

Я уже почти успокоилась, когда Сергей вернулся с чаем и встал у меня за спиной.

- Папка «Разное». Нашла?

- Ого! Файл здоровый какой! Я думала, пара страничек.

- Я его уже архивировал, дай-ка посмотрю.

Сергей наклонился надо мной, положил руку на «мышку» прямо поверх моей. Мы даже отправили письмо. Кому? Куда? Честно говоря, я абсолютно ничего не соображала.

«Мы ничего такого не будем делать, - уговаривала меня женщина внутри меня, - ну, поцелуемся разок...»

«Ага, - отвечал ей здравый смысл, - конечно...»

Я так и не поняла, что случилось. То ли Сергей развернул кресло, то ли я вскочила. Но в итоге, когда я очнулась, его губы стремительно приближались к моим.

«Стой!» - заверещал здравый смысл так громко, что я отпрянула.

- Стой, - сказала уже я, - я не хочу ничего комкать. Я сегодня уезжаю, у меня через три часа поезд, а еще нужно собрать сумку. Я приеду через полтора месяца и тебе позвоню... Если захочешь... Не обижайся, пожалуйста. Я очень не хочу, чтобы ты обиделся.

Мне смертельно не хотелось уходить, хотелось стоять, уткнувшись в него носом, и не двигаться. А еще страшно не хотелось, чтобы он прекратил меня обнимать.

Не знаю, сколько мы так простояли, но наконец Сергей сказал:

- Я отвезу тебя на вокзал. Иди, собирай сумку, я зайду через час. Иди...

Итак, у меня было целых два приличных повода пригласить даму на чашку чая. Во-первых, собственно чашка чая, во-вторых, необходимость отправить даме письмо с моим творчеством. Не знаю почему, но я начал дергаться. И вообще чувствовал себя как тинейджер на первом свидании. К счастью, Катя, похоже, ничего не заметила: в лифте она начала жмуриться и потягиваться, словно кошка в предвкушении сметаны. От этого моя бедная крыша сместилась еще на полметра в сторону. Может, она соблазнить меня собралась? Нет, с такими честными глазами не соблазняют! Или да? Или нет?

Словом, как только мы оказались в квартире, я позорно бежал на кухню, где и стал разбираться со своими чувствами, а заодно - с раритетной заваркой, с которой следовало бы хотя бы удалить пенициллин. Чтобы сосредоточиться, я дошел до того, что начисто вымыл чайник и заварил свежайший «Earl Gray». Трудовой подвиг помог: отпустило. Я даже сообразил, что бросил гостью в прихожей, вместо того чтобы обеспечить ей минимальные возможности для досуга. «Ничего,- утешал я себя,- включит компьютер, чего-нибудь поделает... Оп-па! А как же она его включит, если у меня там пароль!»

Быстренько залив чай кипятком, я примчался в комнату... и обнаружил Катерину, которая

преспокойно устанавливала удаленное соединение.

- Совсем плох,- огорчился я,- компьютер забываю выключать.

- Не совсем, - ответила Катя, сосредоточенно набирая что-то в строке браузера, - это я его включила.

- Ты? - поразился я.- Не понял.

Катя негодуяще повернулась ко мне:

- Я, конечно, не Эйнштейн, но компьютер включить могу!

- А пароль? У меня ведь пароль на входе в систему... Обожди-ка!

Я заставил комп перезагрузиться под новым именем.

- Попробуй еще раз! - приказал я.

Прекрасная провинциалка пожала плечами и ткнула пальчиками в клавиатуру. Система радостно заверещала, впуская Катю в святая святых. Моя крыша, с таким трудом водруженная на место, тихо поползла в другую сторону. «Шпионка, - подумал я, - или мысли читает. Или крутой хакер в юбке». Я покосился на Катю. Она действительно была сегодня в юбке. В не очень длинной юбке. В очень недлинной юбке. Крыша затрещала, раздираемая желанием съехать во все стороны одновременно. К счастью, в этот момент я почувствовал, что меня пытаются отвлечь.

- ...Фотография, - дергал меня за рукав мыслечитающий шпион-хакер, - она откуда?

Видимо, я смотрел на Катю мужественно, то есть бессмысленно тарасился, потому что она принялась рыться в моих бумагах (завтра же разберу здесь все к чертовой матери!) и действительно извлекла на свет божий старую фотку.

Там были какие-то люди. Я был. Катя была. Катя?! Я почувствовал, что смотрю все более и более мужественно. Между тем моя гостя выдвигала одну гипотезу за другой. Говорила про Сочи, Машку, друзей. В голове у меня все перепуталось.

- ...В голове у меня все перепуталась, - сказала Катя, и этот резонанс с моими собственными мыслями заставил меня вздрогнуть.

- Так, - сказал я, - это фотки старые. Про них все должна знать моя бывшая жена. Странно, что она эту оставила, я думал, все себе забрала. Давай ей позвоним.

Теперь, когда я ощутил под ногами почву простой, конкретной проблемы, стало намного легче. Я обзвонил все известные мне телефоны моей экс-благоверной Ники-победительницы и уже начал вспоминать общих знакомых, которые помогли бы мне в этом сложном деле, как вдруг крыша поехала уже у Кати. Ни с того ни с сего она залилась хохотом - как раз в тот момент, когда я уже набирал служебный телефон подруги моей бывшей тещи.

- Ой, не могу! - чуть ли не стонала она. - Значит, ты... Ой, мамочки! Вот так ей сейчас позвонишь... ой... и спросишь: «Дорогая, а где это мы с тобой фотографировались? Я еще был в синих плавках, а ты - в зеленом купальнике. А то рядом со мной девушка, которая тоже на фото...» Если бы я такое устроила Диме...

- А кто у нас Дима? - спросил я, параллельно представляя себе реакцию Вероники и начиная улыбаться.

- Бывший муж,- простонала Катя.- А ты, значит, скажешь: «Дорогая, а не знакома ли ты с этой девушкой, что у меня на фотографии под бумагами...» Представляю ее лицо!

Я тоже представил ее лицо. И палец, которым моя бывшая супруга медленно, но доходчиво крутит возле виска. Внезапно накатила беспричинная веселость, которая напомнила одно забавное утро, постороннюю женщину, которая пытается выведать у меня какую-то чушь, я ей чего-то вру, а она заразительно хохочет...

- Кстати, - поинтересовалась Катерина, отсмеявшись, - твой охранник грузил что-то про твою жену Катю. Это совпадение или опять мистика?

- Ни то ни другое. Моя бывшая - Вероника, и на тебя совсем не похожа. Наверное, Петрович решил так пошутить. Слушай, давай к нему спустимся, надо наконец в этой фантазмагории разобраться.

Петровича не оказалось на месте. Олег что-то начал объяснять про их систему «через сутки на двое, а потом трое отдыхать», но я махнул рукой. Настроение было безалаберное, и если бы этот юморист в отставке начал рассказывать, как нес фату Кати на нашей свадьбе, это только добавило бы мне веселости.

Так мы и катались на лифте вверх-вниз, припоминая подробности нашего знакомства и находя их загадочными, но забавными. Что и стало очередным поводом для веселья.

Катя не смогла остановиться, даже когда мы наконец добрались до чаепития. Обнаружив, что я протягиваю ей свою любимую кружку, она в притворном ужасе завопила:

- Только не эту, я еще жить хочу!

Я внимательно рассмотрел посудину, но следов яда не обнаружил. На мой вопросительный взгляд гостя пояснила:

- Помнишь, когда я у тебя ночевала, ты меня за эту кружку чуть не убил?

Ничего такого я не помнил, но решил не спорить (вот какой я был в тот вечер покладистый!), а продолжил тему:

- Давно хотел спросить, а почему ты к подруге не пошла? Ночевать осталась?

- Да нечаянно! - абсолютно искренне ответила Катя. - Я уснула, а телефон вырубился. Нет, ты мне все-таки скажи, убил бы меня тогда? За кружку-то?

«Далась ей эта кружка!» - подумал я и попытался еще раз изменить направление разговора:

- Кстати, ты тогда так от меня удирала, что даже сама дверь открыла.

- В смысле?

«А ведь она и еще раз мою неподдающуюся дверь сама открывала, - вспомнил я, и крыша принялась ерзать, - когда от Машки улепетывала!»

- Ну-ка, пошли! - сказал я и увлек даму к двери.- Открывай!

Катя вела себя как положено постороннему человеку возле моей двери: пыхтела, дергала ручку туда-сюда и наваливалась всем телом. Дверь не поддавалась. Раскрасневшаяся (что ей очень шло!) Катя сердито рявкнула (это ей шло не меньше):

- А нечего мне в спину дышать! Я так не могу. Нужна непринужденная обстановка. И вообще, в чем дело?

- Да понимаешь, - осторожно сказал я, - эту чертову дверь никто, кроме меня, открыть не может. Там, кажется, завесу перекосило. А ты в то утро сразу справилась.

- А может, ты ни на кого так не рявкала?

- А второй раз? - покачал я головой. - При Маше?

Катя поежилась. Черт побери, и это ей тоже шло!

- В тот раз я бы твою дверь просто разнесла, если бы она не открылась. А! Я поняла: чтобы ее открыть, нужно очень захотеть уйти!

Это было очень рискованное замечание, и я не удержался:

- А сейчас, значит, ты уходить не хочешь?

Видимо, все то время, пока мы выясняли особенности проникновения сквозь мою дверь, я наклонялся к Кате, потому что ее глаза внезапно блеснули прямо перед моими.

- Пошли пить чай, - заявила она, когда пауза затянулась сверх всяких приличий.

Катя преувеличено беззаботно двинулась в сторону кухни - и тут же загремела, споткнувшись об аккумулятор. Вернее, загремела бы, если бы я не изловил ее у самого пола.

И духи ей тоже шли! Это становилось невыносимым.

На секунду я представил, что случилось бы, если бы реакция меня подвела. И прыснул. Катя, естественно, обиделась. Она у меня в объятиях, а я ржу, как конь в предвкушении конкурса. Меня тут же обвинили в неряшливости, захламленности квартиры, нежелании поить чаем, признались в нежелании пить чай, потребовали чай, компьютер и, наконец, чай с доставкой к компьютеру.

Только после этого Катя выскользнула из моих рук и шмыгнула в комнату. Поразительно бесшумная женщина.

Точно - кошка. Я вздохнул и в очередной раз пошел искать спасения на кухне.

«Обиделась, - укорял я себя, - и чего ржал? Ну чмокнул бы ее в щечку, прижал бы к себе невзначай, потом... Нет, зря девушку обидел!»

Катя сидела перед компьютером с очень-очень деловым видом. Она уже почти добралась до папки с рукописью, мне оставалось только помочь ей сделать последний шаг. Ей-богу, я ничего такого не собирался... Просто взял мышку и кликнул на нужную директорию. А там ее рука оставалась. Не в директории, конечно, а на мышке. И она ее почему-то не отняла. Так и держала, пока я файл архивировал и отправлял. А я что, стряхивать должен был ее руку с мышки, да? Или сказать: «Ну-ка встань, а то мне неудобно почту отправлять»? И вообще, это все духи. Они у нее, наверное, с феромонами.

Короче, когда Катя отшатнулась от меня с жалобным «Стой!», я даже не понял, о чем она. Я и так стоял. Ну, может, немного ближе, чем положено по правилам социалистического общежития. Просто наклонился немного...

Но, посмотрев в эти рыжие глазенки (как рыжие? Они же у нее... Блин, а какие они были раньше?), я понял все: и что «нет», и что на самом деле «да, но не так и не сейчас», и что это «нет» – совсем не обидно, потому что не только мне «нет», но и себе самой. Словом, когда Катя попросила не обижаться, я уже не обижался. У нее все в тот вечер получалось, даже необходимо отказывать. Мне даже жалко стало ее, бедолагу. Я по-отечески поцеловал ее в макушку, осторожно выпустил из объятий и сказал:

- Все будет хорошо. Я тебя отвезу на вокзал. Зайду через час. Я не обижаюсь, честно. Ты красивая. А где, кстати, твоя Наташка живет? Дом я знаю, в какой квартире? Давай-давай, на поезд опоздаешь.

К двери Катя шла, как советский народ к коммунизму: покорно, не оглядываясь, с остекленевшим взглядом. Я еще раз уточнил номер квартиры ее подруги (на удивление, он совпал с тем, который она назвала в первый раз), после чего с шутками и прибаутками довел гостью до лифта.

Вернувшись домой, отыскал заветную бутылочку коньяка, вспомнил, что мне сейчас за руль, поставил коньяк на место и пошел в ванную. Открыл холодную воду и сунул голову под струю.

Ощущение реальности постепенно возвращалось.

Наташка застала меня в полной прострации на полу в центре комнаты, посреди разбросанных вещей.

- Давно сидишь?

- А?

- Домой едешь?

- А? Домой? Ах да, еду.

За пять минут я покидала вещи в сумку и устала на часы. Когда он придет?

- У тебя во сколько поезд?

- Что?

- Поезд.

- Что поезд?

- Во сколько?

- Что - во сколько?

- Та-ак. Поезд – это такой паровозик с вагончиками. Чух-чух, чух-чух по рельсам, – Наташка очень похоже изобразила поезд, – он отправляется по часам. Мне тебя на вокзал везти когда?

- Меня Сергей отвезет.

- Кто?

- Сергей.

- А... куда?

- На вокзал.

У Наташки в глазах светилось полное непонимание. Я тут же отомстила.

- Вокзал - это такой домик, откуда поезд чух-чух.

- Зачем?

- Ну, расписание у него.

- У Сергея?

- У какого Сергея?

- Так, стоп. Я сейчас с ума сойду. Или уже сошла. Где ты Сергея нашла?

- Мы на «Пушке» встретились.

- Как обычно, случайно?!

- Нет. Он позвонил днем, а я случайно оказалась на Тверской. И он тоже.

- Случайно?

- Ну да.

- Нет, я с вами все-таки сойду с ума!

Но я так и не узнала почему, - именно в этот момент зазвонил домофон. Сергей ждал меня у подъезда, и я так спешила, что чуть не забыла попрощаться с Наташкой.

Пауза третья

Эпистолярное лето

Привет, Сергей!

Я получила твое письмо и очень долго терзалась сомнениями. Целых пять минут :-))) А потом природная честность победила, и я решила написать тебе честное письмо. В конце концов, мы почти ничего друг о друге не знаем, и ты имеешь полное право послать мое мнение к черту, обидеться и никогда со мной больше не встречаться. Даже случайно. ;-) Давай по порядку. Во-первых, я очень люблю Толкиена. Читала и перечитывала его не раз и считаю, что даже в кино его умудрились не испортить. В своем жанре он стоит на голову выше всех, кто пытается писать «по мотивам», а также всякие продолжения. Понимаешь, о чем я? Все, что написано об эльфах, Тьме и магах, никогда не будет произведением Сергея Емельянова. Это всегда будет

продолжением Толкиена. Даже если ты напишешь лучше его (но я тебе комплимент делаю, чтобы подсластить пилюлю, на самом деле я в это не верю), ты не создаешь свой мир. Ты пишешь о мире Толкиена, твои герои героически машут мечами, но за них не переживается. Их не жалко. Причем ни плохих, ни хороших. Ну, погибнет, так и черт с ним, их там тысячи, тысячи... И мечами все машут одинаково героически. Вот такой сумбур у меня в голове. Ты имеешь право хранить молчание. Все сказанное мной можешь использовать против меня. Ты же знаешь, бабы дуры... И т.д. Короче, не обижайся!

Целую, пока!

Привет.

Из всего твоего письма мне понравилось только

<целую>.

Ну ладно, зато честно.

Слушай, а это только твое мнение, в смысле, это тебе не нравится - или ты думаешь, что и остальным тоже не понравится? Ведь издают же похожие книжки, и идут они на <ура>. Почему бы и мне не попробовать?

Кстати, в продолжение темы: а тебе только идея не понравилась или все остальное (стиль, диалоги, всякие пейзажи) тоже? Может, присоветуешь что-нибудь?

А я вчера вспомнил, как мы с тобой хохотали по поводу всяких совпадений. И как гуляли.

Ты симпатичная.

Сергей.

Привет-привет.

Издают-то все, конечно, издают. Но кто это читает? Или те, кто «Властелина колец» считают слишком сложной и толстой книгой, или фаны, которые ничего другого, кроме подобной жвачки, не читают. Ты правда хочешь писать для них?

Дело в том, что эта тема вытоптана. Если бы ты написал что-нибудь новое, например пародию на фэнтези...

Тоже не слишком оригинально...

Не знаю я, что тебе посоветовать. Диалоги и пейзажи такие же, как у всех. Не лучше и не хуже.

Вот! Твою книгу невозможно отличить от остальных, понимаешь? В ней нет ничего от тебя лично. Так может написать любой, кто пишет в этом жанре.

Хотелось бы верить, что ты способен на большее.

Целую.

(Раз тебе нравится)

Доброе время суток.

Сначала даже разозлился и написал тебе злобно аргументированный ответ. Потом остыл и решил обойтись без кровопролитий. Не могу удержаться только, чтобы не сделать замечание в низкой политкорректное™: если тебе не нравится какой-либо жанр литературы, это еще не повод обзывать его жвачкой! И вообще, главное не то, что ты пишешь, главное – как. В жанре я более-менее уверен, есть сомнения в качестве написанного. И, наверное, не напрасно. Пародию на фэнтези? А что, может, попробовать? Вот, попробовал, высылаю тебе образец. Надеюсь, ответишь быстро и не забудешь поцеловать. У тебя это здорово получается :) Кстати, придумал смайлик поцелуя: 8-[] Сергей.

Присоединенный файл:

Само место, казалось, было насквозь пропитано Силой – но Силой злой, враждебной всему живому. В завывании северного ветра явственно слышался вой Волков Тверлистана, полный неутолимой жажды живой крови. Злобная Тьма выплескивалась из пещер Каргазада и мягкими пальцами первозданного Мрака пыталась сжать маленький дерзкий отряд. Только негасимый свет Эльфийского Даманта пока удерживал Тьму на почтительном расстоянии, но, по мере того как гасло бледное Солнце, пальцы мрака сходились все ближе и ближе. Старый Маг невероятным усилием воли поддерживал охранный круг, но силы были слишком неравны. У него еще оставалась возможность сотворить последнее заклятие Перемещения, но это означало бросить на произвол судьбы тех, кто поверил ему, кто дошел с ним до самого последнего Предела. И Маг тратил последние поистине драгоценные капли Силы уже не в надежде на чудо, а просто потому, что не хотел уходить в Небытие просто так, без всякой борьбы. И в тот момент, когда последний закатный луч был готов погаснуть за горизонтом...

Ярослав Никонов (в миру Александр Николаевич Каргополов) с ненавистью гипнотизировал монитор. Ярослав был переполнен клокочущими в нем страстями. Он одновременно негодовал, презирал и ненавидел. Негодовал по поводу собственного скудоумия, презирал свой «пентюх» за неумение придумывать сюжетные выверты и ненавидел читателя, которому только и подавай эти выверты – чем больше, тем лучше. Ситуация складывалась тупиковая. Зловещая природа Предпредельного Края была описана до мелочей, до шевелящихся корней кустов-людоедов. Процесс сотворения Великих Заклятий получился настолько ярким, что в нем недоставало только структурных схем и фотографий очевидцев. Главные герои уже полчаса скрежетали зубами и в бессильной ярости сжимали все что придется.

Но что произойдет, когда последний закатный луч (как последняя сволочь) погаснет за горизонтом, до сих пор не было понятно. Собственных силенок у них явно не хватало. Все действующие лица уже успели либо помочь, либо усугубить создавшееся положение. Можно было, конечно, ввести новую силу, но это грозило большими неприятностями. Ярослав Никонов, как профессионал фэнтези, прекрасно чувствовал ту грань, за которой средний читатель перестает разбираться в происходящем и – как следствие – зашвыривает книгу подальше. Сейчас он подошел к этой опасной черте вплотную.

Писатель перевел пылающий взор на листок со списком действующих лиц, где стрелочками

были обозначены их взаимоотношения. Ни о какой борьбе Добра со Злом речь уже давно не шла.

Больше всего листок напоминал расстановку предвыборных сил в изложении Владимира Жириновского: какие-то петли, обходные маневры, чуть ли не узлы. Трезвому человеку в этой каше разобраться было никак невозможно.

«Напьюсь, – жертвенно решил Ярослав, – нагло выпью стакан водки». Он решительным шагом ворвался на кухню, открыл шкафчик с заветным коньяком и сурово, по-мужски отхлебнул прямо из бутылки. В голове воцарилась ясность вкупе с некоторым разочарованием.

«Как же это я, – стыдливо подумал мастер фэнтези. – Собирался же выпить водки. А тут коньяк какой-то...» Глотнув еще раз для успокоения совести, он пустился в обратный путь, деловито разминая пальцы.

– Где тебе понять мои деяния, смертный! – глухо, без насмешки и вообще без всякого выражения пробормотало чудовище. – Причины моей войны лежат далеко за пределами этого мира, а последствия ее станут видны через многие века после его гибели.

– Гибели? Расскажи об этом, Незванный! – Рамагор, подавшись всем телом вперед, опустил серебристый меч. На миг он даже забыл о нестерпимом жжении в ладонях, о себе, о раненой Синтониэль. Всего один шаг оставался до разрешения самой главной тайны этого Мира, всего один ответ оставалось получить на самый главный Вопрос.

Но Печальный Зверь уже смотрел куда-то в одному ему ведомую даль. Его когтистые крылья внезапно расправились, с неистовой силой ударили темный воздух – и чудовище исчезло так же внезапно и беспричинно, как появилось. Мгновение странники еще стояли, словно пытаясь разглядеть в Астрале след своего недавнего союзника, а затем, очнувшись, бросились к истекающему кровью Магу.

«Хороший коньяк, – решил Ярослав, перечитывая концовку главы. – Никого нового привлечь не пришлось, да и сюжет извернулся неожиданным боком. Придется, правда, внести кое-какие изменения в начало, но это, в сущности, мелочь».

Писатель молодежато вбил «Глава восьмая» и откинулся на стуле.

– Но ведь Мага потом спасут, правда? – спросил приглушенный девичий голос у него за спиной.

Ярослав медленно, чтобы окончательно не сдвинуть крышу, повернулся вместе со стулом. «Хороший коньяк, но крепкий», – решил мастер фэнтези.

Перед ним сидела типичная эльфинитка-полукровка. Писатель Никонов за свою творческую жизнь столько раз описывал неземную красоту Первороденных, что вполне мог составить их усредненный фоторобот. Налицо были все особые приметы: неземная красота, сплав юности и мудрости, утонченность линий и прочая атрибутика Детей Света.

– Вам правда понравилось? – Эльфинитка вдруг как-то не к месту стыдливо зарделась.

Ярослав тупо мотнул пустой головой. «А с другой стороны, – пробормотал ему парализованный здравый смысл, – почему галлюцинация не должна уметь читать мысли?» Это гениальное соображение несколько раз ударилось о гулкие стенки пустого черепа – и рассосалось.

- Галлюцинация? - переспросило неземное создание. - Это вы так называете чары?

Ярослав молча надавил себе на глаз. У Стругацких описан такой способ определения галлюцинаций: при надавливании на глазное яблоко они то ли должны, то ли не должны раздваиваться.

Опыт не удался, потому что с испугу писатель чуть было не выдавил себе глаз и некоторое время мог видеть только асимметричные цветные пятна.

«Вот она, истинная реальность, а все остальное - галлюцикации!» - меланхолично подумал он, но тут же оборвал себя. - Стоп! Это уже пошел Пелевин». В вопросах приоритета идей Никонов всегда был очень разборчив.

Привет!

Во-первых, мне нравится этот жанр литературы.

Во-вторых, ты прав: не главное, что ты пишешь, главное - как. Так вот, в этом жанре ты пишешь плохо. Как тебе моя политкорректность?

И мне не жанр не нравится, а конкретное произведение.

В-третьих, то, что ты мне прислал вчера, мне понравилось очень.

Очень весело, и, главное, твой писатель совершенно живой человек. На тебя похож. Мне нравится.

Целую, а не заглатываю, как твой смайлик. :-)

Здорова будь!

> Во-первых, мне нравится этот жанр литературы.

Во-первых, не «нравиться», а «нравится».

> Во-вторых, ты прав: не главное, что ты пишешь, главное - как. Так вот, в этом жанре ты пишешь плохо. Как тебе моя политкорректность? И мне не жанр не нравится, а конкретное произведение.

Ладно, убедила.

> В-третьих, то, что ты мне прислал вчера, мне понравилось очень. Очень весело, и, главное, твой писатель совершенно живой человек. На тебя похож.

Мне нравится. В-третьих, см. во-первых.

> Целую, а не заглатываю, как твой смайлик. :-):^& (Губки бантиком) Ладно, попробую продолжить то, что тебе понравилось.

С.

Мне стыдно!

Испортил меня Word. Теперь буду проверять все письма со словарем. :-((

И писать их редко и медленно.

А у меня Машка заболела. :-((

Чмок.

Привет и ты.

> Мне стыдно!

И мне стыдно. Во-первых, вежливый человек – не тот, кто правильно пишет слово «нравится», а тот, кто не замечает... (далее по Чехову). Во-вторых, продолжение «Перекрестка имени гоблина» я так и не осилил. Сидел, тужился – и никак!

В качестве частичной компенсации высылаю «Хутора». Тебе должно понравиться: никаких битв стихий.

> Испортил меня Word. Теперь буду проверять все письма со словарем. :-((

> И писать их редко и медленно. А вот это зря.

> А у меня Машка заболела. :-((

Передай ей, чтобы крепилась. И слушалась маму.> Чмок. Не без этого.

Ку-ку!

Спасибо за «Хутора». Очень кстати, а то дома читать нечего.

Мне понравилось.

Даже очень понравилось.

Дались тебе эти драконы!

Зачем ты на них время тратишь?

Ты же хорошо пишешь, у тебя герои интересные, сюжет интересный... Короче, что там дальше?

Дописывай давай.

Единственное, что меня напрягло, так это то, что твои «Хутора» уж очень сильно перекликаются с «Кысью». Читал?

А «Улитку на склоне»?

Это уж наверняка читал.

Ребенок выздоровел, жизнь наладилась, завтра иду на работу.

Пока!

Ой! Не успеваю писать подробно, но спасибо за все, кроме отсутствия поцелуя на прощ.

С.

Ах так!

Так вот, я тоже подробно ответить не успеваю!

А почитать прислать?

Целую. (Авансом за то, что ты мне пришлешь.)

Так, спокойнее, гражданка! Я действительно очень спешил: сдавал в типографию сразу три книги. Они же там без меня все перепутали! Представляешь, бестолковый верстальщик перепутал УДК и ББК!.. Вот бы номер был, если бы я не заметил и так оно все и напечаталось! Но теперь я всех победил и могу написать тебе долгое и обстоятельное письмо. Во-первых, доброе что-там-у-тебя-за-окном! Во-вторых, по поводу Кыси. Вернее, «Кысью». Полчаса я сидел над монитором, а потом опустил до того, чтобы устроить в Яндекске поиск по слову «Кысью».

Только так удалось выяснить, что это не просто неправильное написание слова «кэшью», а твой способ склонять название культовой повести Толстой «Кысь».

Саму повесть я, правда, не читал, но пробежался по критике. Знаешь, я ее себе скачаю, выведу на принтере и изучу на досуге. Уж больно ее то хвалят, то ругают.

В-третьих, «Улитка на склоне». Эту помню, но смутно. Также нужно перечитать.

Давненько я не брал в руки книжек – не тех, что мы выпускаем, а тех, в которых мудрость веков.

Засим откланиваюсь.

С.

Р. S. Начал читать «Кысь». Оказывается, она есть у нашей ведущей гуманитарной редакторши.

Очень даже ничего (не редакторша, а «Кысь»).

Р. P. S. Редакторша тоже ничего, но у меня правило – никаких романов на работе.

Жму руку.

Вот ничему тебя жизнь не учит!

Кстати, привет!

Ты совершенно не умеешь обращаться с женщинами! Я его, значит, целую, а он мне руку жмет. Безобразие!

У нас сегодня на работе три дня рождения было, так что извини за игривый тон. (Ик!)

Как говорил мой пана: «Пьяница мать - горе семьи!»

Они там все еще в соседней комнате резвятся (или ться?), а я тут тебе письмо пишу.

Водку не буду! (Это я не тебе.)

У меня тоже железное правило насчет романов на работе. Так что приходится (или ться?) в водке себя ограничивать.

Пока!

P. S. А есть у вас симпатичные верстальщики?

Привет и ты!

Интересно было бы посмотреть на тебя пьяную!

Трезвей.

Пиши.

Сергей

Привет, Сергей!

У нас вчера было три дня рождения...

Короче, я тебе что-то писала, это я помню...

Ты не подумай про меня... Короче, мне стыдно.

Я больше так не буду.

P. S. А что я тебе писала?

Ні

Ничего неприличного ты не писала. Наоборот:

хвасталась, что отказываешься от водки и не заводишь романов на работе. Потом, правда, интересовалась симпатичными верстальщиками нашего издательства.

А симпатичные редакторы тебя не интересуют?

Ладно, не буду грузить выше крыши. Тебе и так, наверное, тяжело. Теперь о деле. Почитал и «Кысь», и «Улитку».

Мне кажется, что «Хутора» несколько другие. Или нет?

Слушай, а давай ты мне предложишь идею книги, а я напишу! А вдруг получится бестселлер? Готов заплатить 10% гонорара.

С.

Серез, привет!

Спасибо за понимание и моральную поддержку!

Мне уже лучше. Почти совсем хорошо. Удачно я решила себя в водке ограничивать. Если бы не это, точно не выжила бы. :-))

А «Кысь» тебе понравилась?

Знаешь, я так и могу сформулировать, чем твои «Хутора» на нее похожи (или не похожи).

Просто хорошо нам, мы точно знаем, что это не плагиат, а вот остальные точно подумают, что ты сюжет «списал». Хотя мне понравилось. Насчет идеи новой книги подумаю. Такой шанс обогатиться нельзя упускать. :-)

Как жизнь в Москве? Тут жара такая, не продохнуть. Какие у тебя планы на сентябрь?

В выставке участвуете? В гости пригласишь? От ментов спасешь?

Я на выходные поеду с Машкой на дачу к маме, так что до понедельника тебе не отвечу. Зато буду думать над темой для книги. Слушай, а где твои родители живут?

Что-то у меня с похмелья любопытство проснулось. Можешь не отвечать, если не хочешь.

Пока. Целую. Пиши.

Я уже так привыкла, что рабочий день с твоего письма начинается!

Привет!

В следующий раз попробуй пить еще меньше.

А еще меня научил наш ведущий редактор по медицинской литературе двум способам избежать похмелья.

1. Поставь с вечера рядом с постелью двухлитровую бутылку минералки и пей всю ночь. Как

только пересохло в горле - возьми бутылку и пей.

2. Последний выпитый стакан должен быть не со спиртным, а с «Алказельцером».

Еще, сказал этот многомудрый человек, нужно побольше есть витамина С.

Лимоны там, айва, аскорбиновая кислота...

А родители у меня живут далеко - в Химках. О, кстати, позвоню...

Ну вот, мама решила, что у меня что-то случилось, полчаса выпрашивала, чего это я позвонил. Потом еще полчаса рассказывала, как будет нянчить своих внучат.

Интересно, где она их добудет? Я ведь, кажется, один ребенок в семье.

А я тоже поеду отдохнуть в этот... Вермут... Нет, Портвейн... Вспомнил - на Мадейру! Две недели вдали от компьютеров!..

Приеду, сразу проверю почту. Надеюсь увидеть не менее трех идей для романов.

Пока.

Обнимаю.

Сергей.

Ну, привет!

Хочешь, я твоей маме Машу на недельку привезу поиграть? Тема внуков будет закрыта надолго.

Бабушки, они все такие теоретики... А ты с кем на Мадейру едешь (или съездил уже)? Может, она рассчитывает, что после этой поездки внуки появятся? Море, солнце, то, сё...

По компьютерам соскучился? А по работе?

Я много думала по поводу идеи романа.

И поняла, что идея не главное. Ты должен писать интересно (а ты и так пишешь интересно), а идея может быть и совсем простая. Главное, чтобы ты хорошо знал то, о чем пишешь.

Придумай свою версию истории, еще более альтернативную. :-)

Целую.

Надеюсь, увидимся в сентябре. Кстати, тогда и поговорим нормально.

Попытка четвертая

День рождения как вселенский заговор

Я ехала в Москву с ощущением предстоящего праздника. Все было хорошо. Погода хорошая,

соседи по купе хорошие, и пили они хорошую водку. А я лежала на верхней полке и читала хорошую книгу. Полная гармония. Соседями по купе были мои коллеги, отстали сразу. Всего пять раз пришлось сказать, что водку я не буду. Знаю я эти штучки, завтра целый день буду бродить как сомнамбула и забивать жвачкой устойчивый запах перегара. Как-то это не поженски.

С поезда пришлось ехать сразу на ВДНХ и там два часа украшать стенд осенними листочками. Это нашему художнику, после перепоя в поезде, пришла в голову такая гениальная идея. В итоге стенд напоминал закамуфлированный штаб неизвестного противника. Неизвестного – потому что мы перестарались, название тоже завесили листиками. С одной стороны, очень даже удобно. Тот, кто нас ищет с недобрыми замыслами, не найдет, а если с добрыми, то мы ему, так и быть, название сами скажем.

Но тут пришел Петр Александрович и почему-то совершенно не разделил наше веселье. Пришлось название открыть. Но какой ценой! Художник полез исполнять указание дорогого директора лично, свалился со стула, наступил на ногу бесценной Леночке и вылил на себя воду из вазы с цветами. Зато как все сразу оживились! Какой заряд бодрости на всю неделю! Как велик и могуч русский язык!

Пока они между собой разбирались, я просто сбежала. Да ну их всех! Выставка открывается завтра, вот завтра и поработаем.

А сегодня отдыхаем.

Две недели под солнцем, без компьютеров, без хлопот! Что еще нужно человеку, чтобы спокойно встретить старость? Я обленился до того, что не завел ни одного курортного романа. Просто отдыхал. Бродил, когда бродилось, валялся, когда валялось.

В Москву вернулся полный сил и бодрости – и тут же метнулся к компьютеру. А что делать – наркотик!

Почта была по летнему времени не слишком обильная. Все или отдыхали, или знали, что я отдыхаю. От Кати пришло всего одно письмецо, в котором она резонно замечала, что в начале сентября приедет на выставку, там и побеседуем. И неизбежное «целую» в конце письма. Как-то уж очень легко она ими разбрасывается, этими «целую». Но я все равно улыбался. Странная штука электронная почта: оперативная, почти как живой разговор, но дает время обдумать каждое слово, перечитать, если не понравилось – исправить. Идеальный способ общения. Особенно в нашем с Катей случае – редком случае платонической дружбы мужчины и женщины.

Силы и желание жить и работать переполняли меня настолько, что я явился в издательство на день раньше положенного. К моему удивлению и удовольствию, компьютерный отдел не за страх, а за совесть пыхтел над трудноперевариваемой (процесс такой же ужасный, как и слово) книжкой «Шаблоны программирования». Я тут же включился в работу, нашел несколько принципиальных ошибок и в заключение выслушал ехидное замечание одного из младших редакторов о том, что до отпуска я говорил совсем другое.

Жизнь налаживалась. Я даже нашел время, чтобы прямо с работы отправить Кате приглашение, в котором подтверждал готовность видеть ее у себя «в любое время дня». Сначала написал «и ночи», но потом решил, что это слишком фривольно.

К писанине своей вернулся с удовольствием. Поскольку новых идей мне Катя не подкинула, дописывал «Хутора» с твердым намерением никому их больше не показывать. Решил, что это будет учебно-тренировочный роман.

Так и жил: с удовольствием работал, с удовольствием писал, а иногда поглядывал на календарь, невольно подсчитывая дни до начала выставки.

Катя умудрилась оказаться в Москве с некоторым опережением календаря.

- Привет! - заявила мне телефонная трубка. - Это Катя. Ты занят?

Я был занят. Сидел посреди комнаты и размышлял, убирать ли мне эту грудку мусора сегодня, если Катя приедет только завтра.

- Мне пару писем отправить. Двадцать минут, и я у тебя.

Но не тут-то было.

- Нет, - сказала Катя, - я уже собралась. Давай лучше я к тебе заскочу, подожду, пока ты отправишь письма, а потом ты что-нибудь придумаешь.

- ОК, - сказал я.

Это была самая быстрая уборка в моей жизни.

Я приехала к Наташке на работу, взяла у нее ключ от квартиры и, для начала, три часа поспала. Потом два часа принимала душ, час сушила волосы, делала маски, красила ногти, короче, использовала все то, что нашла у Наташки в ванной. И часов в шесть вечера, совершенно не готовясь заранее, позвонила Сергею.

- Привет, Сергей! Это Катя.

- Опа! А я думал, ты завтра приезжаешь.

- То есть, ты занят?

- Минут двадцать. Через двадцать минут освобожусь и бегу к тебе. Мне еще пару писем отправить. А ты где?

- У Наташки. Слушай, я уже в дверях стою. Неохота ждать полчаса, давай я к тебе зайду, подожду, пока ты письма отправишь.

- Супер! А ты квартиру помнишь?

- Я помню этаж. Девятнадцатый.

- У тебя поразительная память...

Номер квартиры я повторяла как заклинание всю дорогу до подъезда Сергея. Ну, отвлеклась пару раз... Ну, цифры местами переставила... Какая разница, 164 или 146? Сумма та же... Совершенно не понимаю, чего было так веселиться, когда я позвонила по телефону и спросила номер квартиры...

Когда я приехала на девятнадцатый этаж, Сергей ждал возле лифта. Я гордо проследовала в квартиру, он шел сзади, давясь от смеха.

- Я уже собирался ехать вниз тебя искать.

- А я бы приехала на другом лифте, уткнулась в запертую дверь...

- Вот поэтому и не поехал. Кстати, привет.

Он совершенно по-дружески чмокнул меня в щеку. А дальше? Дальше я собиралась тоже по-дружески ответить, но почему-то в щеку не попала. А дальше? А дальше я была не в состоянии думать. Минут десять (или полчаса) мы целовались, просто не отрываясь друг от друга, потом все-таки оторвались, осознав, что стоим в коридоре, дверь нараспашку, а за спиной тактично кашляет сосед. Ему, видите ли, приспичило попасть домой. Хам!

Знаете, чего я больше всего боялась? Что сейчас Сергей все замнет. Скажет что-то вроде: «Гм, гм... Ну, давай я почту отправлю, и пойдем гулять».

Или начнет спрашивать разрешения. Идиотский вопрос: «Можно я тебя поцелую?»

Ну как я могу ответить «да»?! Как?! Я же приличная девушка, черт меня побери!..

Скажу «нет», он меня послушается, и я буду весь вечер глотать слезы и мучиться неутоленным желанием.

За ту минуту, пока Сергей закрывал дверь и разбирайся с соседом, я просто окаменела от страха. Я хотела продолжения. Очень. Но понимала, что любое слово, любой вопрос, который он мне сейчас задаст, может все испортить. Я не хотела принимать решение. Не хотела, чтобы мне потом могли сказать, что я сама напросилась. Я просто не могла проявлять инициативу, при любом раскладе мне это выйдет боком.

Господи, да что же он так долго молчит! Я уже и так непозволительно затянула паузу. Порядочная девушка давно бы как-то дала понять, что ей не хочется, перевела бы разговор на другую тему, что-нибудь придумала бы... А если мне хочется, то я что, непорядочная?

Но Сергей вообще ничего не сказал. И меня лишил такой возможности. Он просто обнял меня и еще раз поцеловал...

Я не напрашивалась, это он меня уговорил!

Это все от суматохи. Сначала я в сумасшедшем темпе приводил в относительный порядок берлогу (так ее Машка прозвала - и совершенно справедливо). Потом от подъезда позвонила Катя и заявила, что не очень помнит номер моей квартиры. И это при том, что я ей три раза продиктовал номер пять минут назад!

Я снова повторил каббалистическую последовательность, попутно запихивая пылесос в шкаф. На всякий случай выскочил встречать гостью в коридор, сообразил, что я в спортивных штанах, и моментально (32 секунды - личный рекорд!) заменил их на джинсы. Но Катю успел встретить в дверях, как воспитанный хозяин. Как еще более воспитанный хозяин, чмокнул ее в щечку...

...Кто его знает, как это все получилось. Катя как-то так неловко повернулась... или ловко? Словом, как-то правильно повернулась...

Ну, я и поцеловал ее в губы...

А кто бы не поцеловал? Что тут такого? Тут ведь что главное? Главное – уловить тот момент, когда девушка уже не хочет, чтобы поцелуй продолжался. Высший класс – прекратить целовать за четверть секунды до того, как ей надоест.

Вот...

А Кате все надоедало и не надоедало... А потом оно уже так затянулось, что выпускать ее из объятий было бы просто хамством...

Если честно, это я сейчас такой умный. Обосновать все могу – А тогда...

Кто его знает... Просто нам хотелось поцеловаться. Давно не виделись. И вообще, оказалось, что она классно целуется. Больше того, оказалось, что я классно целуюсь. Нет, Катя мне ничего не говорила (как она могла говорить, когда рот занят?), просто я понимал, что ей нравится и она хочет еще.

Ай! Все равно толком не объяснишь! Да и не помню я ничего этим самым толком! Сознание начало возвращаться, когда за спиной мой угрюмый сосед Володя начал демонстративно кашлять, намекая, что, дескать, ему бы пройти к себе домой. Что, погулять не мог еще полчаса? Видит же – проход занят, форс-мажор и все такое!

Но эта мудрая мысль мне тогда в голову не пришла. Или пришла, испугалась огромного пустого пространства и слиняла подобра-поздорову.

Все это детали. А главным (и тогда, и сейчас) было то, что мы продолжили начатое сначала в прихожей, потом на диване, потом на том же диване начатое было развито, усугублено и доведено до логического завершения.

Хотя ничего логического в том, что происходило в моей берлоге в ту ночь, не наблюдалось.

Утром я проснулась в 6.30. Как часы. Сказалась многолетняя привычка отводить Машку в садик плюс (точнее, минус) час разницы во времени. Привычка у меня, правда, своеобразная. Просыпаться-то я просыпаюсь, смотрю на часы... и тут же заваливаюсь спать дальше. Но не сегодня, сегодня хотелось не спать, а петь, танцевать и скакать на одной ножке. А еще есть. Я вчера, кажется, не ужинала. Не до того было.

Я осторожно начала вылезать из-под одеяла. Сергея, во-первых, жалко было будить, а во-вторых, хотелось успеть занять ванную. Надо сказать, за ночь нам удалось соорудить из себя и одеяла совершенно неделимую конструкцию, уже через пару минут я перестала понимать, где кончается моя нога и начинается его. И почему подушка лежит сбоку? Ах да... Это не подушка сбоку, это я по диагонали... Минут через пять я все-таки выкарабкалась, подложив вместо себя муляж из одеяла. Дело в том, что Сергей спал на том ма-а-аленьком кусочке, который оставался от моего лежания поперек кровати. Если бы я ничего вместо себя не оставила, он бы точно куда-нибудь свалился. И проснулся бы. А мне его будить было жалко.

Я стащила из шкафа одну из его рубашек, облачилась в нее, сделала себе чай, два огромных

бутерброда, свернулась калачиком на кресле в кухне. Вот оно – блаженство!

Вот интересно: я могла с уверенностью сказать, что это одна из лучших ночей в моей жизни. Почему? А кто его знает!

Ничего особенного не было. Не было обилия поз, просьб от соседней вести себя потише, одновременного оргазма...

Но было что-то такое, трудноуловимое, чего не было у меня ни с кем и никогда...

Все удивительно естественно. Удивительно, потому что, с одной стороны, кайф новизны, а с другой – никакой неловкости.

Мне ни разу не пришлось врать, не пришлось что-то изображать. Я все время была уверена, что все, что я делаю, ему нравится. Даже если я ничего не делала.

Я раньше думала, что Идеальный секс – это когда молнией шарах, от одного взгляда все упали. Так вот нет. Идеальный секс – это когда не думаешь о том, что не нужно к нему попой поворачиваться, потому что там целлюлит. Делаешь то, что хочешь, и все, что хочешь.

Мне самой странно, насколько я его не стесняюсь. Захотелось спать, я так и сказала: «Хочу спать». Даже заснула... минут на двадцать.

Если мне хотелось что-то сказать, не нужно было ждать «подходящего» момента, вообще, оказывается можно делать кучу дел одновременно: общаться, смеяться и заниматься любовью. Причем ни одно из этих занятий не в ущерб другому, даже наоборот, они как-то усиливают одно другое.

Я вспомнила своего друга-спортсмена. Классический герой-любовник. Но вот в чем беда: он им не был, он его изображал. Оказывается, это совершенно разные вещи.

Не должен мужчина изображать из себя супермена, пусть он держит себя в руках, но до определенного момента. Потом у него должно снести крышу. Я тоже хочу, чтобы из-за меня потеряли голову. На самом деле потеряли, а не спрашивали, понравилось ли мне. Сергей не спрашивал, он просто делал. Причем всегда именно то, что мне нравилось. Или просто мне нравилось все, что он делал?

Когда я продрал глаза, Катьки, солнышка моего рыжего, рядом не оказалось. Но я точно знал, что она на кухне, трескает что-нибудь и пьет чай из знаменитой желтой кружки. Откуда знал? Знал, и все. Это было самое поразительное, – внезапно оказалось, что мы друг о друге (по крайней мере, я о Катьке) знаем все: что говорить и когда молчать, когда человек устал и хочет просто полежать. Знаем, что когда человек просто лежит, его нужно осторожно целовать в волосы. И поглаживать по маленькому круглому плечу. И сбегать за минералкой («Ой, спасибо, как хочется пить... А я разве просила?» – «Кажется, нет... Но ты хотела!»). И чувствовать, что человеку уже не хочется просто так лежать, а хочется, чтобы его обняли мягко, но крепко.

Все ясно. Неясно только, почему так ясно. Не то чтобы мы не говорили – говорили, и много, можно сказать, болтали! Но только тогда, когда трепаться хотелось обоим. И случались моменты, когда болтовня прерывалась на полуслове, потому что нас резко и одновременно кидало друг к другу...

Много другого удивительного было в ту ночь. Никаких любовных подвигов и мысленного подсчета «разов». И вопросов вслух: «Тебе понравилось?» Я и так знал, когда нравилось, а когда... не то чтобы не нравилось, а... как бы это сказать... Иногда Кате хотелось, иногда она была не против.

А потом мы, умотанные, разом, как по команде уснули. Я проснулся первым. Не знаю, сколько прошло времени (на часы не посмотрел ни разу). Но вдруг понял, что лежим мы не просто лицом к лицу, а носом к носу. «Странно, – попытался удивиться я, – я же ни с кем никогда не мог спать лицом к лицу». Но тут я заметил, что нос у Кати ужас какой симпатичный, с маленькой нахальной горбинкой. Он был достоин поцелуя и получил его. А под носом оказалась пара приоткрытых мягких губ...

...На кухне что-то звякнуло. Я очнулся от приятных воспоминаний и переключился на приятные предвкушения.

Катя, естественно, сидела на моем месте и пила из моей чашки. А еще она сделала бутерброды. Я съел один. А потом...

Может, она в эти бутерброды подмешала чего-нибудь?

Я сидела, обняв руками любимую желтую чашку. У меня было странное ощущение. Что-то вроде дежа вю. Я чувствовала себя совершенно как дома, за окном светило солнышко... и тут на кухню зашел заспанный Сергей.

«Сейчас рычать начнет!» – пронеслось у меня в голове. Но я даже не успела как следует испугаться, потому что рычать никто не начал, а совершенно наоборот. Начал мурчать.

- Куда ты ушла, я проснулся, а тебя нет, идем обратно, чего ты вскочила в такую рань, какая ты вкусная...

- Я голодная.

- Я это сейчас исправлю, пойдем...

- А поесть?

- Вот какие вы, женщины! Кстати, я тоже есть хочу.

Сергей начал добросовестно поглощать мой второй бутерброд. Поразительно, что это не только не вызвало раздражения, а, скорее, умилило. Я поймала себя на том, что мне в нем все нравится. То есть абсолютно все. Нравится, какой он сонный и непричесанный. Нравится, что он тоже не пытается ничего изображать, даже не пытается за мной ухаживать. Зато, с другой стороны, и не пытается делать вид, что эта ночь для него ничего не значит...

- Ты красивая.

- Спасибо.

Что-то со мной происходит, я краснею, как школьница. Почему-то простые слова пробирают покруче навороченных комплиментов. Или дело в том, кто их говорит? Ужас какой-то. Бабе тридцать лет, а она замирает от счастья, потому что кто-то назвал ее красивой... А может,

виновата бессонная ночь? Из-за нее руки трясутся и сердце где-то в горле стучит?

Сергей протянул руку и начал добросовестно стряхивать с меня крошки. Через минуту я пытки не выдержала и закрыла глаза, через две мы были уже в постели...

Как меня не уволили на той неделе, непонятно.

Редакцией я руководить перестал. Не имеет права ведущий редактор соглашаться со всем, что ему предлагают подчиненные. Наглая Рита дошла до того, что звонила мне и сообщала, что она «убрала второй указатель в книге, потому что он, во-первых, не нужен, во-вторых, это сильно затянет сроки, в-третьих, вы все равно согласитесь». Надо было ее отругать. Обязательно надо было отругать, а не угодливо хихикать.

«На выставку» я уходил раз сорок. Главный технолог Алексей Павлович (в миру Лешка) настойчиво расспрашивал меня, чем на выставке поят и ублажают посетителей, что я хожу такой счастливый.

Да не счастливый я ходил - просто усталый и вымотанный! Хотя нет, и счастливый тоже. По-счастливому усталый. Такая усталость, что ее хотелось еще и еще. Катьку я к себе забрал с вещами. Не выдержал после третьего сообщения, что она что-то там забыла в синей сумке.

- Вот что, Катерина! - сказал я строго. - Знаю хороший способ сократить твои пробежки между соседними домами. Давай-ка я притащу сюда твою синюю сумку. А заодно красную, желтую, черную и все остальные. А то сплошная беготня и расход времени.

Катерина не возражала. Тем более что перемещаться по улицам стало опасно - похоже, все дураки Москвы выехали в эти дни на дороги.

Зато я за короткий срок постиг массу искусств. Я умел набирать SMS-сообщения одной рукой на ходу, умел испаряться с важных совещаний в самый разгар дележки денег, умел изображать глубокую задумчивость, а не идиотски улыбаться, как того требовала природа. К среде я научился спать в метро. В пятницу заснул за рабочим столом. Честно говоря, я даже обрадовался, что в субботу нас пригласили к Наташке, Катиной подружке, на день рождения. Организму срочно требовалась передышка от непрерывной эйфории.

Знал бы, чем все кончится, - ни за что не пошел бы.

•

Идти не хотелось. Хотелось отключить все телефоны, зарыться в постель и никогда оттуда не выползть. Но Наташка категорически отказывалась проявлять гуманность, женскую солидарность и человеческое сочувствие. Она звонила каждые полчаса.

- Ты где?

- Выходим из метро.

- Хорошо, идите сразу ко мне.

- Ой, нет. Дай хоть зайти домой переодеться. Как-то уж больно естественно у меня получается называть квартиру Сергея домом.

- Так. Даю вам пятнадцать минут. Через двадцать вы должны быть у меня.

Надо отдать должное Наташке, что-то человеческое в ней еще оставалось, потому что в следующий раз она позвонила только минут через сорок.

- Ну?

- Я могу сходить в душ?! - попыталась наехать я.

- Так. Я даю вам последние полчаса. Через тридцать пять минут приду за тобой лично.

Сомнений не было. Придет. Пришлось со стоном вставать и идти веселиться. Хотя я, конечно, преувеличиваю трагедию. Ее не было. И настроение нам обоим испортить совершенно невозможно. Трехдневный глобальный недосып плюс постоянная эйфория сделали из нас симпатичных и безобидных зомби. Не знаю, как работал Сергей, я лично изображала на стенде статую - украшение интерьера. Из меня во все стороны перло что-то такое... Короче, никто не мог пройти мимо. Я любила всех, была сама доброжелательность и приветливость, вокруг меня постоянно стояла небольшая толпа. Жаль только, практически ни на один вопрос я внятно и связно ответить не могла.

Весь день, пока мы не виделись, мы переписывались. Я давно подозревала, что SMS изобрел влюбленный человек, сейчас лишний раз в этом убедилась. SMSKa - это возможность постоянно ощущать человека рядом с собой, практически не разлучаться.

Так вот. Любое пришедшее сообщение сбивало меня с мысли напрочь и навсегда. Я его читала... После чего поднимала глаза на собеседника и, как У-Янус, пыталась выяснить: «А кто вы?» и «О чем мы с вами разговаривали?»

Ну, вообще ничего. Люди относились с пониманием. Женщины жалели, мужчины... Я давно знала: чтобы добиться внимания мужчин, нужно влюбиться. Тогда они липнут просто как мухи на мед, только как им объяснить, что поздно! Не нужен мне сейчас никто. Хотя самые сообразительные пытались взять телефончик «на потом», на «когда он вам надоест».

Вообще-то выставка открыта до шести. Но уже примерно с шестнадцати тридцати взгляд у меня стекленел окончательно, я переставала замечать вокруг себя абсолютно все, кроме минутной стрелки, которая совершенно переставала двигаться. Коллеги терпели меня минут десять, потом отпускали с шутками и прибаутками. Но я даже на это не реагировала, просто неслась к выходу.

В первый вечер Сергей заехал за мной на машине. Нам не понравилось. То есть сначала мы утешали себя, что два часа общения - это прекрасно. Быстро выяснилось, что общаться нужно либо после, либо во время. До - общения не получается. Совершенно невозможно ни о чем говорить, когда в двадцати сантиметрах от тебя сидит человек, до которого смертельно хочется хотя бы дотронуться... Остальные мысли из мозга вытесняются начисто. Мне-то что, а вот Сергею машину вести. А еще эти пробки! Я полностью разделяла его стремление попасть домой поскорее, но мы и так всю дорогу ехали по встречке, а вот его последний разворот на Садовом - это был явный перебор...

Короче, следующие два дня мы ездили на метро. Во-первых, существенно быстрее, во-вторых, если мы начинали целоваться, нам не дудели сзади, мы не создавали пробку и не подвергали опасности жизни невинных людей.

Вот и в этот день мы все-таки добрались до дома, но Наташка не дала нам насладиться этим

событием, вернее... ну да ладно, пришлось идти к ней.

Наташка открыла дверь с хитрющим видом. Как только мы появились в коридоре, на нас набросилась толпа людей с криком: «Сюрприз!»

- Ну вы даете, - обалдела я. - Мы всего на час опоздали, чего вы все уже такие веселые?

Народ хихикал и стучал бокалами. И тут Сергей начал встречать знакомых. Я раньше думала, что только дома не могу пройти по улице, чтобы кого-нибудь не встретить, а тут на тебе! А говорят, Москва - большой город! По-моему, все присутствующие девушки тут же повисли на Сергее и начали с ним здороваться. Так вот как сейчас здороваются... А этот и рад, конечно...

Так! Я же не ревнивая. Вроде бы. Была. Раньше. Давно...

Когда у меня над ухом раздалось: «Привет, красавица!», я аж подпрыгнула от неожиданности. Слава-блондин протягивал мне бокал с вином и приторно улыбался. Что женщины находят в блондинах? Никогда их не любила... Но вино взяла и гордо удалилась с ними (вином и Славой) в комнату, пусть Сергей сам со своими тетками разбирается!

Надо отдать ему должное, ни с кем разбираться он не стал. Ровно через секунду после моего ухода появился в комнате. К Славе я потеряла интерес в тот же момент. По-моему, я ушла на середине чего-то, что он мне говорил. Успокоилась я, только когда Сергей обнял меня двумя руками. Не нужен мне никто, никакие блондины! И не хочу, чтобы ему кто-то был нужен!

Странное ощущение преследовало меня весь день рождения. Так бывает, когда попадаешь в компанию давно знакомых людей. У них свои шутки, одинаковые фразы, они понимают друг друга с одного жеста. Тут было все именно так. Ни с того ни с сего все начинали смеяться в совершенно непонятных для меня местах.

Праздник был давно в самом разгаре, все сытые и довольные сидели в комнате на полу, оставив диваны пустыми. Это студенческая привычка - сидеть на полу. А еще заначки делать, даже если стол от еды ломится.

Разговор зашел о театрах.

- Так как тебе «Сатирикон»? - поинтересовалась Наташка.

- Хорошо.

- Ой, Сергей Николаевич, а вы тоже там недавно были, я вам билет отдала. Помните?

Одна из девиц оказалась секретаршей издательства. Людочка, кажется.

- Так вы там тогда и встретились, - закричала Наташка.

Сергей уже минут двадцать сосредоточенно поглаживал мою ногу, поэтому был настроен весьма романтично. Он вдруг разговорился и начал в красках описывать нашу встречу в театре. Рассказ пользовался бешеным успехом, народ смеялся как ненормальный, особенно над забытым портфелем.

- А если бы не портфель, не встретились бы, - закончил историю Сергей.

- Ой, я пойду водички попью. - Наташка аж плакала от смеха.

Когда все успели так напиться?

Меня начинало грызть какое-то нехорошее предчувствие. Веселые они все, конечно, ребята, но не до такой же степени! Сейчас Наташкина компания производила впечатление сильно обкуренных или обдолбанных людей. Зная Наталью, это объяснение происходящего я сразу отменяла. Разве что им кто-то какую-то гадость без их ведома подмешал. Можно, конечно, списать на спиртное... Да нет. От того количества водки, которое стоит на столе в количестве двух начатых бутылок, люди не могут ползать по полу и икать от смеха.

- От любви люди глупеют, - сказал Слава.

И все опять покатались со смеху.

Поначалу мне все очень понравилось: девушки расцеловали меня, как родного, мы сразу стали центром внимания, и все присутствующие смотрели мне в рот. Катя даже заревновала, по моему, но я все-таки вытащил ее из темной комнаты, где она пыталась уединиться, и потянул к людям. Пусть видит, какой я у нее хороший. И пусть гордится! И было чем: общение с Катей, похоже, пошло мне на пользу, потому что все мои замечания встречались всеобщим восторгом, а вполне невинный рассказ о посещении «Сатирикона» вызвал бурю веселья. Эпизод с забытым портфелем заставили рассказать два раза.

- Так что, - закончил я торжественно, - когда я одним своим видом разогнал всех саперов и минеров, то вызволил Катерину из плена гардеробщиц и повез кататься.

- О... о...- стонала секретарша Людочка,- о-о-он взял... хи-хи-хи.

- А портфель? - преувеличенно серьезно интересовался блондин из детско-гороскопного издательства. - Портфель больше нигде не забывал?

- Нет,- ответил я,- портфель я с тех пор берегу. Ведь если бы не он, мы бы и не встретились.

Тут началось что-то невообразимое. Я всегда считал себя хорошим рассказчиком (и многие мои знакомые девушки полностью разделяли мою уверенность), но чтобы вот так кататься по полу и бить друг друга диванными подушками...

Я насторожился. Обернувшись к Кате, обнаружил, что и она какая-то растерянная. То и дело моя Кошка обводила собравшихся круглыми глазами, а потом поворачивалась ко мне, словно в поисках защиты. Конечно, нужно было утащить ее в уголок и там порасспросить, что случилось, но не могли же мы так просто развернуться и уйти. Поэтому я ограничился тем, что обнял Катку покрепче и попытался перевести разговор на другую тему.

- Извини, Наташа, что я первый раз на твоем дне рождения, и без подарка.

О подарке, если честно, мы вспомнили уже в прихожей. Не до того как-то было.

- С подарком, с подарком, - сквозь слезы хохотала именинница, тыча пальцем в сторону Кати, - еще с каким.

- Ага, - подхватил кто-то незнакомый, - лучший подарок тот, который сделан своими руками.

Тут я понял, что гости сегодня расположены умирать со смеху не только от моих острот, но и

от всяких глупостей. Ближайшие несколько минут никто говорить не мог. В конце концов Маринка, которая всегда отличалась практичностью, махнула рукой в сторону стола:

- Пошли поедим, не пропадать же продуктам. Зря мы что ли, Емельянов, их с тобой покупали.

Когда половина присутствующих хором прокричала «В „Пе-ре-крест-ке"» - на манер «Бу-ра-ти-но», - я окончательно убедился в том, что дело нечисто. Порывшись в памяти, я действительно вспомнил, что когда-то пытался сходить с Маринкой в магазин, но ничего смешного в этом не увидел.

- Подожди,- сказал я,- ходить-то мы ходили, но, насколько я помню, не дошли.

И чего они ржут?

- Ладно, - уже раздражаясь, сказал я, - пора выпить за именинницу.

Но это была компания сумасшедших, одержимых манией хохота. «Не вижу причин для веселья, - подумал я. - Вообще больше ни слова не скажу».

- Спасибо, дорогая подруга, - сказала Наташа куда-то мне под руку, откуда тревожно блеснула глазенками Катя, - за поздравление с моим днем рождения.

- От любви люди глупеют, - веско заявил кто-то за моей спиной.

Я обернулся. Фразу выдал тот самый лощеный блондин, который мне сразу не понравился. Это было слишком. Никому не позволено оскорблять мою женщину в моем присутствии!

Видимо, решимость двинуть блондину в ухо запечатлелась на моем лице крупными буквами, потому что хозяйка дома очутилась между нами, но обратилась почему-то не ко мне, а к Кате:

- Дорогая Катя! Мы с тобой знакомы много лет. Какого числа у меня день рождения?

- Двадцать второго, - ответила Катя и прижалась ко мне поплотнее,- января.

- Как января? - Я ничего не понимал. - Почему января?

Девушка моей мечты испуганно блеснула на меня глазенками и промолчала.

- И что это все значит? - поинтересовался я.

- Это значит, - терпеливо пояснила Наташа, - что вы друг от друга совсем ошалели, очевидных вещей не замечаете. Катька, у тебя глаза совершенно прозрачные. А ну пересядь вон туда!

Катю утащили. При этом она поспешно зажмурилась, но я успел убедиться, что ее подруга права - глаза были цвета хорошо вымытого хрустала.

Окружающие продолжали похохатывать и пофыркивать.

- Да и ты, извини, не лучше, - сказала Наталья, обращаясь уже ко мне. - Мы-то надеялись, что хотя бы мужчина в этой сумасшедшей парочке окажется немного наблюдательнее.

- В смысле? - Я все сильнее ощущал, что меня здесь хотят обидеть.

- Тебя ничего не смущает в составе моих гостей?

Я обвел собравшихся тяжелым взглядом. Гости как гости. Придурки все как один, но это не такая уж редкость в наше время.

- Не видишь ли ты, уважаемый Сергей Федорович, - вкрадчиво проговорила мнимая именинница, - кого-нибудь знакомого?

- Вижу: наша секретарша; Маринка - моя одноклассница, Славу я тоже видел пару раз.

- Ну и?..

- Что?

- Я же говорю, - сказал белобрысый Слава, - от любви глупеют.

Он явно нарывался.

- Это все мои гости, - многозначительно сообщила Наташа, пристально глядя мне в глаза. - И мои друзья. А подружались мы, пытаясь вас, голубки, довести до нынешнего состояния. Но, похоже, перестарались.

- До какого состояния? - Я начал свирепеть.

- Да познакомить мы вас решили! - Наташа чуть не сорвалась на крик. - И познакомили! Да еще так удачно!

- Ничего подобного! Мы из-за милиционера познакомились!

- Это была единственная случайность в моем гениальном тщательно спланированном плане! - гордо заявила хозяйка вертепа.

- То есть вы нас сводили? Как собачек для вязки?

- Дурак ты, Сергей! - махнула рукой Наталья. - И что эта красавица в тебе нашла?

Только тут я вспомнил о Кате, которая за время выяснения отношений съежилась в углу на табуретке и стала похожа на мокрую синичку.

- Я не знала, - прошептала она, не раскрывая глаз, - я, честно, не знала...

Я знала!

Нет, не так. Ничего я не знала, я чувствовала.

Моя интуиция с самого начала праздника верещала мне дурным голосом, что что-то здесь не так. Но я же не об этом думала.

Когда Наташка вдруг начала произносить тост, моя интуиция заорала так, что перешла на ультразвук, но было уже поздно. Единственное, что мне оставалось, это вжаться в Сергея и зажмуриться.

- У меня есть тост, - говорила Наташка, - я предлагаю выпить за наших дорогих Катю и Сергея...

- Давай лучше за именинницу выпьем. - Меня напрягли и испугали эти свадебные мотивы.
- Дорогая Катя! Я тебя очень люблю. Я знаю тебя уже семнадцать лет, вот скажи мне, когда у меня день рождения?
- Двадцать второго января, - выпалила я, не задумываясь.

А потом задумалась и посмотрела в окно на зеленые листики. Что-то не вязалось...

Народ вокруг глазел на меня с нетерпеливым ожиданием. Моя интуиция уже не кричала, потому что сорвала голос, но она изо всех сил жестикулировала. Показывала, что уходить надо, пока не поздно. (Верещагин, уходи с баркаса!..) Я уже смутно догадывалась, что должна что-то сообразить, но совершенно не догадывалась что. Наташка не выдержала.

- Я тебя умоляю, отойди от него. - Она оттащила меня от Сергея. - Сядь сюда, с тобой невозможно разговаривать, у тебя глаза прозрачные. Послушайте, мы уже изнемогли. Мы-то думали, всем будет весело, а вы нам праздник портите, ничего не соображаете.

Поскольку Сергея рядом теперь не было, мне стало совсем неудобно. Холодно как-то стало и страшно. А Наташка, отмахнувшись от меня, начала разговаривать с Сергеем, резонно предположив, что мужик должен соображать лучше.

- Да мы же познакомить вас хотели! - кричала моя подруга.

Вот этого ты и не должна была знать, заявила интуиция, постучала пальцем по лбу и ушла, оставив в мозгу огромное пустое место.

Сергей начал задавать какие-то вопросы, что-то выяснять, злиться... Я сразу поняла, почему он злится. Он явно решил, что это хитрый трюк по его соблазнению и что это я все подстроила. Приехала из провинции, познакомилась с мужиком, решила перебраться в Москву...

- Я не знала. Я правда ничего не знала, - сказала я.

Вернее, не сказала, а провыла. Потому что именно в этот момент я совершенно отчетливо поняла, что сказка кончилась.

Сначала стало обидно. Потом - очень себя жалко. Хотелось поплакать, но я даже из кухни выйти не могла, куда мы все зачем-то забились. Мне бы пришлось расталкивать людей, чтобы пробиться к выходу, меня бы никто не выпустил.

Сергей злился и выяснял у Наташки какие-то подробности. А я понимала, что не хочу ничего слышать.

Первый и единственный раз в жизни у меня была сказка. Красивая сказка, почти книжный любовный роман. Ведь у нас с Сергеем в своем роде уникальные отношения. Мы друг друга не добивались, никто ни за кем не бегал и не ухаживал. Мы как-то по обоюдному и одновременному желанию оказались в одной постели. Нам нечего друг от друга скрывать, незачем друг перед другом выпендриваться. Мы такие, какие есть. Были... А вот теперь он всегда будет думать, что я ему завтрак делаю, потому что хочу, чтобы он на мне женился.

А я ему завтрак делаю, потому что знаю, что ему будет приятно. А мне приятно, что ему приятно. А если не сделаю, то ему будет приятно принести мне в постель чай. Потому что ему приятно, что мне приятно...

Ай...

Я включилась в разговор и тут же об этом пожалела. Потому что именно в тот момент герой-любовник-блондин рассказывал, как он мужественно провел со мной ночь, потому что его об этом попросила Наташка. Сначала я хотела спросить, не слишком ли ему было противно, а потом поняла, что язвительно спросить не получится, получится жалобно. Лучше помолчать... То есть лучше, конечно, уйти, но мне даже уйти некуда. Все мои вещи у Сергея. Как я теперь к нему пойду? Нужно придумать какой-то благовидный предлог, чтобы у Наташки остаться. Например, помочь посуду помыть. Я думаю, Сергей не расстроится.

Ну вот, сейчас точно заплачу... Только этого не хватало. Хорошо, что всего один день остался. Как-нибудь переживу. Нет. Не переживу. Если уходить, то совсем. Поезда всю ночь ходят, нужно собираться и ехать домой. Потому что выяснять отношения я просто не в силах.

Поплачу дома.

Со слов Наташки получалось, что вся история нашего с Катей романтического знакомства (за исключением стартового милиционера) разработана и внедрена в жизнь ею, Наташкой. Единственное, что мешало осуществлению этого блестящего плана, – это мы. То есть я и Катя.

- Я своего Антошку, – возмущалась Маринка, – из-за тебя, Емельянов, три часа по свежему воздуху таскала! Он, правда, спал потом как убитый, но руки у меня от коляски два дня болели! И что? Пока я доставляла тебя к «Перекрестку», Катерина Ивановна решила прогуляться до «Седьмого континента»! Все наши с Натальей расчеты – коту под хвост!

- Обожди, – перебил я мать семейства, – а откуда вы с Натальей друг друга знаете?

- Да мы знакомы уже тыщу лет! – ответила Маринка. – Когда-то работали вместе в одной книготорговой конторе...

- Да ладно! – вступила в разговор Людочка. – Но как вы нас сделали с «Сатириконом»!

- Людочка, – подозрительно сказал я, – только не говори мне, что ты с Натальей знакома тыщу лет!

- С Людой мы знакомы меньше года, – ответила за нее хозяйка. – И познакомились, кстати, благодаря вам. Должна же я была навести справки о человеке, у которого лучшая подруга так бездарно провела две ночи подряд.

- Ничего, – хихикнула Людочка, – они за последнюю неделю все наверстали! Что вы так смотрите, Сергей Федорович? Последние четыре дня вы бродили по работе с таким блаженным видом... А вчера вообще джемпер задом наперед надели.

Я почувствовал, что краснею. Вчера так торопился на работу, что не успел толком попрощаться с Катей.

Потому что как только мы начинали прощаться, то увлекались...

- И что, – буркнул я, – трудно было мне сказать про джемпер?

- Я говорила, – ответила наша секретарша, – четыре раза. А вы так рассеянно улыбались и

говорили: «Конечно-конечно». И уходили бродить по офису.

Наташка глянула на невинно округлившую глазки Людочку и приснула.

- Да уж, - прокомментировал я, - нашла ты себе, Наташенька, подругу-

- Это как раз было просто, - сказала хозяйка квартиры, - гораздо сложнее оказалось растолковать кассиру «Сатирикона», что мне не просто нужны два билета на завтрашний спектакль, но такие, чтобы не рядом, а на соседних рядах. Причем с одного места второе должно было хорошо просматриваться. Катя, у тебя потрясающий профиль, я хотела, чтобы Сергей его оценил.

Катя не подавала признаков жизни.

- Но и тут вы умудрились разминуться! Хорошо еще, что ты, Сергей, не только опаздываешь везде, но и портфели забываешь где попало! Короче, на третий раз я уж приняла все меры, чтобы вы друг мимо друга не проскочили.

- Какой еще третий раз? - Я уже устал злиться.

- А на банкете! Я сто раз все перепроверила: и что ты на банкет пойдешь, и Катю подготовила, и все придумала, как рядом вас поставить, и Славу попросила подстраховать. И что бы вы думали? На тебя цепляется какая-то мымра крашеная и висит, как банный лист на...

- И тут пригодился я! - гордо заявил Слава-блондин.

- Ты? - внезапно подала голос Катя. - И ты тоже?

- Я не «тоже», я один такой... Эй, ты чего? Разве тебе не понравилось?

- Что ей должно было понравиться? - Я чувствовал, что без мордобоя сегодня не обойдется.

- Расслабься, - покровительственно рассмеялся белобрысый красавчик, - мы просто гуляли по Москве.

- Это я ему посоветовала, - вступила Наташа, - от тебя все равно никакого толку не было. И что, такой красоте пропадать? Правда, назавтра...

Но что случилось назавтра, я знать не хотел. С меня хватило того, что я уже знал. Я сгреб Катю в охапку и повел ее прочь от этих идиотов. Жизнь они нам строили! Сводники, мать их общую так!

И как только мы выскочили в тамбур, я, не доставая мою Кошку из охапки, крепко-крепко прижал ее к себе. В конце концов, она ведь не виновата, что у нее друзья - придурки.

И тут Катя отчаянно, взмахнув, разревелась.

Сейчас я понимаю, что интуитивно все сделала правильно. Вернее, что Сергей интуитивно все сделал правильно. Потому что если бы я делала то, что планировала, все было бы хуже некуда. Это только в сказках и любовных романах мужчина всегда знает, что делать, а в жизни...

Инициативы от них не дождешься, особенно в критических ситуациях.

А для меня ситуация была совершенно критическая - мне было плохо. Плохо, потому что, во-первых, я хотела, чтобы сейчас Сергей понял, что я чувствую. Знаете, как в фильмах, главный герой наклоняется к героине и говорит:

- Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь...

Во-вторых, я хотела, чтобы он понял, как меня нужно утешить. А это сложно, поскольку я сама совершенно не знала, чего хочу. То есть знала. Я хотела отмотать время назад на четыре часа и не ходить на этот чертов день рождения. Как, слабо?

Я думаю, что он не думал. То есть уверена, что не думал. Просто машинально обнял меня, когда мы вышли из квартиры. Видимо, задумался... А я от неожиданности расплакалась. Просто не ожидала. Понимаете, я ведь уже мысленно с ним рассталась. Уже придумала, как сейчас соберу вещи, сяду в поезд. Точно знала, как мне завтра без него будет плохо. Знала, что он не позвонит, потому что от мужчины в критической ситуации... (см. выше). А тут он вдруг обнял меня... Я уже настроилась на то, что этого никогда не случится, он сейчас будет угрюмо молчать всю дорогу, потом, когда я начну собирать вещи, пожмет плечами и выйдет на кухню, в лучшем случае, до лифта проводит, а тут... Он был такой родной... Я как будто сто лет с ним не виделась... Короче, слезы ка-а-ак ливанули!

И что ему оставалось делать? Пришлось меня утешать. Он говорил, что все будет хорошо, говорил, что я красивая и умная, говорил, что нос у меня вовсе не распух на пол-лица, говорил, что у меня замечательные друзья и что все, в конечном счете, получилось очень даже хорошо... Думаю, если бы я не разрыдалась, никогда в жизни этого не услышала бы. Я самозабвенно плакала. Столько всего нужно было отстрадать! Я ведь уже все придумала: как мы случайно встретимся через год-два где-нибудь на презентации, я с другим, он с другой. Как мы друг друга увидим... А дальше я так и не решила, как будет трагичнее: если он мне уже будет не нужен или все еще чувства будут живы и нас ка-а-ак шарахнет! И мы ка-а-ак пожалеем о потерянном времени!

И вдруг все отменяется, вроде как расставаться не надо. А слезы-то уже накопились. Причем на год вперед.

Пока я всхлипывала и хлюпала, Сергей уверенно вел меня домой. Расстояния между соседними домами не хватило для того, чтобы успокоиться, пришлось еще немного порыдать у подъезда. На свежем воздухе мне как-то лучше плакалось. Наконец я стала приходить в себя. Причем исключительно благодаря Сергею. Ему надоело разговаривать, и он меня поцеловал. Сначала хотел слезы вытереть, а потом увлекся.

А знаете, оказывается, совершенно невозможно плакать и целоваться одновременно! Что-то одно приходится прекратить делать. Лично я прекратила реветь.

Через некоторое время я наконец-то смогла на чем-нибудь сфокусироваться и попытаться что-нибудь сообразить. Это я... Я стою у подъезда... Смотрю на подъезд... Там сидит охранник... Он мне подмигнул...

Стоп! А чего это он мне подмигнул?! Это же Петрович!.. Не думая о последствиях, я рванула к нему.

- Петрович! Зачем вы это сделали?

- Что? - Петрович аж сел.

- Зачем вы мне сказки рассказывали про бывшую жену Катю? Зачем?!

Могу себе представить, как это со стороны выглядело. Лохматая, зареванная, глаза горят праведным гневом... Бедный Петрович!

- П-про какую жену? - Бедный Петрович стал заикаться. - Нет у меня никакой жены.

Так мы и брели ко мне домой. Я гладил ее, целовал в волосы, шептал на ухо всякие ободряющие слова, но Кошка-Катюшка только взревывала громче и прижималась ко мне сильнее.

Где-то на задворках сознания меня время от времени сверлила мысль, что сейчас нас увидят соседи, и... Ну, милицию, наверное, не вызовут, но шептаться за спиной будут обязательно. На подходе к подъезду (интересная конструкция - «подход к подъезду») я остановился и попытался милое ревущее создание хотя бы чуть-чуть успокоить. И успокоил. Вернее, не успокоил, а перевел энергию в другое русло.

И вот, значит, стояли мы, целовались с самоотверженностью необычайной, как вдруг Катя от меня оторвалась, уставилась куда-то за мое правое плечо и злобно на кого-то кинулась.

- За что?! Почему? Какая еще жена? За что?!

Обернувшись, я обнаружил, что моя слабая и нежная подруга трясет за лацканы старика Петровича. То есть не старика, а крепкого шестидесятилетнего мужика - между прочим, майора спецназа в отставке. А тот уже и хрипеть начал:

- Сережа! Добрый вечер! Вы ей скажите, ради бога, что у меня и жены-то нет!

А что я скажу? Все, что я смог, так это оттащить Кошку на безопасное расстояние и попытаться выяснить, чего она хочет от уважаемого члена общества и по совместительству охранника нашего подъезда.

Через пять минут всхлипываний, шипения и моих уверений, что «ты у меня самая красивая» удалось выяснить, что речь идет о том приснопамятном случае, когда Петрович втирал Кате, что она - моя бывшая жена, которую я жду не дождусь назад. Получив необходимые сведения, я повернулся к охраннику. Тот смущенно чесал нос.

- Был грех, - со вздохом признался Петрович. - Я уж и забыл. Думал, обойдется. Это все Коля Петруньков...

- Нельзя ли поподробнее, - потребовал я. - Что за Коля. И при чем тут Катя.

Выяснилось, что Коля Петруньков - бывший сослуживец нашего Петровича. За какие-то провинности Колю перевели в милицию, в охрану метрополитена. И вот однажды, когда наш бравый майор двигался принимать смену, то обнаружил у входа на станцию «Южная» живописную тройцу. Причем двоих (Колю и меня) Петрович знал, а третья оказалась дамочкой с раскрытыми глазами, которая непрестанно рылась в сумочке и подозрительно зыркала то в сторону милиционера, то в сторону меня.

Выждав, пока Коля разобрался с нами, наш хранитель подъезда подошел к нему и «из чистого стариковского любопытства» поинтересовался, что это тут за комедия происходила.

- Он и говорит, попалась девушка явно из провинции, да еще без документов. А тут вдруг мужик какой-то нарисовался, назвал девушку женой Катей, щедро расплатился и уволок куда-то. «Может, - говорит, - зря я их, Петрович, отпустил? Мужик-то явно не ее. Вдруг насильник или террорист?» А я ему говорю: «Брось, Коля, это свои. Я его хорошо знаю, приличный человек. Просто помог девушке». Разошлись мы с ним, а на следующий день смотрю: а девушка эта возле нашего подъезда ошив... то есть проходила мимо. Петрович замялся.

- Ну? - потребовал я продолжения.

- Ну, я и подумал... То есть не подумал... Черт меня дернул. Устроил небольшое представление. А что? Никто ведь не пострадал, правда? Наоборот, вижу, все у вас на лад пошло.

Охранник кивнул в сторону зареванной, растрепанной и насупившейся Катерины.

- Так что извините, - закончил он, и лукавый бесенок проскочил в его глазах, - поторопился я с женой. Самую малость.

Ну вот как на таких злиться?

Оказавшись дома, я отпустил Катю в ванную приводить себя в относительный порядок, после чего запустил комп и загрузил Excel. Подумал немного и приступил к вводу данных, нуждающихся в осмыслении.

Когда мое рыжее счастье появилось в комнате, у меня уже была готова таблица примерно такого вида:

Мистика Разгадка

Угадал имя

Петрович - назв. Катю женой..... Пошутил

Желтое платье

Дверь!..

Фотография

E-mail одновр.

Сатирикон Нат.

Банкет Нат.

Звонок (ошибся номером)

Оказались на одной станции?

Пароль компьютера

- Что это, - спросила Катя, мило шмыгнув носом.

- Вся та мистика, которая с нами приключилась за этот год. И объяснения, которые можно

предложить.

- А-а-а, - протянула она, - что за желтое платье?

- Помнишь, ты обнаружила у меня дома желтое платье и решила, что оно твое, потому что у тебя раньше было такое же?

- Нет. У меня было бежевое платье. А тут какое-то желтое.

Я вздохнул и исправил цвет. Катя удовлетворенно улыбнулась.

В квартиру я ввалилась в полном раздрызге чувств. И сразу же слиняла в ванную. Мне хотелось как-то оклематься и немного побыть одной. Я набрала полную ванну и даже помыла голову. Полегчало. Видимо, организму очень нужны были простые житейские вещи, без мистики, без приключений и без сумасшедшего перепада эмоций.

В таком состоянии хорошо жарить блинчики на компанию человек в сто. Тупая механическая работа. Успокаивает, наверно.

Почему-то, когда я с Сергеем, все получается по максимуму. Сначала я рыдаю, как ненормальная, потом смеюсь, как сумасшедшая. А сегодняшнего дня по эмоциям хватило бы на месяц довольно насыщенной жизни.

Из ванны я вышла уже почти человеком. А когда увидела светящийся экран компьютера с таблицей Excel, мне стало совсем хорошо. Сразу стало понятно, что:

1) Сергей сейчас во всем разберется.

2) Никакой мистики нет. Потому что мистика в Excel такой же нонсенс, как и гадание на компьютере. Когда сам карту из колоды вытаскиваешь, это еще куда ни шло, но когда это делает компьютер, я, например, кроме генератора случайных чисел, никакой мистики не вижу. Я думаю, что Сергей выбрал Excel именно за это.

Word не такая солидная программа, в ней можно и ерунду всякую написать.

3) Сергей не сердится. А значит, уезжать мне не нужно.

Я внимательно ознакомилась со списком.

- Ну, во-первых, платье было бежевое.

Сергей фыркнул, но исправил.

Я еще раз перечитала список.

- Кстати, а почему ты меня в «Сатириконе» не заметил?

- Я опоздал. Сидел не на своем месте.

- А-а. То-то они все так ржали, когда ты сказал, что если бы не портфель... Думаю, у них наболело. - Я опять уткнулась в список. - А что за письмо?

- Я тебе как-то письмо написал. А потом оказалось, что ты в Москве. А письмо я писал не просто так, а потому что ты мне в толпе померещилась.

- Интересно. А может, это я и была. Стоп! Да я, наверное, тоже тебя видела! Подумала, что мужик с коляской на тебя похож, а это, скорее всего, был ты с Маринкой. Вот черт! А они говорят, что мы им мешали. Это они нам мешали! Если бы не было Маринки...

- Я бы дома сидел, - прервал меня Сергей.

- Логично... А вот пароль компьютера - просто совпадение. Никогда бы не подумала, что у тебя такой легкомысленный пароль!

- Не вижу ничего легкомысленного в собственных инициалах.

- Каких инициалах? Я набирала «cat». Ммя! Я всегда таким паролем пользуюсь. Потому что меня зовут...

- Стоп, - Сергей уставился на клавиатуру, - ага... понял. Смотри, твои буквы С, А и Т совпадают с моими инициалами: Сергей Федорович Емельянов.

Я некоторое время рассматривала клавиатуру. Правда, совпадают. С точностью до языка. Надо же... В самый разгар осмысления этого совпадения зазвонил мой телефон - Наташка.

- Катя, - голос у подруги явно озабоченный, - вы там как?

- Нормально. А что, боишься, что поругаемся?

- Да уж! Вы можете! Не пугай, меня тут и так уже все заклевали, - взмолилась она. - Это же была моя идея. Народ отговаривал публичное разоблачение устраивать. А я настояла. Я говорила, что у Катки чувство юмора супер, ей все понравится... Ты хоть не обиделась?

Чтобы не выяснять отношения при Сергее, я тихонько вышла на кухню.

- Да вроде нет. Просто как-то унизительно. Что я, сама себе мужика найти не могу?

- Не обижайся! Понимаешь, это же был шанс: один на миллион! Он холостой, нормально зарабатывает, а главное, живет со мной в соседнем доме! Ты же знаешь, я всегда мечтала, чтобы ты ко мне в Москву переехала...

Я по тебе скучаю. А ты тогда такая разнесчастливая приехала! Ну, я и окончательно решила, что нечего тебе там без меня делать, нужно тебя сюда перевозить.

- Ага. А не Сергей, так Слава.

- О! За Славку ты тем более не обижайся. Я его, просила только с банкета тебя увести, так, чтобы этот олух приревновал. Дальше все была его инициатива.

Наверное, неправильно даже себе признаваться, но это известие меня окончательно примирило с жизнью. А то осознать, что мужик провел со мной вечер исключительно потому, что его об этом попросили... Пусть он мне не нужен, но это все равно ужасно!

- Ладно, Наташ, пойду к Сергею. Мы тут пытаемся во всем разобраться. Кстати, а фотография и платье - тоже ваша работа?

- Какая фотография? А какое платье?
- Так. Ты мне честно скажи, не придуривайся!
- Да не придуриваюсь я. Какое платье?
- То есть вы в квартиру Сергею ничего не подкидывали.
- Чего?

Тут на кухню влетел взбудораженный Сергей, размахивая фотографией.

- Катька, я все понял!
- Наташ, я тебе потом позвоню! - хлопнула трубку я. - Ну?!
- Посмотри на фотографию внимательно. Вот ты. А вот я. Ты машешь рукой туда. А я сюда. Понятно?
- Понятно. Ну и что?
- Да посмотри внимательно! Ты черная, а я белый. Понятно?
- Понятно. Только ты так не волнуйся. И что?

В итоге выяснилось, что Сергей имел в виду. Фонтан «Ночь» в Гурзуфе – место паломничества туристов. Выбрать момент и сфотографироваться так, чтобы никто на заднем плане не маячил, практически невозможно. Вот и получилось, что мы как будто вместе, а на самом деле даже машем руками немного в разные стороны, он, видимо, жене, а я, видимо, мужу. А они где-то недалеко друг от друга стоят и нас фотографируют.

- Теперь понятно, почему у меня такой фотки нет, – сказала я. – Посмотрела на негативе, что я с каким-то чужим мужиком, и не стала печатать.
- Я тебе не чужой! – возмутился Сергей.
- Слушай, мы же могли познакомиться лет восемь назад! – дошло до меня.
- Нет. Мы практически разминулись. Я же говорю, ты черная, то есть там уже давно, а я белый. То есть только что приехал.
- Ерунда это... Я уже на третий день на юге такая черная. Только Дима не дал бы мне ни с кем познакомиться. Разве что сам бы запал на твою жену.
- Ладно. Пошли в комнату, – сказал Сергей, – будем разбираться дальше.

Сергей вел расследование бодро и стремительно. В какой-то момент у меня возникло ощущение, что он сейчас начнет строчить формулы из курса теории вероятности и матстатистики. В нем, наверное, от потрясения проснулся математик. Думаю, он не начал уравнения писать, потому что не помнил. Но я все оценила. Он старался быть очень умным.

Честно говоря, к середине наших разборок я устала. Надоело переживать, а любопытство, видимо, тоже сильно недосыпало вместе со мной все последние ночи, потому что отрубилось и, по-моему, даже похрапывало.

Как мы оказались на одной станции метро? А бог его знает! Ну, оказались так оказались. Я уже поняла, что Москва маленький город. На каждом шагу встречаешь знакомых...

Как я открыла дверь? Руками. Я уже говорила, что в тот момент стенку проломила бы, лишь бы уйти. А проводить эксперимент не хочу, потому что сил нет встать. Мне тут, в кресле, очень тепло и уютно.

Как он умудрился позвонить мне по телефону? Вот тут даже я не смогла от него отмахнуться. Потому что попасть «не туда» в Москве... Нет, наверное, можно, как нас учили: у любого события есть положительная, отличная от нуля вероятность. Вопрос, насколько отличная... Я задумалась. Потом вспомнила, что «симку» мне буквально накануне подсунула Наташка.

- Все ясно, - заявила я, - дай-ка мне телефон. Наташка схватила трубку почти мгновенно.

- Ну?

- Что, не спится вам? - ехидно поинтересовалась я.

- С вами поспишь! Так какое платье? Что ты там говорила?

- Бежевое, - машинально сообщила я, - тьфу ты, я не о платье. Скажи лучше, ты мой телефон Сергею сообщила?

- Сергею? Нет, не я. Я с ним вообще ни разу не общалась.

- Как не ты? А кто? Ты же мне сама «симку» московскую подсунула и настояла, чтобы я ее в телефон вставила. Кроме тебя, этого номера никто не знал.

- А-а-а! Тот телефон... Ну, он же сам не звонил, твой Сергей! А времени уже совсем не было! Ты бы так и уехала, а он ни на что не решился!

Тут Сергей не выдержал и забрал у меня трубку.

- Дай-ка мне Людочку. Я с ней побеседую. Ну что ты... Я по телефону до нее не дотянусь.

Дальше последовало довольно бурное выяснение отношений. Сергей обещая ее уволить, на что Люда, видимо, ответила, что Наташка обещала взять ее на работу, причем зарплату предлагает даже больше... Сергей разозлился, но быстро обмяк. Я так поняла, что на том конце трубки взяли правильный тон и рассказали что-то вроде того, что такой замечательной пары среди их знакомых еще не было, потому что главное что? Чтобы женщина красивая, а мужчина умный, а у вас (то есть у нас) все как раз так и есть, причем мужчина такой умный, ну такой умный... Короче, Сережа всех простил и они расстались лучшими друзьями.

Какой же он все-таки глупенький!

Звонок по телефону отнял у меня последние силы. Очень хотелось лечь спать. Но не одной же! А Сергей рвался в бой и, похоже, собирался сегодня разгадать тайну не только платья, но заодно и загадку тунгусского метеорита, и парадокс бермудского треугольника. Пришлось ему намекнуть... Чуть-чуть...

Да черт с ним, с этим платьем!

Катя внимательно перечитала список мистических совпадений. При этом она обнимала меня за плечи, что несколько сбивало с мысли, но было очень приятно.

- Кстати, а в «Сатириконе» ты правда меня не заметил?

Я вздохнул. Похоже, она решила, что я весь спектакль только на нее любовался, а когда он закончился, устроил представление с забытым портфелем.

- Да я опоздал, сидел чуть ли не в проходе...

- А что за письмо? - перебила Катя.

- А я тебе как-то однажды письмо отправил. А ты уже в Москве была. До этого долго не переписывались, а тут померещилось, что ты в толпе...

- Может, и я, - опять перебила она. - Это было в тот день, когда... когда нас в магазины водили. Меня Наташка, а тебя Маринка. Слушай! Я ведь тебя тоже увидела. И тоже решила, что померещилось: какой-то мужик, похожий на тебя, но с женщиной и ребенком!

Катя вздохнула и совершенно логично заявила:

- Если бы не твоя Маринка...

Я решил, что настала моя очередь перебивать:

- То я сидел бы дома, никаких писем тебе не писал бы. И не был бы морально готов к встрече в театре. Это все ладно. Ты лучше скажи, откуда ты мой пароль на компьютере знаешь?

- Ты лучше скажи, - затылком я почувствовал, что Катя улыбается, - откуда такая любовь к кошкам?

- А кошки тут при чем?

- Я про пароль.

Женщины всегда не дружат с логикой, но сегодня Катя била все рекорды. Наверное, стресс сказался.

- В качестве пароля, - терпеливо пояснил я, - я использовал собственные инициалы.

- А я - слово «cat».

Я посмотрел на клавиатуру, и до меня начало доходить.

- Конечно! - сказал я. - Они совпадают! Английская «С» там же, где русская «С», английская «А» на позиции русского «Ф», и «Т» на позиции «Е». «С-А-Т» - «С-Ф-Е»! Литерационные синонимы.

Я обернулся.

Зря я использовал термин «литерационный синоним», который только что сам и придумал. Известно, что оперативная память женщины не вмещает слова длиннее трех слогов. Вот и сейчас Катя преданно смотрела на меня бессмысленными глазами. «Ладно, - подумал я, - как-нибудь потом растолкую». Напротив слова «Пароль» в таблице я написал «ЛС», то есть

«литерационный синоним», потом вздохнул и исправил на «Совп.». В это время Кате позвонили, и она уединилась на кухне. Хотя болтала, судя по всему, со своей лучшей подругой и редкой заразой Наташенькой. Давно не виделись.

Я задумался над таблицей. Первым пунктом списка стояло «Угадал имя». После некоторых колебаний я и напротив этого пункта поставил «Совп.». Говорят, имя накладывает определенный отпечаток на человека. Все Кати (или Лены, или Сергей) немного между собой похожи. Я встречал в своей жизни несколько Кать, увидел незнакомку, подсознательно вычленил в ней некоторые родовые черты класса «Катя обыкновенная» и неосознанно классифицировал ее как Катю. Логично. И по-моему, весьма убедительно.

Какой я умный! Настроение снова начало подниматься.

«Бежевое платье» и «Дверь» пришлось пропустить. Пока Кошка болтала по телефону, разобраться было невозможно. Далее шла «Фотография». Фотку после небольших раскопок удалось обнаружить. Фотка как фотка. Какой-то юг. Фонтан. Я несколько моложе и гораздо стройнее. Только белый до безобразия. Я перевел взгляд на Катю. Та была просто шоколадного цвета. Это наводило на мысль, что она отдыхала тут уже месяц. Я явно только с поезда. Я присмотрелся повнимательнее. Мы не только разного цвета, но и стояли в разных позах: я позировал, она только собиралась. И смотрели в разные стороны. И вообще оказались рядом, безусловно, случайно. И тут я идентифицировал место: Гурзуф, фонтан «Ночь» – любимое место для съемки «на память» каждого сознательного туриста. Мы с супругой фотографировались на этом фоне раза три-четыре за отпуск, а вообще за две недели умудрялись отщелкать пять-шесть пленок. Так что если человек оказывался вместе с нами в Гурзуфе, то попасть в объектив нашего «Кодака» было гораздо проще, чем не попасть. Я гордо поставил «Совп.» и в этой строке таблицы и помчался на кухню докладывать о своей победе.

Катя выглядела уже лучше (все-таки нашла ее подруга слова утешения!) и со всеми моими доводами сразу же согласилась. Я чувствовал себя Шерлоком Холмсом в финальной части рассказа «Дело рыжих». Схватив единственного рыжего, попавшегося мне на пути, я потащил его (то есть ее) к компьютеру – демонстрировать мощь логического мышления.

Логическое мышление не подкачало. Оно подсказало, что в пределах одной станции во время моего звонка Кате мы оказались вполне закономерно, почти неизбежно. Живем на одной линии, путешествовать в тот день могли в пределах всего пяти-шести станций, так что вероятность встречи (с точностью до километра) составила... Много, в общем.

С дверью оказалось сложнее. Проводить следственный эксперимент Катя отказалась без объяснения причин. Зато поведала, что у нее дверь тоже немного заедает, и что она долго мучилась, пока не научилась с ней управляться, и вообще она ловкая, и ситуация была стрессовая... Короче, напротив «Дверь» я тоже с легким сердцем поставил «Совп.». В конце концов, нам могли попасться две двери с одинаковым браком. Не вижу причин, почему бы нет! Фильм «Ирония судьбы» – яркое тому подтверждение!

Пока все объяснялось в рамках теории вероятностей. Осечка случилась, когда мы начали анализировать ситуацию со звонком. Когда звонил я неизвестному автору, а нарвался на Катю. Но, с трудом вспомнив тот день, я сообразил, что номерок-то мне подсунула Людочка! Наверняка по наущению этой паучихи Наташки!

Контрольный звонок подтвердил предположение. Мобильника Люды я не знал, но она все еще веселилась в этой гоп-компании, поэтому я позвонил Наталье домой и разобрался с обеими. Девчонки клялись в чистоте помыслов, получили по выговору с занесением в черный список,

но в конце разговора были прощены.

Я увлекался все больше. Катя жмурилась, как усталая кошка.

- Смотри! - сказал я. - Только три пункта таблицы суть результаты подрывной деятельности. Зато шесть - явные совпадения, описываемые элементарными уравнениями тервера! Мы побеждаем за явным преимуществом! Осталось выяснить, что там у нас с желтым платьем.

- С бежевым, - промурлыкали мне в ответ и тут же поцеловали в ухо.

Это была провокация.

Через минуту я понял, что меня куда больше интересуют Катины кофточка и юбочка, нежели какое-то там желтое платье.

Даже если оно бежевое.

Да-а...

Неделька выдалась...

То есть неделька, конечно, ого-го. В смысле, хорошая. В хорошем смысле.

Мы ехали на вокзал, мимо проносилась моя любимая вечерняя Москва, а я ничего не чувствовала. Обычно мне из Москвы уезжать не хотелось. И сегодня не хотелось, но не потому что из Москвы, а вот от этого угрюмого Сергея, который так сосредоточенно ведет машину.

Как-то он неважно выглядел. Наверное, не выспался...

Хотя сегодня грех жаловаться, бывало хуже.

Мне будет его очень не хватать. Особенно по утрам... Хотя нет. Особенно по ночам. Да все время мне будет его не хватать, чего уж лукавить...

Хотя... Я попыталась представить Сергея у меня дома и не смогла. Он совершенно не укладывался в мою домашнюю жизнь. Машка, которая привыкла прилечь с утра «под бочок», явно не вызовет у него энтузиазма... Да и мне нужно вскакивать и нестись с ней в школу, уже не до утренних нежностей.

Да и что он мог бы делать у нас в городе? Работать? Где? Он с тоски умрет на вторые сутки.

Хорошо, так не получается. А если я в Москву? Еще хуже... Перевозить Машу, менять школу... А Олька?

Мы дружим уже тысячу лет, наконец-то квартиры рядом. Как я без нее? Никак... Я на телефонах разорюсь, ей из Москвы звонить...

Да и не зовет меня сюда никто, если уж смотреть правде в глаза.

Как я по Машке соскучилась! Завтра никуда не пойду, заберу ее из школы в двенадцать и буду сидеть с ней весь день. Сладенькая моя! Сейчас уже спит, наверное. Ждет, когда я приеду.

Наверное, Сергей тоже о чем-то своем думал, потому что мы дошли до вагона в абсолютном молчании. Молча занесли сумку в вагон, молча вышли обратно на платформу.

А что мне ему сказать?

Все, что могла, я уже сказала и сделала. Он должен понять.

Говорить, что я буду скучать... Как-то мелодраматично.

Пообещать звонить и писать? Вроде бы и так понятно...

А что бы я хотела от него услышать?

То, что он хорошо провел время? Это бы опошлито все, что между нами происходило.

Вообще все, что бы он ни сказал сейчас, опошлит. Потому что если начать все говорить...

Есть очень немного слов, которые были бы уместны, но ни произносить это вслух, ни даже услышать я абсолютно не готова. До них нужно дозреть, если их сказать сейчас, то это их полностью обесценит.

Я внезапно поняла, что очень хочу домой. Хочу, чтобы «крыша» вернулась, хочу перевести дух и посмотреть на все со стороны. Хочу рассказать обо всем Ольке, она умная, она меня поймет даже лучше, чем я сама себя понимаю. Потому что меня пугает, что мысль об «этих словах» пришла мне в голову и не вызвала никакого протеста, кроме того, что еще рано их говорить. Значит, в глубине души я понимаю, что увязла по уши...

Мы не целовались. Ну его! Зачем друг друга расстраивать. Я ушла в вагон по первому требованию проводницы, махнула в окно рукой и уселась в купе. Как-то неправильно... Наверное, нужно было что-то все-таки сказать на прощание...

Решение созрело мгновенно. Оказывается, я уже давно машинально крутила в руках телефон. В ту же секунду, когда я нажимала «отправить сообщение», послышалось «чирик». То есть мне пришла SMSKa.

Сначала я ничего не поняла. Потом не поверила. А потом рассмеялась так, что соседи по купе вздрогнули.

На экранчике светился смайлик :-), абсолютно такой же улыбающийся и беззаботный, как и тот, что я отправила Сергею секунду назад.

Все-таки придумать SMS мог только сильно влюбленный человек!

Мы ехали на вокзал.

На душе было хорошо и тепло. Такая здоровенная теплая пустота. Не такая пустота, от которой сосет под ложечкой и хочется выть, а приятная пустота, позволяющая ни о чем не думать, не напрягаться, не подыскивать нужных слов.

Мы и не подыскивали. Просто ехали и молчали. Изредка я посматривал на Катю и видел, что она тоже выглядит тихой и спокойной. Вчерашний вечер (да и ночь) выдались слишком бурными.

Наверное, нужно было сейчас думать о будущем, о том, как это оно все у нас сложится. Но не хотелось. Откуда-то мы знали, что будет... правильно. Будет так, как нужно нам обоим. И чего тут говорить.

Так, в молчании, мы добрались до поезда, погрузили Катины вещи в купе и вышли на перрон. И там стояли и молчали, пока не пришло время пассажирам занимать свои места, а провожающим – наблюдать сквозь толстое вагонное стекло, как пассажиры занимают свои места.

И тут мне захотелось что-нибудь сказать на прощание. Только не словами – получилось бы глупо. Я вытащил телефон и набрал совсем коротенькую SMS – смайлик, которые так любила Катя. Самый простой: двоеточие и закрывающая скобка. И не успел я его отправить, как телефон в руках зажужжал, сообщая, что кто-то решил побаловать сообщением и меня.

И я уже знал, от кого это сообщение.

Катя прислала мне один из своих любимых смайликов. Самый простой из них: двоеточие и закрывающая скобка.

Я улыбнулся. В графе «Мистика» в нашей таблице появилась еще одна пометка «Совп.».